

КАПИТАН ГРЭЙ

XII форум-фестиваль. Мурманск 2022

7-8 октября

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6
К-20

Составитель:
Дарья Высоцкая

Дизайн и верстка
Евгений Соловьев

К-20 **Капитан Грэй**

Капитан Грэй. Альманах – Мурманск: Дроздов-на-Мурмане,
2022. – 265 с.

Книга издана на средства гранта Правительства Мурманской области на реализацию проектов в области культуры и искусства в Мурманской области..

© Мурманская областная общественная
организация Союза писателей России, 2022

© Издательство «Дроздов-на-Мурмане», 2022

ДРУЗЬЯ КАПИТАНА ГРЭЯ

Дорогие друзья и команда Капитана Грэя, авторы и читатели! Перед вами очень необычный альманах. Во-первых, он целиком посвящен одному мероприятию, XII Открытому межрегиональному молодёжному литературному форум-фестивалю «Капитан Грэй». Во-вторых, это полноценный срез всей российской современной литературы, как уже состоявшихся и известных авторов, так и молодых перспективных.

И это не преувеличение. Нынешний «Грэй» превзошел ожидания всех, включая организаторов. 30 известных экспертов – писателей, критиков, а часто по совместительству еще и лидеров всероссийских и международных литературных фестивалей и конкурсов, редакторов крупных литературных журналов от Сибири до Калининграда, от Воронежа до Мурманска. Сотни заявок из более чем 200 городов России и десятка зарубежных стран от Канады до Израиля. После титанической работы экспертов и членов оргкомитета, в первую очередь Дмитрия Коржова, Вадимира Трусова и Игоря Панасенко, из этого океана литературы для участия непосредственно в мероприятиях фестиваля были отобраны около 100 человек. А десятка лучших из лучших получили рекомендации для участия в крупнейших всероссийских литературных проектах – литературном форуме «Осиянное слово», созданном и проводимом Алексеем Витаковым, и Совещании Совета молодых литераторов Союза писателей России «Химки», организованном Андреем Тимофеевым.

Это широчайший спектр современной литературы – признанных, ставших современными классиками мастеров, – немного литературы завтрашней, которую создают молодые писатели, поднявшиеся на борт «Капитана Грэя», наши яркие открытия, которых с каждым годом по курсу фестиваля становится все больше.

К сожалению, бумажный формат альманаха ограничен по объему, поэтому с этого года принято решение выпускать и электронную версию, куда могли бы войти все приехавшие на фестиваль участники, получившие рекомендацию мастеров к публикации.

Благодаря кому такое плавание стало возможным? Благодаря дружной команде «Капитана Грэя». Это все опубликованные здесь эксперты, в том числе те, кто не просто вел семинары, но и помогал развивать и продвигать фестиваль – Анна Харланова, Ксения Савина, Стефания Данилова, Татьяна Филиппова, Юлия Колмогорова,

Елена Захарова. Это упомянутые выше члены оргкомитета, а также вернувшаяся в оргкомитет директор фестиваля прошлых лет Дарья Высоцкая. Это наши партнеры – Министерство культуры Мурманской области, ФГУП «Атомфлот», Мурманский морской торговый порт, Мурманский арктический государственный университет, Мурманский государственный технический университет, Мурманская областная научная библиотека, которая уже третий год становится гостеприимной хозяйкой фестиваля, и Мурманская областная детско-юношеская библиотека, Президентский фонд культурных инициатив, на грант которого в этом году проходит фестиваль, Областной театр кукол и многие другие.

И, конечно, это сами участники фестиваля, ради которых и совершается волшебство под названием форум-фестиваль «Капитан Грэй».

И самое главное, чего бы нам хотелось, чтобы команда Грэя оставалась дружной, талантливой, развивающейся и прирастающей новыми именами еще много-много плаваний!

Директор фестиваля «Капитан Грэй» Илья Виноградов

АЛЕКСЕЙ ВИТАКОВ

Алексей Иольевич Витак – председатель экспертного совета и один из создателей литературного фестиваля-форума «Капитан Грэй». Родился в 1966 году в городе Микунь Коми АССР. Поэт, прозаик, автор-исполнитель. Выпускник Литературного института им. А. М. Горького. Председатель жюри и автор идеи Межвузовского литературного форума им. Н. С. Гумилёва «Осиянное слово». Автор и ведущий телепрограммы арт-кафе «Господин ветер» (СГУ ТВ). Руководитель литературно-художественных курсов «Послезавтра».

Автор семи поэтических книг и нескольких книг прозы. Живёт в Москве.

* * *

Меня откопали в Карельском лесу.
Пришли, подтянулись на смену.
Я вышел из рая, держа на весу
Берёз корневую систему.
Я был и пропал на той страшной войне.
И вновь вижу буйные краски.
Я вышел из рая с осколком в спине,
Без ног и в простреленной каске.
Под рёбра мне ветер холодный проник.
Вспорхнула над черепом птаха.
Сжал пальцы мои юный поисковик.
И сам растерялся от страха.
А синее небо висело у крон.
Мальчишка смотрел виновато.
Отдал я ему свой солдатский жетон
И погнутый ствол автомата.
Гудел самолёт, пролетая вдали.
Клонилась от ветра гвоздика.
И свечка горела у самой земли.
И только – брусника, брусника.

* * *

Земля, где ветер, высунув язык,
Из озера вселенную лакает.
Где свой ворона потеряла крик
И этот крик над пожнями летает.
Где летом ночь по темноте грустит.
За ветром филин повторяет фразы
Где я, и первобытный мой инстинкт
Приводит мысли к простоте рассказа
Здесь шли бои и в беглых новостях
Не то звучало, что в солдатских письмах.
И лес глухой стоит здесь на костях.
Как церковь – без иконы и без смысла.
Забытый дом, берёзка на крыльце.
Карелия – в своём скупом наряде,
Как женщина без счастья на лице,
Но с твёрдым всепрощением во взгляде.
Закаты, как безумные, горят.
Торгует лещ брусничкой на перроне.

И жители задолго говорят:
Кого где отпоют и похоронят.
В пыли дорожной места нет словам.
Куда поехать, коль стоишь у края?
Здесь ангел пьёт со мной по вечерам.
И чёрт за алкоголь меня ругает.

* * *

Ты жила у него на сетчатке глаз.
И на внутренней стороне запястья,
На огромной груди, на плече – анфас,
Словно гимн любви и простого счастья.

А когда уходил он на фронт, во тьму,
Из последних сил синева светила.
– Возвращайся скорей. – Ты сказала ему.
Помнил он, как ландыши ты любила.

Он вернулся спустя много, много лет.
Ваши дети стали землёй и хлебом.
Да и ты уж давно, обратившись в свет,
Пришиваешь к рекам дождями небо.

Поднимали его по частям наверх:
Руки, ноги, череп пробитый, гильза.
Над раскопом кружился и таял стерх,
Отражаясь точкой в озёрных линзах.

И стоял над карельским лесом густой,
Золотой закат – не закат, а пламя.
Он вернулся. И ландыши, как из той,
Из забытой жизни легли на камень.

* * *

Гнал на выпас карельские реки закат.
Багровела в разрывах брусника.
Заблудился в лесу поисковый отряд –
Не иначе, как ворон накликал.
Не иначе, как леший во тьме нашептал.
Или зло подшутила природа.
Скрежетал проржавевший металл о металл

В специальных мешках для находок.
Грелся август над чёрной, болотной водой.
Мох был шатким и скользким, как плаха.
И пуховой своей иван-чай бородой
Лез в глаза, не живые от страха.
Криво скалился месяц в деревьях, как тать.
Чуял волк приближенье охоты.
И слышалось им: «Ну, едрить вашу мать!»
И взлетела сова над болотом.
Шли они за совой по воде, по земле,
От берёзы к берёзе сквозь чащу.
И трещали, как выстрелы, сучья во мгле.
Гикал ветер дурной и пропащий.

В тьме крошечной вернулся усталый отряд.
Долго длились счастливые слёзы.
И они говорили: «Нас вывел солдат,
Костыли у него из берёзы.»
И смеялись над ними: «Хорош ерундой
Заниматься, особенно к ночи!»
Но скрипели берёзы над чёрной водой.
Но сверкали совиные очи.

* * *

Я в городе родном, и небеса
Транслируют из детства адреса.
И этот ворон в предзакатный час.
Меня в чужие крылья не отдаст.
Две долгих тени: биржи и моста
Пересеклись навеки не спроста.
Они на раз придумают сюжет.
А ты, гляди, не попадись, поэт.
Я в этой сети путался не раз –
Узлом завяжет, прежним не отдаст.
Свой призрак есть у города – бурлак.
Одна старуха говорила так:
– Кто пьяный и ведёт себя, как тать,
Того бурлак под мост уносит спать.
А коль не пьян, но тать ты – всё одно,
Того бросает он к сомам на дно!
Плывёт баркас рисунком на песке.

За папертью кончается проспект
И Волги свет вдоль отчего плетня.
В чужие волны не отдаст меня
И та старуха, что в раю сейчас
Меня в слова
чужие не отдаст.
И что бы я не вытворял порой –
Своей разгульной юности герой,
Куда бы не совал свой вредный нос,
Бурлак всегда носил меня под мост.

* * *

Запах гари. Воздух ломкий.
Покосившийся блиндаж.
Бегло рыщет по «зелёнке»
Звук, одетый в камуфляж.
Этот звук летит без цели,
Ужасает города,
Он на крышах, на качелях,
На земле, на проводах,
Он и в ведро и в ненастье,
Он подчас со всех сторон,
Глубоко сидит в запястье
И влетает в детский сон.
То длиннее, то короче –
От крыльца и до крыльца.
А ещё приходит ночью
В капюшоне, без лица.
Он качается, как дембель.
Ждёт, когда наступит день.
И отбрасывает к вербе
Тьмою собственную тень.
Он стоит над сном и ветром,
Не поймёт – как ни согни –
Почему на вербных ветках
Не кончаются огни.

* * *

Едем, едем, стелется
Путь домой.
А глазам не верится,

Боже мой!
В небо лес аukaет,
Пух от крон.
Вот и церкви луковка,
Дон-дон-дон.
А была дороженька
Нелегка.
Ноги-мои-ноженьки
От виска.
На смертельном холоде
Снилось им,
Как идут по Вологде –
Снег без мин.

А была степь тёмная,
Боем опалённая,
Ночка похоронная,
Боль и стон.
Но хранила луковка,
На запястье буковка,
Да сестрицы пуговка,
Дон-дон-дон.

Пятятся за Днепр враги.
Лупит ТОР.
Руки-ноги береги,
Брат-сапёр.
На смертельном холоде
Как без них.
Я хожу по Вологде
На своих.
Пустота в мобильнике,
Сердцем пуст.
В фуре-холодильнике
Тяжкий груз.
Всё леса с болотами,
Церкви звон.
Да простят двухсотые.
Дон-дон-дон.

* * *

Забирали меня в медотряд.
Это было. Меня увозили.
Дальней арты чахоташный мат.
И дома, словно спины рептилий.

Проступало лицо сквозь туман.
Скажешь имя, сестрёнка? – Святая.
Из бинтов усмехнулся Руслан:
– Много их, а душка не хватает.

Лупит бэха опасней и злей.
Нам трёхсотых забрать бы скорее.
Что за город? Мутанты аллея
Выгибают железные шеи.

Скажешь имя? Не можешь от ран
Отойти. Валит дерево выстрел.
Говорит, улыбаясь, Руслан:
– Что ты! Девушка – это не быстро.

Эй, не спи. Начинается дождь.
Каково быть единственным сыном!
Ты отцу обещал, что убьёшь
Всех шайтани раджим л-ляхи мина.

В небо бьют золотые шары.
Рвётся воздух и вздыблена глина.
Лунный блик на лице медсестры.
– Что за город?
– Моя Украина.

Увозили меня в едкий дым.
Ты прости уж, сестрёнка. Прощает.
Л-ляхи мина шайтани раджим.
Спи, Руслан. Я тебе обещаю.

* * *

Живой, просто пленный. – отдам, –
говоришь,
– ремень за твои сигареты.
– Род войск? Позывной? – отвечаешь: –
Малыш.
И хочешь дожить до рассвета.

Над кромкой пропитанной смертью земли
Рассыпались звёзды, как свечи.
И пялится тупо на берцы мои

Рябой украинский разведчик.
Он чует отбитой душою, что вот
Спасенье его и надежда.
Русня не пристрелит, как пса. Не забьёт.
И пальцы никто не отрежет.

И свет шевельнулся в пропащих глазах.
Глаза оказались – простые.
— А матери дашь позвонить? За рюкзак?
Носки вот ещё шерстяные.
Не нужен ремень и рюкзак ни к чему.
Зачем мне такие обновки?
— Мне завтра на штурм. Берцы жмут. Потому
Меняю звонок на кроссовки.

* * *

Я помню это. Видел не во сне.
Артек. И солнце в необъятной сини.
И дети обнимаются в окне:
Грузин, татарин, русский, украинец.
Футбол. Трава, песок. Потом рассказ
О Матче смерти. Капли дождевые.
О, как болел я, Господи, не раз
Срывая горло, за Динамо Киев.
А вечерами – звёзды, море в пляс.
Мы грезили – а вот бы да гостинец,
Четыре деда – вот бы да сейчас:
Грузин, татарин, русский, украинец.
Вновь ветер, перемешанный с песком.
Футбол – футболкой пузырятся крылья.
Вновь бьёмся, словно в том – сорок втором.
Тогда был «Старт», а мы – Динамо Киев.
И точно знаем – в складках вышины
Четыре деда – в повтореньях сини –
Навеки не пришедшие с войны:
Резо, Амир, Владимир и Василий
Не вспоминай. Не помни о былом.
О Матче смерти – там теперь другие.
Отписывайтесь. Мы переживём.
Вот только вправду жаль –
Динамо Киев.

АНДРЕЙ ТИМОФЕЕВ

Андрей Николаевич Тимофеев – эксперт фестиваля-форума «Капитан Грэй». Родился в г. Салавате респ. Башкортостан. Окончил Московский физико-технический институт и Литературный институт им. А. М. Горького (семинар М. П. Лобанова). Лауреат премии им. Гончарова в номинации «Ученики Гончарова» (2013), премии «В поисках правды и справедливости» (2015), премии им. Кузьмина журнала «Наш современник» (2016), премии им. Леонова журнала «Наш современник» (2019). Преподаватель Московского государственного института культуры. Член правления Союза писателей России. Живёт в Подмоскowie.

ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА

Рассказ

Июньским утром на Красной площади стоял седой человек.

Площадь готовилась к открытию книжной ярмарки. Ветер от Москвы-реки хлопал фиолетовыми флагами и подолами длинных шатров, укрывавших торговые ряды. За час до начала ярмарки в дорожной сумке на колёсиках человек привёз последние номера своей литературной газеты, разгрузился у крошечного лотка и стоял теперь в проходе между рядами.

С осени 1993 года он ни разу не был здесь и вообще старался не ездить в центр, а теперь с ненавистью вглядывался в видневшийся слева шпиль Сенатской башни. Ему казалось, там, в Кремле, оградившись крепостными стенами с бойницами, обитают волосатые чудовища из гнилой плоти, разорвавшие на части его страну, той проклятой осенью стрелявшие в его народ. В этом году, наверно, расщедрившись после Крыма, его Союзу писателей, четверть века выживавшему из последних сил, безвозмездно выделили лоток на всероссийской ярмарке. Решили подкормить, с ненавистью думал он, хотя бы, чтобы мы забыли ту осень. Или чувствуют, что кроме нас, патриотов, опереться им не на кого. Человек не верил власти, и в том, что он, бедный русский писатель, стоит здесь и стоит по праву, ему чувствовался вызов.

Неподалёку собирались люди, некоторых из них он узнавал – вот сторбленный старичок, написавший повесть, которую раньше изучали в школе. Рядом с ним женщина, ярко накрашенная, нервно сжимающая руки – огромные залы собирались на её вечера в советское время. Пришедшие стихийно организовались, встали полукругом прямо в проходе перед лотком и принялись по очереди читать стихи. Человек примостился неподалёку и слушал, прикрывая глаза.

Справа внизу живота сильно и навязчиво болело. Жена с утра уговаривала выпить таблетку, но он отказался: в этот день нужно было сохранить сознание чистым. Ему хотелось верить, что опричники в чёрных бронежилетах сейчас отодвинут железные засовы, и на площадь хлынут люди, изголовавшиеся по настоящей литературе – а тут они, писатели, несломленные, вышедшие из забвения. И тогда не зря все эти годы терпели, издавали книги за собственные копейки, хранили правду. Может, этим и страну, дремлющую под глянцем, сохранили... Человек отходил к лотку, придирчиво осматривал, что выставлено в первый ряд, поправлял пачку своей газеты и опять возвращался к выступающим.

Опьянённые первым июньским солнцем, читали стихи с самозабвенным надрывом, хлопали сами себе. Продавцы соседних издательств с досадой косились на собравшихся, потому что те растянулись и заслоняли их витрины. А мимо шли посетители ярмарки, ускоряя шаг, и на всякий случай обходили шумное место, не понимая, что же празднуют эти люди.

Солнце поднималось над Москвой. Было душно. У резных деревянных домиков с едой и сладостями собиралась очередь. На большой сцене у Васильевского спуска началось представление для детей.

Один из знакомых писателей, холёный, с заячьей бородкой, подошёл к человеку и зашептал вкрадчиво так:

— Друг, убери ты из своей газеты статьи про Совок, ну, стыдно же...

И сразу душу смяли, как жестяную банку из-под газировки, чтобы занимала меньше места в мусорке. Раньше человек думал, что таким платят, но потом понял: нет, это просто односторонние ограниченные люди. Они говорят: писатель должен быть вне политики. Но разве пушкинский Самсон Вырин – это не политика. Любовь к ближним разве не политика?

Человеку не хотелось отвечать, он обернулся, словно ища помощи. Но в толпе уже не осталось родных лиц. Незнакомая женщина что есть силы била рукой по дребезжащим струнам гитары. Рядом старик с грязными волосами в такт стучал клюкой. Человек хотел ворваться в толпу и закричать, что всё это страшная провокация, просто кому-то невыгодно, чтобы настоящие писатели имели выход к народу, и потому – хоть дали им лоток на ярмарке, но подослали сумасшедших дискредитировать русское движение. Но вместо этого заговорил с заячьей бородкой самым постыдным светским тоном:

— А я до последней весны курил сорок лет, представляете? Как Моисей водил несчастных евреев, то в одну сторону, то в другую, так и я, и даже усы у меня пропитались гарью, хоть сбивай, и в лёгких поселилась жаба. Но теперь всё, баста, теперь я другой...

И чувствовал, что произносит пошлость, но как в кокон закутывался в пошлость, чтобы не дать увидеть кроваточащее сердце. А потом пошёл вдоль лотков, продолжая бормотать что-то про себя.

Его тянуло в самую гущу, и он блуждал по книжным лабиринтам. Наткнулся на огромную растяжку со стилизованным Пушкиным и парой лощёных лиц растиражированных графоманов, плюнул на брусчатку. Шатнулся в другую сторону, а там – буржуйские кафе на первом этаже ГУМа, умирал бы с голоду, но ни за что бы не зашёл. Больше не поднимал глаза, не видел лиц, только руки. Эти волосатые руки тянулись к ярким картинкам с фэнтезиной или детективами. Им не нужна литература, в отчаянии думал человек, они не хотят работать душой, даже в книжном магазине ищут развлечения, чтобы занять остатки мозга, высосанного рекламой и политическими ток-шоу. Четверть века они жили в заражённой стране, так что, наконец, и сами стали чудовищами...

Вырвался навстречу обжигающему ветру и устремился прочь, мимо лотков, шатров, мимо сцены, на которой выкрикивали глупости писклявыми голосами – даже в детей вливают теперь яд. На пути, как спасение, оказались

лобное место, Минин и Пожарский, а за ними величественное тело собора Василия Блаженного. Вошёл под защиту его тени, прикоснулся рукой к тёплому камню колонны, и тот отозвался, как одушевлённый. Человек смотрел вверх на потёртые от древности ступени, ведущие в притвор, и думал: на этой паперти настоящая жизнь, здесь ходил юродивый пушкинский Николка, здесь случилось гениальное – народ безмолвствует, тот красивый, могучий народ, а не эти с мобильниками.

Вошёл в арку, опустился прямо на бетонный пол. Ему казалось, что не орган в теле болит, а болит в нём вся жизнь. Почему я, как Пимен-летописец, не умер в конце великой эпохи, с горечью шептал он себе, где-нибудь в середине 80-х, здоровым человеком в расцвете сил, почему пришлось мне оплакивать русских людей, убитых прямо под открытым небом, возле Белого дома, почему пришлось слышать о парнях, перемолотых в Чечне и на Донбассе, смотреть на кортежи с сытыми чиновниками, общее отупение и развал... Легко было говорить Пимену: описывай, не мудрствуя лукаво, всё то, чему свидетель в жизни будешь... войну и мир... государей... угодников святые чудеса, припоминал потёртые в памяти строки. А я не могу спокойно описывать, у меня душа разрывается. Погасите лампаду, я останусь в подклети собора, мёртвый с моими святыми мертвецами...

Внезапно начался сильный слепой дождь. Человек видел появляющиеся на брусчатке круглые тёмные плевки, но долго ещё не понимал, что происходит. Наконец, поднялся и стоял в арке, запертый стеной дождя. Вдруг заметил шагах в десяти молодую женщину в голубом платке. Та запрокинула голову, серьёзно и благодарно принимая ливень. Потом одним безотчётным движением стянула платок, так что длинные медные волосы растеклись по плечам и спине, и, кажется, рассмеялась. Ему был знаком этот смех, он томил и наполнял душу щемящим предчувствием, будто звал его бежать куда-то на набережную и вдыхать сладкий запах ванили в волосах, перебирать пальцами медные пряди, целовать краешек стыдливо опущенного девичьего лица. Подчиняясь наваждению, человек шагнул вперёд и медленно пошёл, как в тумане, иногда вздрагивая согнутыми руками от ударов крупных капель.

Постепенно на душе прояснело, и перед ним опять распахнулось огромное пространство площади. Промокшие беззащитные мальчишки, лет по двадцать, в полицейской форме стояли у опустевших рамок металлоискателей. Навстречу потянулись красивые мокрые люди и почему-то улыбались, человек вдыхал их лица, как свежий воздух, и каждому улыбался в ответ. И уже не знал, явь это или сон, и казалось, рядом голос из динамика поёт честную весёлую песню, а впереди вся его молодость и жизнь. Иногда пробуждался и понимал, что это всего лишь истерика, фальшивое надуманное ощущение. Но потом перебивал себя: пусть так, надо же хоть чему-то радоваться...

Жена не любила открывать окна даже летом, боясь сквозняков, к тому же стирала сегодня, и когда он вошёл в квартиру, горячий банный дух принял его в себя. Неуклюже поворачивался в тесной прихожей, задевая руками вешалки на стене, а потом, не раздевшись, присел на корточки и молча ждал, пока жена заметит, что он вернулся.

А когда она вышла из кухни, из последних сил подался к ней.

— Я сейчас видел... счастливых людей, представляешь? – и приятно было, что она, не знаящая его сегодняшних тревог, воспринимала это как единственный итог поездки на ярмарку.

— А как же тираж? Сумка?

— Всё разобрали... А сумку подарил, не важно...

Жена помогла ему снять промокшую куртку, затем пиджак.

— Я шёл и думал, ведь есть же что-то ещё, кроме нашего поражения, – торопливо рассказывал он, послушно поворачиваясь в её руках, – есть же в мире гармония, а если есть гармония, то есть и Бог, а значит, ничего не потеряно...

Жена повела его на кухню, скомканным полотенцем протёрла жидкие седые волосы, налила имбирный чай с лимоном, чтобы не заболел. На обед была гречка с печёнкой. «Погоди», – принялась она разогревать соус, без которого печёнка всегда суховата. Человек достал из серванта початую бутылку коньяка. Жена не любила, когда он пил, но сегодня можно. Опрокинул стопку, начал рассказывать о ярмарке, увлёкся, а жена принялась заниматься домашними делами: почистила сервиз, протёрла пыль с мебели. Он ходил за ней по квартире хвостиком, вспоминая что-то, размахивая руками.

А вечером жена ушла спать, и человек остался на чистой пустой кухне, мелкими глотками допивая коньяк. Перед ним лежал смятый блокнот, в который он записывал обрывки удачных образов. Он жалел, что сегодня слишком много говорил и внутри осталась такая же пустая бутылка, что стояла теперь на столе. Верные слова не находились. Впрочем, он уже не надеялся, как в беспечной молодости, точно схватить отблеск подлинного. Он знал, что так и пишутся книги, с ощущением, что между двумя белыми клавишами рояля должна быть чёрная, но как раз в этом месте чёрной нет, и приходится брать одну из двух белых, в сущности любую, и в этом есть твоё смирение перед неуловимой музыкой жизни.

Постепенно вернулась боль в животе. Он старался не обращать внимания: есть же гармония в мире, пусть не я, но кто-то воплотит её, уговаривал себя, но злился всё сильнее. Наконец, сорвался: да, гармония есть в мире, гармония, а не трагедия – последнее слово мира, но что мне до того, если я – частный случай, если я один, если мне конец. Начал спорить с болью, а та отвечала ему безобразными голосами. Он доказывал ей: вы виноваты,

вы и мою жизнь сломали, я был рождён, чтобы смотреть на красивых людей, а вынужден был проклинать чудовищ.

Поднялся и медленно двинулся в спальню. Лёг на кровать рядом с женой и смотрел, как разжижается темнота, а из небытия уродливыми абрисами появляются любимые вещи. Было слышно, как жена дышит, но она уже не могла защитить его. Может быть, в эволюции я тупиковая ветвь, есть столько религий, а я, допустим, верю не в того Бога, произносил неподвижными губами... Но я – всего лишь я, я жил и говорил правду... и тем был полезен кому-то... я ведь был полезен... В постели пахло потом, становилось зябко. Он попытался отвлечься от боли и растревожить душу воспоминаниями, как днём, но в памяти ничего не осталось.

Постепенно мысль его угасала. Всё прошло, движение замерло.

Наступала тихая тёплая ночь.

НИНА ЯГОДИНЦЕВА

Нина Александровна Ягодинцева – эксперт фестиваля-форума «Капитан Грэй». Поэт, секретарь Союза писателей России. Родилась в 1962 году в Магнитогорске. Лауреат премии имени П. П. Бажова, Литературного конкурса имени К. М. Нефедьева, член Координационного совета Ассоциации писателей Урала, член Совета по критике Союза писателей России, координатор работы Совета молодых литераторов Союза писателей России. Председатель жюри Южно-Уральской литературной премии. Кандидат культурологии, профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников Челябинского государственного института культуры.

Живёт в Челябинске.

ВОЗДУХ МЕЖДУ СТРОК

* * *

Кафешка, стёклышко, где мы с тобой сидели,
Где низок потолок, но всюду ариэли,
Летая по столам вперегонки,
Устраивали в сердце сквозняки...

Кафешка, закуток под боком шумной стройки,
Где окна в жалюзи линованы под строки:
Пиши что хочешь, благо, не видна
По синеве чернил голубизна...

Кафешка сломана. Её хрустальный воздух
Блестит в пыли, змеится в острых звёздах
Рассыпанного по земле стекла...
Я плакала бы, если бы могла.

Но ариэлям, беспрестанно вьющим нити
Для невесомой голубой канвы событий,
Нужна свобода. Воздух между строк
Бывает так же радостно жесток:

Погибшие слова лежат в столетнем хламе,
То, что не названо, в восторге бьёт крылами,
И ты стоишь в изнеможенье сил
Пред тем, что сам на волю отпустил...

* * *

...Они ещё волки, и братья по крови волкам,
И жажда струится по их филигранным клыкам.

Их плоские лица и гибкие злые хребты
Прижаты к земле невесомым столбом высоты.

В косые прорехи светящихся золотом глаз
Холодными искрами чёрная ночь пролилась.

Они ещё волки, весёлые дети беды:
Сухие века пролегли от воды до воды,

И стая летит, ощущая волнистой спиной,
Как небо, подтаяв, лавиной скользит ледяной...

* * *

Время ли ветром проходит сквозь сердце,
Воли ища –
Только пыльца серебристая сеется
С крыльев плаща.

Не отнимай, что судьбою не взято –
Малую часть!
Не наглядеться не то что на завтра –
И на сейчас.

Кажется, свет, что собрали по капле,
Весь пролился.
Кажется, сон. А спохватишься: так ли? –
Всюду пыльца.

Только душа со своею тоскою
В оба крыла –
Знает ведь, знает, что это такое –
И солгала...

В Лето Господне, в туманное лето
Жизни земной
Ей всё равно – тот ли век, или этот,
Или иной.

* * *

Ива как люстра сияет усталому небу предместья,
И мотыльками слетается в ласковый свет малышня,
И запоздалое, горькое чувство обиды и мести
Медленно-медленно, но покидает меня.

Богу, наверно, виднее, пока эта люстра сияет
Зеленью, золотом, нежностью или сырой пустотой:
Он в октябре осторожно летучее пламя снимает,
Чтобы себя не обжечь и её не нарушить покой.

Он озабочен, наверно, цветными её мотыльками –
Всё бы огонь им разглядывать, смуглые лапки тянуть...
Он иногда раздвигает ветвистую крону руками,
Чтобы на них спокойно и нежно поближе взглянуть.

Что ж, заводская общага, по-чёрному пьющая пойло,
В слабые жилы вонзающая пыточную иглу, –
Плачь, но живи, если Бог полагает, что стоило
Иву как люстру зажечь и в этом печальном углу.

* * *

Вспоминая Сыростан,
Вспоминаешь неземное:
Словно снег несёшь устам,
Истомившимся от зноя.

Словно тает он в горсти,
Между пальцев ускользая,
Словно молишься: прости! –
О своей вине не зная.

Словно ищешь наугад
В темноте избы фонарик,
Словно острый зимний град
На крыльце в глаза ударит,

Словно, жёлтою звездой
Освещая путь железный,
Прогрохочет пустотой
Товарняк из гулкой бездны.

Словно плачешь: Бог с тобой,
Не всегда блажен, кто верит.
Словно каменный прибор
Выплеснул тебя на берег –

И поплыл бесшумно вспять,
Не будя посёлок сонный.
Словноходишь в избу – спать,
Благодарный и спасённый.

* * *

Теченье донных трав, подобное дыханью,
Не отпускает взор; так ветер льститесь тканью
Легчайшего плаща: коснётся – и отпрянет,
Весь в лепестках цветов и ароматах пряных.

Теченье донных трав, подобно заклинанию,
Не отпускает слух; так шелестом за тканью
Наивно поспешать: она скользит без звука,
Прохладой голубой обманывая руку...

Теченье донных трав, подобно ожиданию,
Не отпускает прочь – но обещает тайну.
Они текут, текут: отныне и донныне...
Опомнишься – зима. Оглянешься – пустыня.

* * *

А.К.

Так тигр подходит к бабочке, смеясь
И в первый раз пьянея на охоте...
Он осторожно втягивает когти:
Откуда эта радужная вязь,

Откуда эта пряная пыльца
И воздуха неуследимый трепет?
Он морщит нос и любопытство терпит,
Как терпят боль, пощады не прося.

Он тянется, дыхание тая,
Он видит всю её, почти не глядя,
В разлёте крыл, как в крохотной тетради,
Прочитывая буквы бытия.

Потом уходит, мягок и тяжёл,
Своей кровавой славе потакая,
Легко угрюмый воздух обтекая,
Запоминая то, что он прочел.

Она живёт ещё какой-то час,
Ещё какой-то век своей свободы,
Со всей великой библией Природы
Одною этой встречею сочтась.

* * *

Во тьме случайного ночлега
В глухом предчувствии беды
Душа у Бога просит снега,
Чтоб он засыпал все следы.

Я прислонюсь к холодной раме:
Как хорошо, что есть приют,
А там, за ветхими дверями,
Слепые ангелы поют.

Огонь в печи воздел ладони
И замирает, трепеща,
И на серебряной иконе
Подхвачен ветром край плаща,

И длится, длится тайный праздник,
Душа пирует налегке,
И лишь свеча всё время гаснет
На неподвижном сквозняке.

КАРИНА СЕЙДАМЕТОВА

Карина Константиновна Сейдаметова – эксперт литературного форума-фестиваля «Капитан Грэй». Поэт, выпускающий редактор, зав. отделом поэзии журнала «Наш современник». Родилась в Самарской области. Окончила Литературный институт имени А. М. Горького (семинар Эдуарда Балашова). Автор нескольких поэтических сборников. Печаталась в журналах «Москва», «Роман-журнал. XXI век», «Наш современник», «Дети Ра», «Подъём», «Дон», «День и Ночь», «Новая Немига литературная» (Беларусь), «Сухум» (Абхазия) и др. Член Союза писателей России. Стихи переводились на китайский и якутский языки. Лауреат поэтической премии имени Юрия Кузнецова и Всероссийской литературной премии имени Бориса Корнилова.

* * *

Не кляни февраль, что сир и пег,
Не кляни законы мироздания...
Человеку нужен человек
в наказание или в оправдание.

В одичалом городе пустом
ты бредёшь на свет иллюминаций,
думая о важном и простом –
как за славой призрачной угнаться?

Безразличен к мерам и мирам
и не находя родного места,
ты бредёшь на лампочный вольфрам
в темноту усталого подъезда,

перепутав час, и день, и век
в этом суматошном мелкотемье...
Человека лечит человек –
а отнюдь не время и терпенье.

Жаль, что с людьми беда –
Горемычная – со всеми нами.
Идеал – один и навсегда! –
глупо ищешь днями с фонарями.

Он исчез, безмолвный имярек,
Тот, с кем ты мечтал быть счастливым вместе,
Скучный идеальный человек,
Вывернувший лампочку в подъезде...

* * *

Дни ходят один на другой:
Монотонней, рассудочней, строже.
Мы не стали друг другу дороже
Этой жгучей злорадной зимой.

Небывалое солнце взошло.
С неба валятся снежные хлопья,
Низко падать – привычка холопья,
Снег тает, а не тает. Тепло...

Нам ниспущена свыше зима,
Чтобы выбелить грешные мысли,
Гнётся радужное коромысло
И сугробов полны закрома.

Прогоняя февральские сны
Скинет снег и расправит иголки,
Снова став и надменной и колкой,
Корабельная мачта сосны.

Вот и я в бесприютность смотря,
Взглядом лёд на стекле выжигаю
...Как союзница близкого мая
Мне навстречу светает заря...

У природы своё ремесло –
Завершать, начиная сначала...
Я сегодня любовь проморгала
Так легко, что до слёз тяжело!..

* * *

Чураюсь собственного смеха,
Смятенна – ни добра, ни зла.
Моё обманчивое эхо –
Роса и мгла

По маргариткам, горицветам,
По заговорам бытия
Приду в люпиновое лето,
Где ты и я...

И яблочные плодопады
Биению сердца в унисон,
И, робкие, украдкой, взгляды –
Дурманнный сон.

И жизнь сквозь этот морок снится,
Искрится в обморочной мгле...
И лунная роса на лицах
И на земле.

Ко мне идёшь ты – неужели? –
Сквозь череду своих побед,
Где от постели до постели
Лишь лунный свет

И в укорищенной улыбке
Кривится блеклый серп луны...
Все упования и ошибки
Обнажены,

Смятенье разбавляя смехом,
Спасаться от добра и зла?..
Нам расставанье не помеха –
Роса и мгла.

* * *

Повинную голову меч не сечёт!
Кровавая выдалась зорька –
Постичь непреложный житейский расчёт.
Сердешный мой, что же так горько?

И день понесётся сорвиголовой
По диким степям-бездорожьям.
Не каждое слово – удар ножевой –
Излечишь целебной ложью.

Степняцкие ветры, лихие мечи
Упрятаны в ножны земные...
Ну что ж ты, сердешный, в сторонке молчишь,
Решив повиниться впервые?

С улыбкой смиренной идущий на казнь,
Не жди воздаяния – в слове!
Твою беспощадную чужья приязнь,
Я меч свой держу наготове.

Спокойно сажу у холодной реки,
Смотрю, как дрожат золотые
Кувшинки речные, вдеваю в крючки
Рыбацкие лески простые.

Мне лстыивые вражки повадки видны
В цветении болиголова...
Я чаю под вечер с речной стороны
Урчного часа улова.

* * *

В России скучной жизни не видать,
То бьём, то пьём, по-новой наливая,
Умеем с пылом, с жаром наподдать,
А если не добьём – перебиваем!

Подхваченный стихийною волной,
Поддавшись разгуляю в росном поле,
Народец залихватский и шальной
Боль терпит до потери чувства боли!
Который век выписывает дождь
Стальной автопортрет в небесной раме,
То Белобог, то князь, то царь, то вождь,
То сам Христос мелькнёт за облаками...

...Лишь избранным почувствовать дано,
Что Крыма не бывает без Нарыма...
Россия – вервие, веретено,
Что вьётся сквозь века неутомимо.

Очередной опасный поворот...
Мы снова на краю, но может статься,
Что человек заоблачный придёт
Чтоб с небом на земле не разлучаться!

Мы ждём его уже который год,
На взятки гладки, с недругами квиты.
Ведь если он однажды повернёт,
На Русь идеша – нас, хмельных найдёт –
Отъявленных, отпетых и отбитых.

* * *

Я. С.

Знаете, как закаляют клинки –
Чудо стального металла?
Медленным отжигом с быстрой реки,
Огнём и водою талой...

Пусть он отражает речную гладь,
Чтоб вдребезги раскололась...
Чтобы умел на лету рассекать
Ветер степной – конский волос.

Но что же победней: кровь или сталь? –
Сердце рванётся навстречу
Клину кинжальных летающих стай –
Пламенных противоречий.

Небо и землю сжигаю дотла,
Поле и лес заклинаю:
Только бы снова сплотить нас смогла
Кровная сила стальная!
В омутном плеске реки молодой,
Там, где не ведают брода,
Но лишь качнётся клинок над водой –
Сердце уходит под воду...

* * *

*Nemo me impune lacessit**
*Causa semper sumus, non ei, qui abient, abjiciunt, non amant***

Пусть про нас говорят, мы – парии!
И стихи не главное, в общем,
Мы сидим в прокуренном баре и
На фортуны ничуть не ропшем,

Льём над вымыслом слёзы градовы!
Слёзы адовы, крокодиловы,
Грешный мир не спешим обкрадывать –
Пьём разбавленный спирт этиловый.

Как всегда, рифмоплётствуем, глупые,
Завалившись, как снег на голову...
Изучаем людей под лупами
Перед тем, как их сжечь глаголами.

Наши слёзы судьбой обоснованы,
Хоть и льются, конечно, некстати
Все слова давно зарифмованы,
Всё слова и слова, может, хватит?

* Никто не оскорбит меня безнаказанно (лат.)

** Причина всегда в нас, а не в других, которые уходят, бросают, не любят (лат.)

Весь словарный запас разбазарен
И отыгрываться – бездарно.
Посмотрите на нас, мы – парии –
Как звучит-то высокопарно!

Кто поэтской не вышел рожею
Недоумок, считай, калека,
Правда, важно здесь быть хорошим,
Понимающим человеком?

Мы сегодня чертовски-смелые:
Дружбой преданы, в мифы проданы.
Литпроцесс? – пусть другие делают,
Перепулав подлых и подлинных...

* * *

Из редакции выйдешь на улицу – сотни машин
И мелькание фар по дорогам разбито невзрачным,
А в тиши кабинетной Василий Макарыч Шукшин
С фотографии смотрит, прищурившись неоднозначно.

Нам, Василий Макарыч, поэтам, не всё ли равно,
Что приять за роман откровенный с финалом счастливым?
А иначе-то разве бывает в хорошем кино,
Где вздыхают и смотрят искательно и сиротливо?..

Нам, Василий Макарыч, избыть бы тщету-кутерьму,
Саркастически лыбиться всем ко всему безучастным.
Только русский привык жить по сердцу, а не по уму,
Зарекаться и снова рыдать под калиною красной!

Сердце-сердце смятенное... Как быть спокойным ему,
Принимая и радость, и боль, и судьбу добровольно
И закат и восход, и навет, и суму, и тюрьму,
Хоть и крикнуть охота порой: «...Презираю. Довольно!».

Недовольная выйдешь навстречу ревенью машин,
Мельгешению фар и неоновым вывескам злачным...
И спиной ощутишь, как Василий Макарыч Шукшин
Одиноко с портрета глядит, ухмыляясь наждачно.

ЗОНА

Там, где смерть ходит близко,
Нам выпало стойкими жить.
Зона красного риска,
Где кровная тянется нить.

Ветер треплет волосья,
Нас хочет стереть и стеречь.
Мы, как в поле колосья,
Что клонятся ветру навстречу.
Пусть взлетает бесстыже
Над миром последняя весть.
Мы хотели быть ближе,
Пока ещё ближние есть.

От Беслана к Норд-Осту
И далее пепельный ряд...
Не тревожьте погосты,
Где дети и взрослые спят.

Там, где смерть ходит близко –
Не смей на призыв темноты!
В зоне красного риска,
За шаг до последней черты.

ДМИТРИЙ КОРЖОВ

Дмитрий Валерьевич Коржов – эксперт, член оргкомитета и один из создателей литературного фестиваля-форума «Капитан Грэй». Родился 22 мая 1971 года в Перми.

Поэт, прозаик, литературный критик. Окончил истафак МГПИ (1995) и Литературный институт имени А. М. Горького (2002). Составитель антологии поэзии Кольского края «Отсюда начинается Россия...» (2021). Создатель литературной группы «Соль!» (2005). Один из авторов биобиблиографического словаря «Русская литература XX века. Прозаики. Поэты. Драматурги» (М., 2006). Автор более десяти книг стихов и прозы, в том числе первого романа-трилогии о Мурманске «Мурманцы» (2008-2015). Живет в Мурманске.

ТЯЖЕСТЬ ЛЕГКОГО ЖАНРА

Отрывок из нового романа

Их познакомил Пауль Хиндемат – один из его тёплых берлинских приятелей, композитор и скрипач:

– А хочешь легкий жанр? Ты ведь не ханжа, не ревнитель строгих правил, правда?

– Ты меня в бордель, что ли, зовешь? – спросил Лев.

– Да нет! – расхохотался Хиндемат. – В бордель бы позвал без оговорок, это проще, там реверансы не нужны.

– А для чего нужны?

– Для музыки! Другой, совсем другой! – не переставая посмеиваться, возгласил Хиндемат. И, наконец, спросил то, к чему готовил друга: – Пошли в мюзик-холл?!

– А пошли! – легко согласился Лев. – Не все же нам бахами питаться!

– Но мюзик-холл, доложу я тебе, непростой, – загадочно улыбаясь, заверил Пауль. – Впрочем, думаю, тебе понравится.

...Накачанный сигаретным дымом и едким запахом прочей заразы зал большого кафе на Унтерн-ден-Линден оказался полон до краев, не протиснуться, но, очевидно, Хиндемат был здесь далеко не в первый раз, знал тайные лазы. Да и его тут знали. К нему кошкой метнулся один из официантов – смазливый, подозрительно похожий на девушку молодой парень, Пауль что-то шепнул ему, и для них тут же открыли ложу справа от сцены. Там даже телефон собственный имелся. «Широко живут ребята...» – подумал Лев. Они только-только успели устроиться и даже заказали по кружке пива (все тому же девоподобному пареньку, что их встретил у входа; «Он вообще мальчик или девочка?» – поинтересовался Лев у Хиндемата. «Какая разница?» – со смешком ответил тот. – Ты в Берлине! Здесь на это не обращают особого внимания...»), как на сцену, большая часть которой была затянута непроницаемым, как броня, бархатным черным занавесом, выкатился странный человечек в блестящем на свету фраке и столь же солнечно блестящих лакированных туфлях. Маленький, быстрый в движениях, он сходу взял публику дурацким пошлым анекдотом про жену (разумеется, берлинку!) с любовником и мужа, который вернулся к семейному очагу в самый неподходящий момент. Пошлость страшная, да и с бородой (Лев умоляюще обернулся на Пауля со словами: «Мы, вообще, туда попали?») Но тот только похлопал друга по плечу, успокаивая, мол, не торопись, всё будет), но для невзыскательной здешней публики такие номера были, видимо, не в диковинку, пошлости она по обыкновению своему и не заметила, – от души скалила зубы на забубенную, но искреннюю белиберду местного гения конференса. А тот затих на несколько показавшимися особенно долгими мгновений, выждал, когда

стихнут аплодисменты, и, повелительно оглядывая зал, при этом озорно поблескивая глазками, медленно, растягивая слова, спросил:

— Н-у-у, чьит-о-о, дру-у-зи-йя мо-и? Ждѐ-о-те?

Громогласное “Ждѐм!”, вырвавшееся дружно из десятков крепких, вволю проморенных пивом и другими не менее приятными напитками глоток, было ему ответом.

— С не-тер-пе-ни-ем? – продолжал свою пытку властитель сцены.

— Да-а-а-а! – протяжно отвечал зал.

— Я бы мог сказать вам “Обойдетесь!” – не переставая поблескивать всем своим плотно влитым во фрак телом, лукаво заверил народ шкет-пошляк в лакированных туфлях. Но вовремя включил задний ход: – Но я же не враг самому себе. Вы ее ждали? Встречайте! Она!

И в тот же миг мерной походной скороговоркой зарокотали барабаны, принялись поддакивать им вольноголосые трубы, раздольно где-то совсем рядом за кулисами зазвучал рояль. Басовито гукнул, взял несколько глубоких нот-нервов саксофон. А потом все услышали голос. Сначала – голос. Низкий, густой, иногда даже могло показаться, схожий с мужским. И при этом влекущий, притягательный, царапающий душу, – такой, каким не может быть голос мужчины. Нет, не мужской! А потом занавес разошелся по сторонам, распахнул сцену публике и миру, и все увидели музыкантов, а потом и девушку, что, не переставая петь, в такт музыке и под стать образу появилась из-за их спин. Не девушку, конечно, – женщину. Шелковое черное платье чуть выше колен, на голове – маленький шутовской цилиндрик, туфли на высоких каблуках.

Пела именно она. Впрочем, скорее это был речитатив, но огненный, наступательный, на прорыв. Обращенный не только в зал, каждому из тех, что, подобно Паулю и Льву, пришел в этот поздний час сюда, но, казалось, всей земле. И небу.

Кто-то, ловко протискиваясь между столиками, пробовал танцевать, – на предельной, хоть, впрочем, и привычной для Берлина в эту пору, близости, как любовники, по сути, сплетаясь телами, обхватив друг друга за бедра. Но без такого данс-слияния на глазах у всех в тесноте этой крошечной танцы были бы невозможны. К тому же, сплетенные пары, да и всех остальных тоже, подобная публичная близость нисколько не смущала.

А она пела. Пела весь вечер, меняя языки (и по-немецки, и по-английски, и по-французски), наряды и краски. Пела, как правило, задорно и почти радостно, но временами задумчиво и даже самоуглубленно, словно доверяя случайным слушателям все свои тайные тайны. Тембр – одновременно и бархатный, и жесткий, – позволял.

В концовке выступления она еще и четку исполнила, – собственно, уходила со сцены с ее помощью – на шаге, на звонком степе. Длинные красивые

ноги не знали печали и устали – каблуки нещадно оббивали паркет (удар был, как и должно, четкий и сильный, акцентированный, без компромиссов), а ножки не умолкали, словно в них пружинки незримые встроены.

– Ну что, угодил я тебе? – предвидя ответ, поинтересовался после такого ее персонального шоу Хиндемат.

Лев ошарашенно кивнул:

– Очень!

– Очень? – иронично переспросил Пауль и решительно заявил: – Тогда пошли знакомиться!

И, видя округлившиеся недоуменные глаза друга, отвесил тому символический подзатыльник: “Вперед! А то вся эта шаловливая публика разбежится, а я тебя Марлен и представить не успею...”

– Осторожней ты! – отшатнулся Лев. И не потому, что испугался, а из-за того, что удар получился вполне настоящий, чувствительный. Руки у Пауля были явно немусыкантские: широкие в кости, рабочие, большие. – Откуда у тебя руки-то такие?

– Ха-ха, мальчик, не удивляйся! – усмехнулся Хиндемат и, подталкивая товарища за кулисы, пояснил: – Я из простой семьи. Пошли, пошли! Только шампанского по дороге купим, она это любит...

– Да кто она, кто?

– Разве не видишь? – насмешливо откликнулся Пауль. – Звезда! Впрочем, еще не такая уж и большая. Но будет большой! А, может, и великой.

...На его взгляд, она не была так уж красива. Нос крупноват, простое, без изыска и столь ценимой им в женщинах тонкости лицо сытой бургерши, у которой все хорошо и никто ей, в сущности, не нужен.

Но лицо – не главное. Здороваясь, после того, как Пауль представил его, она милостиво протянула ему руку, почти снисходительно, царственно, назвала свое имя – новое, скроенное из двух данных при рождении. Он склонился на колено, поцеловал. Она царственно кивнула. Но потом как-то разом, сходу сбросила маску, видимо, любимую, засмеялась, спросила по-свойски: “Куришь?” “Только трубку. Или сигары...”

– О, это здорово! – неожиданно по-доброму восхитилась она. И тут же себя поправила: – Но сигару на коленке не покуришь... Трубку – можно, но и это в нашем случае не слишком хорошо. Хотя... Хочешь, трубку тебе найдем?

– Нет, не надо, – усмехнувшись, отказался он. – Я только свою курю.

– Что ж свою не взял? – заметила она с едва уловимым осуждением.

– Не знал, что будет, где, и с кем, – ответил он, а потом, подумав, добавил: – Не знал, что тебя встречу.

Она подняла на него глаза – большие и холодные, посмотрела почти тепло, что для нее, Лев уже успел это почувствовать, было делом не просто не

частым, а, пожалуй что, исключительным. Она что-то хотела ему сказать, но тут в комнату, как совсем недавно на сцену, вкатился конферансье с блестящими глазами, заговорил-затараторил, принялся размахивать восклицательными знаками – во все стороны: “А, Пауль, салют! Марлен, дорогуша, ты была хороша сегодня, дивно хороша. То есть, ты хороша всегда, но сегодня особенно! А это кто у нас? Друг Пауля? Дивненько! Русский? Дважды дивненько! Люблю русских! Воевал с ними! Хорошие солдаты!”

– Это – Гидо! – едва протиснулся между восклицаниями-восклицаниями гения конферанса Пауль.

– Да, да, я Гидо! – подтвердил говорун и сам себе удивился. – А я не представился? Странно...

– Странно? – смеясь, ядовито заметила она и от души отчитала любимого партнера: – Гидо! Тебя так много, что ты даже имя свое забыл! Ты здесь не на сцене!

– Я всегда на сцене! – яростно блеснув черными глазами, гордо заявил артист разговорного жанра и, шумно хлопнув дверью, скоростижно, словно его и не было, выкатился из помещения.

Она была такая... Своя и не своя. Близко не подпускала. И сама не подходила. Сразу чертила грань – не слишком тонкой, но изящной своей ножкой круг охранительный сооружала, незримо, конечно, но вполне осязаемо.

Они еще какое-то время счастливо беззаботно болтали ни о чем и обо всем на свете, как могут говорить только очень близкие друзья, смеялись, пили предусмотрительно принесенное Хиндематом шампанское... Пока она не сказала ему, показывая на пианино, что стояло в углу ее гримерки (да, у нее и здесь был инструмент!): “Может быть, сыграете? Пауль рассказывал, что вы – его коллега, как и он, музыку сочиняете? Пожалуйста, сыграйте! Что-нибудь свое...”

– Сочиняю? – переспросил он почти смущенно. – Наверное... Но коллега – это, поверьте, слишком громко сказано. Но иногда... Да, что-то получается. Иногда.

– Сыграйте!

Он довольно долго напряженно молчал, словно не желая отвечать вообще, но потом все-таки сказал:

– Я очень хотел бы вам сыграть. Очень! Но не смогу. Я играю только друзьям.

– А мы – разве не друзья? – сказала она очень мягко, возможно, с той предельной мягкостью, на которую была способна.

– Друзья! – согласился он, и тут же оговорился: – Но не близкие.

Она засмеялась:

– Ха-ха, это прозвучало, как задача... – продолжая посмеиваться, добавила воодушевленно: – Или – цель! Люблю, когда есть цель!

И посмотрела на него как-то особенно, не так, как прежде. “А она ведь, сдастся мне, как на добычу на меня смотрит... – подумал он. – Что ж, это дело. Поглядим-поглядим, кто из нас добыча...”

Он отметил это для себя, как признанный факт, но вида не подал, прошел мимо и – ринулся в атаку.

– А приходите ко мне в гости! – лупанул он, не стесняясь, и описал дислокацию: – Я живу в гостинице, но в моем номере есть инструмент. И, кстати, настроенный. Приходите. Я вам сыграю.

Она, покачивая ножкой (сидела расслабленно, нога на ноге, сигарета в руке, всё, как дома, когда совсем без чужих), видимо, холодно отмеривала-считала, что ей предлагают. Наконец, спросила:

– Честно?

– Куда уж честнее, – твердо произнес Лев. Добавил еще тверже и определенной: – Я женщин не обманываю.

– Правда?! – деланно игриво удивилась она. И после очередной паузы, все-таки, со смешком, но сказала, словно с высот поднебесных снизошла: – Ну... Если инструмент настроен. Тогда приду.

– Ты, знаешь ли, поосторожней с ней, – посмеиваясь, почти, как Марлен, посмеиваясь, сообщил ему Пауль, когда они возвращались, один – в гостиницу, второй – домой, благо, жили неподалеку, по пути было. Хиндемаг говорил доверительно, с желанием, хоть никто его к этому не принуждал, скорее наоборот. – Она девочка колючая... И муж, кстати, имеется.

– Муж? Правда? – искренне удивился Лев. – Ну, это, думаю, совсем не про нее. Даже если он есть. Кстати, Пауль, помнится, ты совсем недавно что-то говорил про легкий жанр. И не просто говорил, а мне говорил.

– Говорил... – не стал спорить Хиндемаг. Он чуть нахмурился, но потом как-то разом просветлел: – Милый мой друг. Коллега, хоть тебе это определение и претит, насколько я понял. Так вот, как бы ни было. Поверь, в каждой легкости есть своя тяжесть...

В первый раз к нему в номер она пришла во всем черном.

– Как ты думаешь, а мне пойдет мужское платье, к лицу будет? – почему-то спросила она после всего. Вроде бы совершенно никчемный вопрос для двух людей в постели.

– Думаю, да... – ответил он и вспомнил присказку “нашему подлецу все к лицу”, но говорить такое предусмотрительно не стал, осознавая, что точно все равно не перевести, да и ни к чему, все равно не поймет. “А, если и поймет, то тем более, только хуже будет”. Он улыбнулся таким своим мыслям.

– Чему это ты, негодяй, улыбаешься? – тут же прозвучал вопрос.

– Представил тебя... – он действительно единым духом вообразил ее вот такой – в строгой (куда уж строже!) мужской форме и в очень

обязывающем да и не слишком удобном головном уборе. – Во фраке и цилиндре. И с тростью.

– И как? – почти равнодушно, хоть и наблюдая за ним, за тем, как он реагирует на вопрос.

Лев ответил, не прячась:

– Понравилось!

В общем, так оно и было, хоть и не считал он эту перемену облика для нее нужным, но тем не менее. Сказал, что думал.

Чуллок она не сняла... Да и туфель тоже. Потом уже, когда он вспотел от сладкого (но не более того) методичного труда, от которого легко поскрипывала гостиничная постель, туфли – узкие лакированные лодочки – сами слетели, он даже не заметил когда. Чулки не мешали, только придавали ей шарма, хоть сначала это даже показалось ему пошлым. “Мадам, мадам... Будто шлюха портовая на выданье...” Но это – не надолго. Лишь до того момента, когда он развел эти красивые ноги в чулках в стороны, и вошел в нее.

...Потом они пили ее любимое шампанское, закусывали маринованными ананасами и нарезанным тончайшими, полупрозрачными ломтиками, пахучим, очень вкусным салями. А она, удобно устроившись в глубоком кресле рядом с приоткрытым окном, благословенно забросив свои длинные ноги в чулках на подлокотник, курила. Ничего не говорила, лишь иногда бросала на него острые короткие взгляды.

А он смотрел на нее не отрываясь.

Курила она, кстати, неправильно. Во всяком случае, так ему казалось. Он знал женщину из своей прошлой жизни, которая курила нежно. Она едва касалась кончика сигареты ярким ртом, щедро оснащенными помадой губами, словно совсем не хотела этого, чуждалась подобных удовольствий. И втягивала то, что там, внутри, осторожно и протяжно, будто исполняя медленный танец, на длинном шаге. И дым выпускала тонкой нитью, без крендельков и причуд, но связно, чувствуя собственную причастность к свету, что царит вокруг, и невольному теплу, что дарит этому миру и сигарета, и ее дым, и ты сам, ее жрец и поклонник.

Но тут было другое. Она вроде бы почти не двигалась. Но движение, видимо, жило где-то внутри. И то, как она курила, напоминало монолог. Без попытки разговора. И, если и разговор, то только с собой. Жесткий порой, безжалостный до отчаяния. Рубленые фразы, четкие точки. Почти без запятых. И без ответов. Без встреч. Не встречи, а сплошные расставания.

Странно, но ему порой даже неловко становилось. Быть, пусть и невольным, но свидетелем таких вот разговоров. В минуты, когда ей словно бы достаточно самой себя. А ты – навеки лишний. Соглядатай несчастливый ее невстреч. Ее прощаний.

Не тогда, а позже, когда ее визиты к нему, их встречи (точнее, и встречи, и не встречи) и близость в других местах – в той же гримерке ее, в кабаре, стали почти регулярными, она сказала ему – без упрека, равнодушно, как говорят о том, что не слишком тяготит, но не находит объяснения:

– Я почему-то никак не могу с тобой... Кончить.

Он не придал этому значения. Лишь плечами пожал:

– Бывает. Надо чаще встречаться.

Но до последнего восторга, до дрожи, до судорог, так, чтобы все вокруг мокрым стало, она никак не доходила.

Не то, чтобы в них, в их телах, что-то не совпадало, как это иногда бывает, действительно бывает, когда причина всему чистая, без примесей, физиология. Тут было нечто иное. Нетелесное. Она, как показалось Льву, словно не хотела отдаться, открыться ему полностью. Снять с себя всю опереточную, такую привычную для нее кафешантанную шелуху. Все время – в чулках и туфлях. По крайней мере.

И еще. Она всегда была отдельно, сама по себе, при том, что никогда не бывала одна. Такое вот редкое, эксцентричное одиночество. И это в ее случае касалось не только мужчин – всего на свете: “Есть я, и есть остальной мир”. При том формально, внешне, с ней всё время кто-то был. Подружки-певички, музыканты, импрессарио всех мастей и кафешантаннные дельцы, поклонники, наконец. И – мужчины. И те, которые нравились ей. И те, кому нравилась она. И в последних недостатка не имелось. Скорее наоборот.

Что говорить, цену она себе знала. Очень даже знала. И соперниц не признавала.

...Как она однажды взглянула на него неожиданно, когда он любезность какую-то пустяшную выказал симпатичной молоденькой горничной, которая уже в глубокой ночи привезла на тележке в его номер заранее заказанный ужин, – ничтожный, ничего не значащий, дежурный комплимент. Что-то вроде: “Вы столь же юны, сколь и красивы...”

И тут как полыхнуло. Она быстро подняла на него – огромные, в поллица – серые, цвета одиночества и грусти, глаза, словно шашкой полоснула или бритвой, – безупречно отточенным “золингеном”, безжалостно, резко. Ничего не сказала. Там и боль была, в этом взгляде, но еще больше – готовности принести боль, не медля ответить ударом на удар, сквитаться тут же за нанесенный ущерб, за рану. Хотя, ну какая рана? Дежурный комплимент.

– Я тебя обидел? – спросил он, не сводя с нее глаз, невольно пытаясь оправдаться, хотя – зачем, за что, не понимал. – Это же так, пустое...

Она почти незаметно, уголками губ, словно пытаясь скрыть это, улыбнулась и холодно ответила:

– Не извиняйся...

ИЛЬЯ ВИНОГРАДОВ

Илья Леонидович Виноградов – эксперт и руководитель литературного форума-фестиваля «Капитан Грэй». Родился в Мурманской области в 1978 г. Автор 7 книг стихов и прозы, переводов поэзии с болгарского и норвежского языков. Член Союза писателей России с 2014 г. С 2019 г. – председатель Мурманского отделения Союза писателей России. Публиковался в различных региональных и всероссийских журналах, включая «Литературную газету», журнал «Север», альманахах, антологиях, в том числе Антологии «молодой» литературы России «Заря» (Издательство «Вече», 2018 г.), изданиях Болгарии. Стихи переведены на болгарский, норвежский, якутский языки. Автор документального фильма «Дружба, отлитая в бронзе», сценарист художественного короткометражного фильма «Танец».

Лауреат многих литературных конкурсов. Участник и эксперт совещаний молодых литераторов Союза писателей России начиная с 2018 года. Один из руководителей культурно-просветительской экспедиции Международный славянский ход Мурман-Балканы (2018 г.).

* * *

Сражайся за свет и за правду –
Бог в помощь, видать по всему,
И лжи не прощай даже брату.
Но зла не желай никому.

Дерись, кулаки напряжинив.
Кто жалит безжалостней змей –
Бей палкой вовек и отныне.
Но смерти желать не посмей.

В дому человечьем непрочном,
Где свечка, и печь, и кровать,
Глухою порою полночной
Дверь ветру забудь открывать.

Откроешь – и холод безвёздный
Войдёт чередою потерь,
И первым до смерти замёрзнет
Открывший нечаянно дверь.

* * *

Сосед улегся под забор
У дворовой межи.
Он, в общем, пьяница, и вор –
Пускай себе лежит.

Он лёг на оголённый лёд,
Хватив с утра лишка.
Не тронь – по матери пошлёт,
Бедовая башка.

Соседи – им не в первый раз –
В домашний свой уют
Идут. И радуется глаз,
Как хорошо идут!

И я иду, закутан в шарф,
Не мёрзну на ветру.
Но корчится внутри душа –
Что ей не по нутру?

Как будто – где, не разобрать, –
Погасли фонари:
Не должен человек лежать,
Чего не говори!

Как будто – кажется еще –
Ты сам упал во тьму,
И начал рефери отсчёт –
Тебе, а не ему.

* * *

Дышит вулкан мировой
Испепеляющей магмой.
Видно пред ликом его,
Кто мой товарищ, кто враг мой.

Жизни исток и финал –
Неба подземное пламя.
Разом картина видна –
Кто против нас был, кто с нами.

Слепнут селенья в огне
Неиссякаемо диком.
Но в красных бликах видней
Зла и добра многоликость.

Лаву остудит вода –
Отче детей не покинет.
Вот и прозреем тогда,
Кто же мы сами такие.

* * *

Истает страсть к исходу ночи,
Как всё проходит. А потом
Внутри чуть-чуть покровоточит
И к вечеру затянет льдом.

В непрочном мире всё невечно –
Закон надёжный и простой.
Кого любил, как поезд встречный
Мелькнет – и вновь в окне простор.

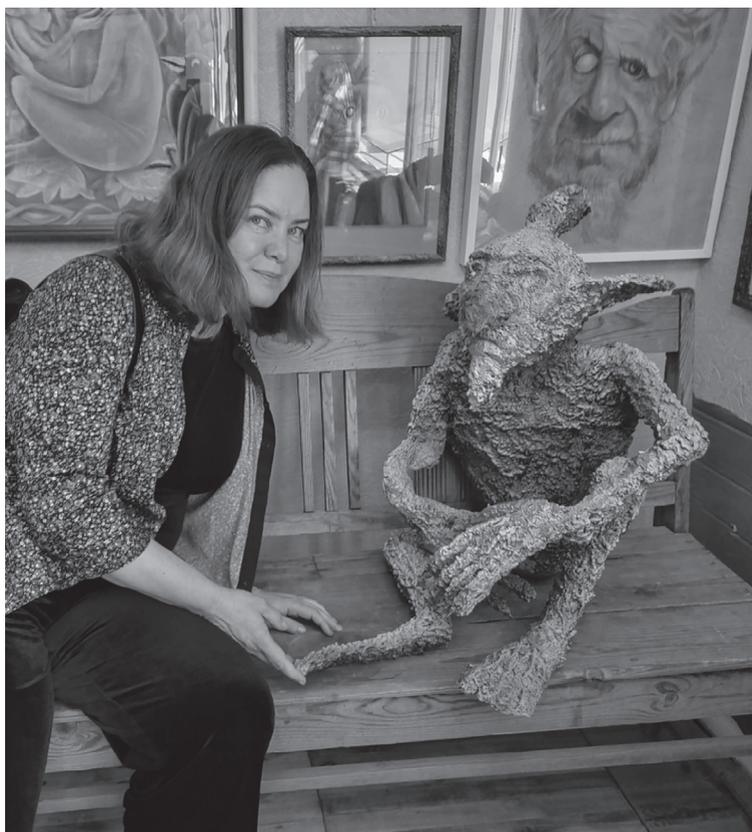
Заваришь чай вониючий, жидкий,
И едешь, тих и нелюдим.
Но, может, только тем и жив ты,
Что был однажды не один.

* * *

Мой чердачный приют был невзрачен и тесен,
Ныла от духоты по ночам голова.
Но в нацеленном в небо окошке плыл месяц,
В лунном пламени я о плохом забывал.

А вокруг были люди в элитных застройках,
Как витрины их окна сияли в ночи,
Упираясь в проспект долгошумный и бойкий.
Но завидовать им я не ведал причин.

Занебесный огонь, обещающий чудо!
В этой жизни едва ли светлей что-то есть,
И в другой жизни вряд ли светлей что-то будет,
Все иные огни – просто пена и спесь.

Светлана Рустэмовна Чураева – эксперт литературного форума-фестиваля «Капитан Грэй». Поэт, прозаик, драматург, литературный переводчик.

Секретарь Союза писателей России. Председатель Объединения русскоязычных писателей Союза писателей Башкортостана.

Участник десятков международных, российских и региональных литературных фестивалей, форумов и других мероприятий.

С 2007 года работает заместителем главного редактора литературно-художественного и общественно-публицистического журнала «Бельские просторы» (г. Уфа).

Автор более десятка книг прозы, поэзии и публицистики, соавтор русского текста Государственного гимна Республики Башкортостан.

КАК Я ПРОВЁЛ ЛЕТО

Однажды мы с другом Максом махнули в Америку – убивать президента Рейгана. Взяли все сбережения, пачку печенья, фляжки с водой, спички, компас и, конечно, ножи. Мы знали, если двигаться всё время на запад, обязательно приедешь в Америку. Главное – переплыть Атлантический океан. Пока купили в кассе билеты и сели в электричку «Уфа – Чишмы».

Погода стояла отличная – солнечно, но не жарко, мы были уверены в успехе своего предприятия и наслаждались дорогой. Смотрели в окно – главное развлечение в электричке, всегда увидишь что-нибудь необычное.

В Юматово мы увидели дядьку, который страшно спешил. Ему, видно, позарез надо было попасть именно в наш поезд. За ним бежали другие, и даже один мужчина мчался на лошади, но первый дядька явно шёл на рекорд. Выпучив глаза, он уже взбирался на насыпь, когда электричка дёрнулась. Дядька поднажал, хрипя, вылез на перрон, ему оставалось сделать последний рывок...

– Не успеет, – сказал сочувственно Макс.

Мы бросились в тамбур, высунулись из дверей и давай махать руками и ногами, словно этот дядька нам родственник. Просто нам его жалко стало – он всех обогнал, такой молодец, а, получается, зря.

Машинист, наверное, рассердился ужасно – у него расписание, а тут два пацана машут, не дают двери закрыть.

И дядька успел! Ему тех секунд, на которые мы задержали состав, хватило, чтоб запрыгнуть в вагон.

Сначала он просто дышал тяжело, красный, как после футбола, – и всё равно пытался нам улыбнуться. Мы тоже ему улыбались: мол, всё хорошо, едем.

– У вас гипервентиляция лёгких, – объяснил Макс со знанием дела, у него мама – медик.

– Факт, – согласился дядька. Он уже почти отдышался, мы вместе пошли, сели у окна.

Дядька держал в руках школьный ранец – смешно, взрослый человек, а носит ранец в каникулы.

– Ну, спасибо, братцы! – он пожал руку сначала мне, потом – Макс. – Выручили. А то бы – во! – дядька полоснул пальцем по шее, показав, насколько ему важно было уехать.

Мы понимающе покивали.

Спросил вежливо:

– Куда путь держим?

– В Америку.

– Ба! Знатно. К родне или так, погулять?

Нам скрывать было нечего, мы признались:

– Хотим убить Рейгана.

– Дело благородное.

И настолько хорошо он это сказал! Без подтекста, без издёвки внутренней: знаете, иногда взрослые поддакнут, а сами закатят глаза, будто перед ними дебилы. В театре бывает такая же глупость – кривляются в зал, мигают, бровями на других актёров поводят, типа те дурачки, а мы-то с вами – хо-хо... Противно.

А наш дядька правильно понял: нормальные люди едут по делу.

– Только до Америки трудновато добратся.

Понимаем, не детсадники. Объяснили:

– Ну, пока до Чишмов, потом будет видно.

Слово за слово, завязалась беседа.

– Э-эх! – хлопнул по ранцу дядька. – И мне бы в Америку! Завидую я вам, братцы, зверски завидую!.. – И зажмурился, глядя на что-то за окном, красивое до невозможности.

Взрослым, конечно, некогда путешествовать. Но мы предложили:

– Давайте с нами! – Может, он пенсионер или в отпуске.

– Действительно! Почему бы и нет? Я ведь могу пригодиться.

Не случайно он нам сразу понравился!

– На границе, объясняться с таможней, – оценил возможности Макс. – И тому подобное?

– Вот именно.

«И тому подобного» долго ждать не пришлось – вскоре в вагон милиционеры зашли. Двое. Такие строгие, по сторонам внимательно смотрят. Нам-то вроде бояться незачем, билеты мы честно купили, родителям записки оставили, но кто их, милицию, знает...

Новый знакомый нас не подвёл. На вопрос: «Ваши дети?», не моргнув, ответил:

– Мои.

И приобнял Макса за плечи. Сидим мы втроём, довольные, ясно – сто-процентно чисты.

– Далеко собрались?

– До Пионерской. Сад у нас там.

Неприятно, когда врут без зазрения совести, но дядька врал весело, вроде понарошку.

И мы поддержали игру.

– Сад, речка, пляж! – выдал радостно Макс.

Милиционеры похмурились и отправились дальше.

– Знаете, братцы, я в тамбуре покурю, – сказал наш новый товарищ. – Вы ни с места?

– Ни с места!

Я голову в окно высунул и ветер глотал, очень вкусно. Правда, немного беспокоиться начал – оказывается, со взрослым человеком рядом спокойнее, когда едешь на важное дело.

Тем более, к Пионерской подъехали. Неловко – вдруг милиционеры обратно пройдут, а мы по-прежнему здесь... Смотрю – что такое? – опять два милиционера! Уже другие. Торопятся. Прыгают к нам.

И, точно, прицепились немедленно:

— Здорово, ребятки! Как вас зовут?

Мы представились. Они заявили:

— Идёмте-ка с нами!

— Нет, нам дальше надо.

— Ещё чего! – один милиционер схватил меня за руку, второй – Макса. –

Родители с ума сходят, а они, вишь, катаются!

И ранец взяли. Кричу:

— Эй! Это не наш, за ним хозяин придёт!

Они вообще не слушают. Катастрофа и произвол.

Вывели нас из вагона, посадили в машину:

— Ну, что, сенкевичи, едем обратно!

В милицейской машине мы раньше не катались. Между прочим, неплохо. На кочках прыгали, хохотали.

А в Уфе нам опять испортили настроение. Мамы плачут, моя меня тискает, мама Макса ругается. Даже ударила сына! А то, что у мужчин могли быть дела мирового значения, им по барабану.

— Только, – я спохватился, – обязательно надо ранец отдать хорошему человеку. Не знаю, как вы искать его теперь будете.

— Ранец разве не ваш?

— Нет, – ответила мама Макса.

И моя подтвердила:

— Не наш.

А нам не верили!

Вот что: в ранце оказалось огромное количество денег. Просто куча! Выяснилось, что в «Юматово», в санатории, главный бухгалтер забрал за чем-то все деньги и убежал. Решил на электричках удрать.

— А с виду приличный крендель, – расстроился Макс.

Я же ничуть не огорчился – такая уйма денег! Здорово! Я никогда столько не видел! Что же касается вора, по-моему, он не плохой. Мало ли, может быть, у него – тоже важная цель. Или мечта.

— Не знаю, то ли на учёт вас поставить, то ли представить к награде, – спросил начальник милиции, когда мы зашли к нему в кабинет.

— Куда на учёт? Они же совсем малыши! – крикнула мама Макса.

Макс сказал:

— Представить к награде.

И нам дали премию.

Теперь мне осталось записать эту историю, и можно идти на улицу. Погуляем там с Максом, пока нет зимы. Ну, вы понимаете – ядерной. Пока Рейган не начал войну.

РОМАН КРУГЛОВ

Роман Геннадьевич Круглов – эксперт литературного форума-фестиваля «Капитан Грэй». Русский поэт, критик, кандидат искусствоведения. Родился в 1988 году в Ленинграде. Автор шести поэтических книг, ряда монографий и учебных пособий в области литературы и искусства. Секретарь Союза писателей России. Руководитель секции критики Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России, Санкт-Петербургского отделения Совета молодых литераторов Союза писателей России.

* * *

Простились сады со славой
Кленовой своей звезды,
И над куполами лавры
Сбиваются в клин кресты.

Подранок в груди курлычет.
Куда нам лететь с тобой?
Сырая земля привычней.
Останемся. Примем бой.

* * *

Небо сверху, а здесь – стол, книжица,
Табуретка.
Мне как слышится, так и пишется –
Глухо, редко.

Небеса говорят о себе тому,
Кто получше,
Потому я в своей глубине тону –
В грязной луже.

А во мне всё черно и вычурно,
То есть ложно...
Только небо из лужи вычерпать
Невозможно.

* * *

Свет в окнах, пьяный у ворот,
Скамейка, тополей обрубки.
Мир уязвимый, очень хрупкий,
Легко меня переживёт.

Ведь я расту корнями вверх
В нелепом поиске опоры,
Нетленной, подлинной, которой
Нельзя достигнуть, – верь
не верь.

Глядя вниз, на двор, стоял минуту,
Приоблокотясь на парапет.
Кто-то смотрит на меня как будто.
Может, кошка? Оглянулся – нет.

В тот момент навязчиво казалось,
Что я образ в чьей-то голове,
Точно чья-то мысль меня касалась,
Недоптица, перечеловек.

Я уже лечу на дно колодца –
Странное смешное существо.
Тот, кому я снюсь, сейчас проснётся,
А потом не вспомнит ничего.

* * *

Живя в событий и бесед
Неимоверной мешанине,
Приписывать её себе –
Самодовольство мещанина.

Поди присвой июль, закат...
Но и тоска, и воспаренье
Мечты – всё слезет, как загар,
Излечится, как воспаленье.

И ты пройдёшь, как сон дурной,
Зверюги и зануды помесь,
Попутно становясь собой,
Каким теперь себя не помнишь.

* * *

Помнишь, мы с тобою шли на озеро,
В день рожденья лягушачьих орд?
Вся дорога прыгала, елозила
Россыпями ювелирных морд.

Медленно, под ноги глядя с трепетом,
Обходя несчастных лягушат,
Пропустили радугу над берегом
И двояковыпуклый закат.

Вязкой грязью осторожно хлюпая,
Лес не увидали по пути.
Мы шадили крохотное, хрупкое.
Мы хотели правильно пройти.

ВИКТОРИЯ ТАТУР

Виктория Владимировна Татур - эксперт литературного форума-фестиваля «Капитан Грэй». Родилась в Ташкенте. Редактор журнала «Формаслов». Член Союза писателей России. Победительница литературных конкурсов «Хрустальный родник», «Первая книга», «Живой родник», «Стилисты добра». Участница различных литературных форумов в Химках, Липках и др.

СЕРЕГА-ПАСТУХ

Сергея-Пастуха лежал на пыльной песчаной дороге, упершись носом в землю и неестественно подогнув под себя руку. Над ним несмело, но настойчиво кружили слепни, будто брезгуя приземлиться. Мальчишки на велосипедах босыми ногами в комариных укусах крутили педали и объезжали его стороной, вздымая клубы пыли.

К придорожному колодцу шла Оксана, беззаботно раскачивая синее пластиковое ведро. В школе начались каникулы, и теперь она могла отдохнуть от проверки тетрадей, исписанных корявым почерком, и не изводить красные чернила. Заметив Сергея-Пастуха, она ускорила шаг, а потом и вовсе побежала.

— Вы живой? — она склонилась над ним, но вмиг отпрянула.

В нос ударил тяжелый запах спирта, смешанный с нестираным обмоченным бельем.

— Да че ему будет-то? — за спиной Оксаны остановилась Люська, привычным жестом отдернув врезающиеся в ягодицы пестрые лосины.

— Не знаю, может, сердце?

— Нет у него сердца. Пропил.

Мимо снова пронеслись мальчишки на велосипедах, нарезая очередной круг по деревне.

Оксана протянула руку, на секунду застыла, а потом потрепала его по плечу:

— Поднимайтесь. Ну, поднимайтесь же!

Сергея-Пастуха что-то промышчал, открыл правый, заплывший фиолетовым глаз и с недоверием посмотрел на Оксану. Ему никто и никогда не протягивал руки и уж тем более не предлагал помощь. Затем спохватился, похлопал себя по груди, а, когда нащупал, что искал, облегченно вздохнул:

— Мадмуазель, пожертвуйте на маленькую.

— Ахахаха, — утробно засмеялась Люська, — а ты говоришь сердце.

От досады Оксана глубоко вздохнула, но руку не отняла.

— Поднимайтесь, — терпеливо повторила она.

Сергея-Пастуха неловко перекатился на бок и осторожно дотронулся до тонких ухоженных пальцев. Затем встал на четвереньки и боязливо пополз по дороге в сторону барака. Вечером там опять, наверное, будут бить, но перед этим нальют. Главное, чтобы не так, как в прошлый раз, когда те озверели до крови в глазах. Тогда они молотили его ногами, не в силах простить эту глупую трогательную улыбку и слабые руки-бабочки, порхающие в бессмысленном полете.

Когда-то Серега подрабатывал пастухом, пока ферма не обанкротилась, и ее не растащили на кирпичи. Коров забили на мясо, а прозвище так и осталось.

— И пусть, все равно свою настоящую фамилию не знаю. А так, плежоре муле, как будто профессия, — он сидел вместе с Шитиком на досках выгребной ямы, пристроенной к барaku.

Рядом летали жирные навозные мухи и будто слушали его с интересом. А он все повторял историю своей жизни длиной в тридцать лет о том, что никогда не знал своего отца, а мать француженка бросила его в пять лет и уплыла на пароходе с румыном. О том, как вырос в детдоме, а затем скитался от деревни к деревне, выполняя нехитрую работу. Улыбался и благодарно кивал, когда платили хлебом, а еще лучше — горячим супом в литровой банке. Если вместо оплаты просто били, радовался, что не так сильно и не до крови. Он даже не удивился, когда ему надели мешок на голову и затолкали в машину.

В машине Серега-Пастух никогда не катался. Рассказывал, что ехать было интересно, хотя и не видно ничего из-за мешка. Но там, куда увезли, ему не очень понравилось. Мешала тяжелая цепь, которую привязывали по ночам к ноге, чтобы не сбежал. А днем заставляли работать.

— И зачем мне цепь? — искренне не понимал он. — Кормят, поят, даже штаны выдали и футболку с надписью на английском. У меня такой никогда не было. Мерси амур, честное слово.

— Так чего ж ушел-то? — сплюнув под ноги, спросил Шитик.

— Осенью холодно стало. Я у них куртку попросил. А они меня в ледяной колодец окунули. Потом весь вечер смеялись, и я вместе с ними. Правда, смешно же. Человеку холодно, а его — в колодец. Про цепь забыли. Вот я и ушел. Босиком. Они на ночь ботинки забирали.

— Здесь-то что лучше? — Шитик оглянулся через плечо на окна Демида, приютившего у себя Серегу-Пастуха и Витьку с Маринкой. Это она обычно первая начинала драку, подзадоривая остальных, отборной лагерной бранью.

— Лучше... Свободнее.

Он украдкой отогнул ворот засаленного пиджака размера на три больше, посмотрел на грудь и погладил ее трепетно и осторожно.

— Печет сегодня, — заметив этот жест, Шитик закурил и будто невзначай сказал. — У тебя там чекушка что ли?

— Была, давно бы выпил, бонсуа-муа, — он немного помолчал, а потом неожиданно спросил, — у тебя карандаш есть?

— А на что он мне? — Шитик с любопытством посмотрел на Серегу-Пастуха.

– Ну, мало ли. Бон вояж гарсон амур.

– Опять на чухонском залопотал, француз недоделанный? – из окна слышался голос Демиды. – Иди за лисичками. Дома жрать нечего.

Сергея-Пастух мелко закивал, соскочил с выгребной ямы, распахнул скрипнувшую дверь, петли которой давно никто не смазывал, и скрылся в подъезде.

Через минуту он вышел с большой плетеной корзиной и направился в сторону леса. Под нечесаными свалывшимися волосами стекал пот. Раскаленная песчаная дорога пылилась под ногами в старых продранных ботинках. На обочинах в терпеливом ожидании прохлады застыла пижма с желтыми цветками-пуговицами. Солнце вдруг засветило с большей яростью и злобой, будто хотело выжечь Сергея-Пастуха с земли, оставив на его месте тлеющие угли. А потом за работу возьмется ветер, подхватит их и не оставит ничего, даже памяти.

Последний дом с баней из толстых крепких бревен стоял на отшибе деревни и выделялся основательностью. Во дворе Оксана развешивала на веревке только что выстиранные белоснежные простыни.

– Бонжур, мадам! – Сергей-Пастух вскинул вверх руку и сощурился, будто эти простыни слепили его.

– Здравствуйте, – сдержанно кивнула она и, немного подумав, добавила, – Бонжур, месье!

Сергей-Пастух сконфузился, вжал голову в плечи и побрел дальше. Он чувствовал, что Оксана смотрит ему вслед толи с презрением, толи с жалостью.

Перейдя два бывших колхозных поля, заросших ивняком и осокой, он вышел к осиновому пролеску и, не останавливаясь, прошел дальше. Лисички здесь не растут, они все больше на сосновых борах. Вдруг в воздухе раздался грохот, похожий на удар молотом по листу железа. А потом еще раз и еще.

– Гроза будет, – подумал Сергей-Пастух, прижал руку к груди, но не повернул назад.

Домой с пустой корзиной возвращаться нельзя. Маринка заверещит, а Демид молча кивнет, позволив ей ударить первой.

Он помнил, как однажды вернулся с пустыми руками. Его отправили обшаривать сети и мережи рыбаков. Демид тогда сидел на своем привычном месте в притащенном со свалки ободранном кресле. Пьяная Маринка раскачивалась на табурете, а увидев его, тут же вскочила:

– Принес?

– Не успел, шерше-мушель. До меня уже все забрали, – Сергей-Пастух виновато развел руками.

– Зачем вернулся? – спокойно спросил Демид.

— Так я это, я не успел, — снова повторил Серега-Пастух и непроизвольно закрыл лицо тощей рукой.

— Воспитывать тебя будем, — все так же спокойно сказал Демид.

Он зачем-то взял кочергу, пошевелил ею в печке оставшуюся с весны золу и посмотрел на Маринку. Она, казалось, только и ждала этого немного одобрения. Бросилась на Серегу-Пастуха с кулаками, дико визжа. На крики из комнаты выбежал Витек и принялся пинать его ногами, стараясь побольнее ударить в живот и отбить почки. Серега-Пастух не сопротивлялся. Он давно понял, что нужно просто закрыть глаза и думать о хорошем. Потому что все хорошее быстро заканчивается, это он знал наверняка.

Поднялся ветер. Пощелкивая, заволновались осиновые листья. По небу, словно перелетные птицы в стаю, стремительно стягивались тучи. Темнело. Серега-Пастух уходил все дальше в лес, минуя болото с ободранными хапалками кустами черники. Деревья надсадно скрипели, раскачиваясь в каком-то магическом ритуальном танце. Вторя им, он нагибался, выковыривая из мха мелкие лисички, иссушенные стоявшим несколько дней зноем. Небо накалилось, сверкнув длинной, уходящей за горизонт молнией, и наконец треснуло, ливнем обрушившись на истосковавшуюся сухую землю.

Серега-Пастух прижал руку к груди, будто мог защитить то, что было под пиджаком. Посмотрел на дно корзины, где лежало несколько жалких грибов, на мгновение застыл и бросился в деревню.

Он падал и раздирал лицо в кровь о сухие обломанные сучья. Еловые лапы хватили его за руки, а ветер злобно смеялся, ударяя в живот. Серега-Пастух впервые с мольбой посмотрел вверх, не отрывая руку от груди. А темное небо, казалось, отвернулось от него, закрыв глаза.

Наконец впереди показалась деревня. Еще совсем недавно обжигающая песчаная дорога наполнилась чавкающими скользкими лужами. Цветы пижмы покорно, будто придавленные сапогом, прижимались к земле. То и дело, падая в мутно-коричневую жижу и снова поднимаясь, Серега-Пастух добежал до крайнего дома, распахнул калитку, и тяжело вздохнул на крыльцо. Там, переведя дух, забарабанил в крепкую железную дверь.

Долго не открывали. Затем послышался женский настороженный голос:

— Кто здесь?

— Мадмуазель, мерси, откройте.

Томительная тишина за дверью нарастала. Мимо в сторону леса пролетела чья-то карбонатная теплица. Раздался двукратный щелчок замка, и на пороге появилась Оксана в льняном сарафане с вышитыми незабудками на груди.

— Неужели на бутылку в такую погоду... — она так и не договорила, уставившись на расцарапанного промокшего Серегу-Пастуха.

— Я это... — он отогнул ворот пиджака и осторожно, словно драгоценный музейный экспонат, вытащил из-за пазухи зеленую влажную тетрадь с загнутыми страницами. — Можно ее у вас оставить, обсохнуть?

Оксана, все еще обескураженная, протянула руку.

— Можете посмотреть, мон шер, если хотите, — он вжал голову в плечи, обтер лицо шляпой и спустился с крыльца.

Серега-Пастух шел по дороге, пригибаясь от ветра и поскальзываясь в лужах, но руки его теперь были легки и свободны. Сегодня он домой не пойдет. Непогоду лучше переждать в старом, растасканном на бревна амбаре. А завтра они забудут о лисичках и, может, даже скажут, что волновались.

* * *

— Кто к тебе приходил? — спросит Артем, громко опустит чашку на стол и нервно перекрутит обручальное кольцо на безымянном пальце.

— Серега-Пастух, — быстро ответит Оксана, — на бутылку просил.

— Вот скотина, ниже плинтуса уже опустился. Дверь ему больше не открывай. И чтоб духа здесь чужого не было. Поняла меня?

— А если ученики придут?

— Знаю я твоих бездарей. Сначала они, потом их папаши заявятся. Все вопросы в школе решай. Поняла меня? — еще раз требовательно спросит Артем.

— Да, — тихо отзовется Оксана и, пряча тетрадь, скроется в спальне.

Там она сядет спиной к двери и раскроет первую страницу. Застынет на мгновение, выпрямится, а потом жадно будет перелистывать, не веря своим глазам.

На обыкновенных тетрадных листах в клеточку будут рисунки карандашом. Оксана невольно zalюбуется райскими птицами, мельницами с широкими искусно очерченными лопастями, реками, спускающимися с заснеженных гор и нарядными дамами и кавалерами, плывущими в лодках по озеру, заросшему камышами.

На последней странице она обнаружит изображенного по пояс мужчину с тонкими подкрученными усами и чуть лукавыми, смеющимися глазами, тело которого покрывают мускулы. А внизу корявыми печатными буквами она прочтет надпись: «МОЙ ПАПА НАВЕРНА БЫЛ ТАКИМ».

ОКСАНА РАЛКОВА

Оксана Владимировна Ралкова – эксперт литературного форума-фестиваля «Капитан Грэй». Поэт, кандидат исторических наук, член Союза писателей России, лауреат Всероссийской литературной премии им. В. П. Астафьева, автор двух книг стихов.

* * *

На волю, в степь, в июньскую траву,
Вошедшую в молитвенную силу!
Домой!
Домой – на родину – в Россию,
Которой я по-прежнему живу,
Сырой земли обветренную выю
Обвить. Так стену заплетает хмель
Назойливыми гибкими плетями,
Так неподъёмный нагловатый шмель
В бутон впивается мохнатыми когтями...

АРИЯ

Пра-сестра моя
Вечно юная,
Груботканая,
Тонкострунная –
Ария ярая,
Ария рьяная,
Кучерявая,
Дурнопьянная,
Огнекосяя,
Яснокосяя –
С неба послана
Солнцем-соколом
Колесом ходи
Вкруг да около,
Жги отжившую
Быль дремучую,
Растирай её
В пыль гремучую,
Рухай замертво
В прах, рассеянье...,
В завтра-зареве –
Воскрешение.

ВСТРЕЧЬ СОЛНЦУ

На скорости восемьсот, на десяти тысячах летим из ночной Москвы встречу Солнцу.
Луна в иллюминаторе медленно плавает как бледная долька лимона в стакане дымчатого стекла.
Сеется тьма сквозь густой бредень нарождающегося света, проваливается в тар-тарары.
Трезвеет будущее небо.
Расправляется косынка его газовая, голубая, с чудной ватной каёмкой.

Титановые трамплины крыльев распирают горизонт: расправляется небесный парашют.
Навострённое кресало воскрылка с оттягом чиркает левую его стропу.
Она глеет, рдеет, заливается ленивым румянцем.
Луна по-волчьи уже, равнодушно глядит по-над бортом как растёт упругая солнечная корона.
Встаёт светило!
Опирается пухлыми лучами-кулачками о лёгкие всхолмия облачной равнины.
Озираются одичало табло «No smoking».
Неоновый свет становится нелепо лишним.
Бледнеет луна.
А была ли ночь?..
Облачные холмы сменяются хрупкими хребтами.
Золотой свет течёт на рыхлую белую перину и впитывается мимолётно.
Подрагивает норовистый борт, чужая близкую землю.
Снижаемся плавно по ступеням к подножию воздушного зиккурата...
Впереди Баландино.

* * *

Не тьма сгущалась – тишина,
Смущая полнотой смиренной:
Дневного шума пелена ниспала,
И простор Вселенной

Открылся зыбкой глубиной
В необоримый мир иной.
Неслышно охнула земля,
Густое переняв дыханье,

Лишь сейсмолинии печально
Чуть отшатнулись от нуля.
Но взлаял пёс и забренчало
В пустой подойник молоко,
Озвучивая всё сначала
Упруго, стройно, глубоко.

* * *

На том краю Уральского хребта
и смерти нет, и жизнь совсем не та:
там вечный день, там дышится легко,
в источниках вскипает молоко,

и небо манной сыплет благодать,
до рая там вообще – рукой подать!
А этот край Урала смяла тьма!
Как будто я повинна в том сама,
как будто я не разберу ни зги,
среди этой горькой матовой пурги.
Теперь источник дёгтя и угля –
моя благословенная земля,
где время вызревало как зерно,
где стало среди бела дня черно,
где ворон на верее: «кра!» да «кра!» –
вещует мне: «Окончена игра,
в которой нет победы, есть беда –
знакомая дорога вникуда...»

НАБЕРЕЖНАЯ

Город вышел к реке
И глядит в непрозрачную воду,
Над которой хохочут взхлёб
Остроклювые орды,

Молодецки пикируя,
С настезь открытого неба,
Колготятся клубами
Над крошевом белого хлеба...

Он три века шагал,
Попирая ухабы и гати,
Чтоб взглянуть на себя
В неподкупное зеркало глади!

Накреньясь над водой,
Кулаки заскорузлые свесив,
Невозможным (немыслимым)
Сплавом гранита и взвеси,
Он в раздумье застыл,
И предчувствуя, и вспоминая
Остановленный взмах
Ослепительных крыл Таганая.

Анна Харланова (Анна Павловна Чернышева) – эксперт литературного форума-фестиваля «Капитан Грэй». Поэт, прозаик, детский автор. Родилась в 1980 году в селе Доброе Липецкой области, проживает в Липецке.

Окончила Литературный институт им.А.М. Горького (семинар прозы В. В. Орлова).

Член Союза российских писателей, ТО ДАР (Творческого отделения детских авторов).

Публиковалась в журналах «Юность», «Подъем», «День и Ночь», «Балтика», «Причал», «Формаслов», «Русское эхо», «Волга XXIвек», «Luterrатура» и др.

Книги: «Стихи из кладовки», «Фиолетовый апельсин», «Добрые рассказы», «Стихоосётр».

В Липецке ведет студию «Скворцы» для литературно одаренных детей. Идейный вдохновитель и организатор Международной литературной премии имени А. И. Левитова и фестиваля ЛевитовФЕСТ в Липецке.

ХРУМЧАЖНЫЕ СНЫ

Рассказ

Я тебя поцелула, когда шепчатый дождь покрупчал в окно...

— Ты можешь прожевать, а потом читать?! – возмутилась Кира. – Бредятина какая-то получается!

А по-моему, прелестно, по-моему, самое то, что надо. Поцелула вместо поцеловала – это же необыкновенное слово! Хм.

...Я тебя поцелула, когда шепчатый дождь покрупчал в окно...

Кира тоже жевала, лопала, нямчила за обе щеки пиццу.

— А знаешь, – сказала она, облизывая с пальцев соус. – Первую пиццу сделали в Неаполе в каком-то махровом году, это была бедняцкая еда, хлеб и помидорный соус, по сути. Ну, а теперь эта еда в самой старой пиццерии Неаполя, знаешь, сколько стоит?!

— Кир, а там вкуснее пицца? – спрашиваю, а сама смотрю, сколько уже Кирка кусков съела, вот прожорливая.

— Хмгмпфш! – чавкает она. – Конечно, там вкусней! Свежайший соус, понимаешь, да и сыр там такооооой, ммм, а помидоры такииииие! Солнечная Италия, ясное дело.

Кира уже много где побывала, ее отец часто бывает в заграничных командировках и берет дочь с собой. Кира – блондинка, никакая не крашенная, а самая настоящая, от рождения. Цвет волос у нее восхитительный. И кожа такая чистая, чуть загорелая, розовато-фруктовая. И грудь уже вполне привлекательных размеров. Не то что я: бледная до зелени, с блеклой косичкой и тощая. Я много читаю и много мечтаю. Кирка говорит, что я тургеневская девушка. И это не комплимент.

Я тебя поцелула, когда шепчатый дождь покрупчал в окно...

— Погода отличная. Пойдем сейчас на речку, а вечером – на костер, – скомандовала Кира.

У нее красивый купальник, новые туфли на каблуках, короткая юбка-шорты и замшевая жилетка с бахромой. И все сидит на ней, как влитое. А на меня даже купить что-то подходящее сложно. Не в детском же отделе закупаться в шестнадцать лет?!

— Кир, дашь на вечер свою жилетку? – не люблю просить, но прошу, так как сегодня новые парни придут на костер, и я хочу их сразить.

— Бери, – позволяет великодушная Кира. – Только тебе ж велико...

— Нормально, сгодится! – радуюсь я возможности понтонуться.

* * *

2-15-92 повторяю про себя, 2-15-92 лишь бы не забыть, прихожу и записываю в блокноте рядом с выписками из Лермонтова и Ахматовой: 2-15-92.

В коричневом блокноте теперь не только буквы, не только рисунки, здесь первые цифры, и это его номер, его номер, я поцелула тебя... И фонари маяками светили путь... А на реке лягушки озверели от страсти и теперь орут – не квакают, надрываются в темноте... И половинка луны так устало смотрит в окно... А комары черными точками на белом потолке – затаились, ждут, сволочи, когда я выключу свет и лягу смотреть свои хрумчажные сны, а они кинутся на меня всей стаей и будут восторженно чавкать. А их комарий командир скомандует: 2-15 марш! И 92! Чвафк! А я уже сплю, положив под подушку блокнот, наполненный мечтами и мыслями – моими и великих.

“Я готов был любить весь мир, меня не поняли – и я выучился ненавидеть” (Лермонтов)

“Время бархатный черный шар катится скользкой дорогой” (Элюар)

“От любви твоей загадочной, как от боли, в крик кричу, стала желтой и припадочной, еле ноги волочу” (Ахматова)

“Я не хочу на шахматной доске фигуркой быть” (я)

– Доча, побольше пофигизма! – пожелала мне мама на день рождения. – Ты хорошая девочка, даже слишком, у тебя комплекс отличницы. Поэтому: побольше тебе пофигизма!

А я привыкла маму слушать, поэтому летом стараюсь не только учить английский и читать книги из сельской библиотеки, но и гулять, наблюдать, нравиться. Вот сегодня поплыли на лодке на Мельников сад, это местечко такое, где до революции жил мельник, там и сейчас большой яблоневый сад, а в высоком берегу живут стрижи. Дом не уцелел, а вот в протоке между островами нужно быть осторожным: как гнилые зубы торчат под водой сваи от старого деревянного моста. Налетишь на них – мало не покажется.

Кира сильная, без видимых усилий управляет с веслом. Сидит на хвосте лодки и только видно: широкий взмах и спокойное вжить – весло погружается в упругую воду, отталкивается от нее, а потом – рраз – поворачивается и словно рычаг, выравнивает движение лодки. Когда я сажусь рулевым, мы беспомощно кружимся посреди реки на потеху ребятишкам на берегу.

– Ничего, – утешает Кира. – Ты просто еще не привыкла, научись.

Чудесная, великодушная Кира! Золотовласая Кира!

– Смотри! Там твой, вчерашний, – вдруг говорит она. И я падаю-лечу-парю, но все это никому не заметно, только спина напряженная такая, ровная. А Кирка меня знает.

– Ну, чего ты?

А я чего... титек у меня нету, в купальнике смотрюсь, как малёк плотвы, и если он чего в темноте не заметил – сейчас разглядит, и пиши пропало мои мечты. А он вон какой! На тарзанке мотается, потом делает сальто и – вжих! – дух захватывает от его полета! И в воду входит, как в мои сны: смело и упруго.

— Ты, главное, виду не подавай, что рада его видеть. И страх не показывай. Держись, как ни в чем не бывало. Пусть сам подойдет. А ты спокойно так: а, привет, и ты тут? — советует Кира, а лодка неумолимо приближается к пляжу, и проплывают мимо стрижиные гнезда, и заросли ежевики, и чья-то пучеглазая коза вытаращилась на меня, даже жевать перестала. Я сижу с такой спиной, что можно сразу в балет, и забываю дышать. А возле тарзанки — шум, смех и всплески воды.

Я давно уже за Киркой наблюдаю и многому у нее научилась. Самому важному научилась, о чем Тургенев и Бунин ни гугу: быть женщиной. И вот тут, конечно, титьки очень помогли бы, но не они главное. Важно держаться уверенно, смело, обещать взглядом, но ничего не предпринимать самой, позволять — и ускользать, не навязываться, не просить. И уходить, если что не так, гордость — тоже нужна, не меньше титек.

...Я тебя поцелула, когда шепчатый дождь покрупчал в окно...

Я расправила плечи, задрала подбородок и, улыбаясь всем и никому, вышла из лодки.

Ирина Викторовна Четвергова – эксперт литературного форума-фестиваля «Капитан Грэй». Поэт. Родилась в 1982 году в Омске. Окончила факультет теологии и мировых культур Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского. По специальности культуролог. Член Союза российских писателей. Ведущая Регионального литературного семинара «ПарОм» (Омск). Лауреат Омской областной молодежной литературной премии имени Ф. М. Достоевского, лауреат форума-фестиваля «Капитан Грэй» (Мурманск), молодежного конкурса «Северная звезда» (Петрозаводск), дипломант конкурса «Яблочный Спас» (Ярославль). Участник проекта «Поэты Сибири: диалог поколений» (Кемерово–Омск–Томск–Новосибирск). Участник Сибирской литературной резиденции Ассоциации союзов писателей и издателей (Бердск). Администратор проекта «Чистый голос» в социальной сети «ВКонтакте».

* * *

С ленты багажной я забрала чемодан.
Надпись: «Досмотрен». Копчёную рыбу Севера
с чем-то запретным спугали в аэропорту.
Но если б знали они,
что самое тайное,
самое запрещённое –
это мысль,
что Север – уже мой.
Каждый раз,
стоит об этом подумать,
я представляю:
ягель растёт под моими ногами.
Медленно. Три миллиметра в год.

Север суров, прекрасен и терпелив.
В этот момент я говорю ему: «Подожди».
Я, привыкшая к непостоянству степных людей,
всё не могу поверить, что названное своим
ни на миг не перестаёт им быть,
и дрожит, дрожит
снегом присыпанное озерцо,
тайное слово «мой»
превращается в сладость морошки,
брусники терпкость...

* * *

Водохлёб-кипарисовик
не даёт мне уехать надолго.
Навсегда? Он, наверно, не знает,
что есть навсегда.
На меня уповаёт растение,
как я уповаю на Бога.
Крепнет связь между нами,
язык благодати – вода.

Наливаю её из-под крана
(у Бога – иначе?)
и смотрю на южанина.
Может, просить посмелей?
«Боже, сбыться мне дай,
чтобы жизнь на земле делать ярче!
Боже, сил на меня не жалеи!»

В эту осень дорога опять –
не на юг, а на север,

где ветра, неуёмны, свистят –
позавидует степь!
И три года подряд
воздаётся мне точно по вере,
только в шуме ветров
не расслышать, не рассмотреть...

* * *

Стрижи не умеют взлетать с земли,
им нужна высота.
Люди пытались тебя смирить,
но вдруг и с тобою – так?

Пропасть почувствуешь – полетишь:
мечешься, но – живёшь.
Видишь, стрижи сиганули с крыш –
скоро случится дождь.

Это не значит «придёт беда»,
значит, что смоем грязь.
Люди всё думают не туда,
в страхе на гром крестясь.

НЕЧЁТКОЕ ФОТО

Смазан бегущий в кадре, и горизонт завален –
так, что вода бегущего настигает.
Кадров подобных в моём телефоне – мало.
«Что ты снимаешь?» – мне говорят.
«Кто так снимает?!»

Вот неудача – фотографа ли? модели?
жизни, случающейся внезапно?
Снимок мой гениален на самом деле.
Здесь человек чувствует невозвратность:

если его зальёт, захлестнёт волною,
если стихия больше всего, что создал,
есть осязаемый шанс не увидеть звёзды.
Августовские звёзды...

Может, он смелый. Красивый – на фоне заката.
А у меня получилось, что безнадежно сдрейфил.
Фото не удалить – понадежней спрятать.

Жизнь – вот такая.
Другие
делают
селфи.

МОЙ, МОЯ, МОЁ

Притяжательно местоимение.
Я притягиваю: мой, моя, моё.
Так вытаскивают из забвения –
музыку, что долго не поёт,

и играют так, чтобы расслышали
в шуме города, увидели в огнях.
Вот она – моя звезда над крышами,
звёзды все готовая обнять.

Всё, что ты легко к себе притягивал,
не бросай, растрогав, раззвучав –
дудочку с её небесной правдою,
женщину, что ходит на причал.

Трепыхалось пёрышко на ветру,
в паутине застряв –
голубиное, белое пёрышко на ветру.

Ветер просил ответа.
Ветер был прав.
И сказать хотелось: я тебя заберу.

И ответила ветру я, что идут дела;
что в тебе я многое поняла,
что беда перестала стучаться в дверь,
если время любить, то оно – теперь.

А потом неизвестное
белым туманом закрыло слова мои,
смыло пёрышко голубиное,
далеко его унесло...

Я подумала: если любишь,
не мешай говорить любви.
И услышала тихий плеск,
в пальцах чайачье почувствовала перо.
И подумала о тебе
по-особенному тепло.

АНДРЕЙ ЗВЯГИН

Андрей Борисович Звягин – эксперт литературного форума-фестиваля «Капитан Грэй».

Поэт. Родился в 1968 году в Москве. Окончил МГТУ ГА, служил в армии в Германии. Десять лет работал бортпроводником Аэрофлота. Победитель поэтического конкурса «Куликово поле» (2017-19). Автор книг стихов «Клоун и воробей» (2019), «Полетели!» (2022). Член жюри и один из организаторов форума-фестиваля «Осиянное слово». Живет в Москве.

* * *

Вздыхает дом на Ленинском, обветрено лицо.
Под крышей птицы селятся, рожая сорванцов.
Шумит чердак засиженный, гудрон щекочет нос,
На улице не стриженный скулит чужой барбос.

Щербатыми ступенями оскалился подъезд,
Над шиферными плитами антенн дремучий лес
И трубы водосточные. Гремит кривой забор.
– Эх, племя беспорочное! — орал нам в след вахтёр.

Подвал, пропахший крысами, ладонь сырой земли.
Его весь двор расписывал рисунками Дали
– Эй, друг, смотри за шлейфами, торчат ведь провода.
Мой лифт, творенье Эйфеля, скрипит туда-сюда.

От пыли хуже зрение, коптит внизу хайвей,
И хлопают застирано ресницы простыней.
Стоит вздыхает «сталинка», балконов перевес.
Я — дом седой и старенький — давно не жду чудес.

* * *

Плоть горохового поля
Пробежишь — увязнут ноги.
Лес — границей, страх и воля.
Свищет ветер вдоль дороги.

Гул последней электрички.
Млечный Путь в колючих ветках.
Погадай мне, ночь, на спичках.
Что там после восьмилетки?

Хороша картошка с дымом,
Соли на два века хватит.
Чёрно-белый фотоснимок:
Край погоста. Здравствуй, Батя!

У берёзы виснут косы.
Дай, стакан тебе поставлю.
Будут, Батя, сенокосы,
Обещаю, я управлюсь.

Глянь, горох, луной облитый,
Кони, а за лесом — Волга.
И звенят, звенят копыта,
Только жаль, что так не долго.

* * *

Полетели! Вон ветры дороги метут!
Эти серые дни, надоевший уют.
Не бери ничего. Сходит осень с картин.
Мы успеем вернуться, покуда спит сын.

Осыпаются листья, бьют в облако, но
Вот две старых кассеты — «The Beatles», «Кино».
Заряжай, пусть гуляют и пляшут басы,
Пусть когда-нибудь это полюбит наш сын!

На рассвет, на закат ветер солнце заплёл.
В белый сумрак берёз, в окупённый котёл.
А большая Медведица в лапах своих
Сына пусть покачает за нас, за двоих!

Ну а мы на «восьмёрке» с дырявой трубой
Пролетим над планетой по имени Цой!
Над звездой Маккартни косухой тряхнуть.
Как же хочется что-то оттуда вернуть!

Я попробую, только ты крепче держись.
Я забытые звёзды верну в нашу жизнь.
Ну а небо — серебряную карамель,
Нас покуда не будет, вернёт в колыбель.

* * *

Только солнце улеглось,
Тьма на землю прыгнула.
Над деревней занялось,
Побежало вспыхнуло.

Над конюшной петухи —
Бешеное зарево.
— Что стоите, лопухи,
Рты свои раззявили?

Бьёт в набат, пугая ночь,
Дьяк на колоколенке.
Искры в небо мчатся прочь
От ловушки огненной.

Крепко взялся сухостой,
Ржут надрывно лошади.
– Где вода? Тащи! Не стой!
Языки полощите.

Вдруг оттуда из огня
Дурень стоеросовый.
Сам в золе и два коня
В полный рост над росами.

Неужели подпалил
Семя окаянное?
Конюх видел, подходил,
Эта рожь пьяная.

Злобой веет от толпы.
– Харя неумытая! —
Тут Саврасый на дыбы
Встал, стегнул копытами.

С гривы сорвалась рука,
Колокол качается.
На защиту дурака
Конь рванул отчаянно.

– Эх вы, дурни-дураки,
Люди бестолковые. —
Ходит Колька вдоль реки
С дудкой тростниковою.

С той поры разменян век,
Нет уже сказанного,
Только помнят имярек
Коленьку-блаженного...

* * *

Я крашу акварелью дождь.
Держу за включенные космы.
Он чем-то на меня похож,
Когда мне было двадцать восемь.

Как я шатался по Москве,
Любитель вискаря и ретро.
Рожок-бутылка в рукаве,
Чтобы позвать четыре ветра.

В оплывших красках не поймёшь,
Куда её уводит осень.
Она ушла, я крашу дождь,
И мне уже не двадцать восемь...

И холод злой, и смысла нет,
И капли, капли, как по нотам.
Дождь заберёт её портрет
И скроется за поворотом.

Он чем-то на меня похож
И так же, как и я, прощает.
Я акварелью крашу дождь,
Но он меня не замечает.

Ксения Игоревна Савина – эксперт литературного форума-фестиваля «Капитан Грэй». Родилась в Санкт-Петербурге. Преподаватель-исследователь, религиовед, поэт, критик, организатор литературного процесса. Выпускница философского факультета СПбГУ. Окончила аспирантуру ЛГУ им. Пушкина. Член Союза писателей России. Публиковалась в журналах: «Знамя», «Юность», «Аврора», «День и Ночь», «Наш современник», «Перископ», «Сибирские огни».

СЖЕЧЬ ТЕБЯ МОГУ

* * *

Оставляю дом, в котором ложь,
Будто сумрак,
Свет заволокла,
Выхожу в густой весенний свет,
Которым асфальт перекрёстка
Залит.

И больно слепит глаза
Этот непобедимый свет,
Ведь он будто правда бездомности,
Тщетности сердечного огня,
Глаза жжёт.

Будто «золотая казнь» меня ждёт,
И в горло, в котором
Долгие месяцы
Стон стоит,
Благоплавкий металл
Зальёт палач – так
Заставляет молчать.

Будто античный колосс, сам Гелиос восстал
И кулаки золотые размять
Об меня задумал,
И навзничь меня повергает – так
Прибывает к земле.

Будто, освящённый мартом, перекрёсток
К воздуху пригвоздил
Ладони и ступни –
Так мне с места не сойти,
Где меня, лжеца на месте преступления,
С поличным застаёт
Единственная правда.

* * *

Пусть крутит в лёгких
Шальной воздух –

Жить будет,
Кого безо всякой пощады душиат.
Кто рвётся жить – будет,
Сквозь строй бед,
Через толчею бед
Пройдёт лихо, без
Вреда для себя, без страха.
Потому что бедой,
Что крестильной водой,
Новорождённым был обмыт
И по жизни своей, будто по той воде,
Уверенно идёт.

* * *

Пока твоя рука
Была будто капкан –
Разрушился наш храм.
И я, с глубокой
Тишиной в сердце,
Приближаюсь.
Объятия разжимаю
Молодые, крепкие –
Любви нашей дубовые сваи
Выверну вместе с землёю.

* * *

Успокойся, как волна,
Ты – женщина, в тебе война
И мир в тебе одной.
Захочешь – этот дом сметёт
Потоком справедливых притязаний,
Захочешь – трубы протрубят,
Падёт Иерихон,
Без малой капли крови,
Без многих лишних слов.
Познай заветное для Евы –
«Нехорошо быть человеку одному»,
А это значит, что ему
Нехорошо тоже.

* * *

Трудно птице взлететь,
Да в полёте легко.
Эх, возьми меня ветер в жёны,
Какие тебе подарю бури!
И сына, и дочку,
Мне б хоть одну ночь
Трепетать и выгибаться над миром.
Буду будто полотнище белое,
Будто крыло горлицы –
Тебе одному буду союзница!

* * *

Как земля весенняя
Травинками робкими,
Хочу быть
Усыпана поцелуями.
А ты – как ты
Обескровлен!
Как земля весенняя
Холодами злыми.
Нагая, растерянная,
Ветка зелёная,
Я пить стыжусь
Твоей земли
Последние соки,
Но не могу не пить!

* * *

Весна все обещания обналичит,
Станет яснее ясного –
Сколько стоили.
Пойду искать –
Молода, и всё во мне трепещет –
Давно обещанного.
Найду, что не напрасно
Меня своей не признают женщиной,
Найду, что я – жар-птица,
И сжечь тебя могу.

* * *

Когда холодное солнце
Последний раз скупое тепло
Разливает
В неглубокие пиалы
Наших северных далей
Я вспоминаю –
Заходящее солнце
Над высокогорьем
В лозах винограда.
Вот так же сердце моё
Задарма отдаёт своё золото,
Теряя последние силы,
Перед тем, как надолго
Зима наступит
И к горизонту привяжет,
На других небесах восходить.
Вот так же, подобно солнцу –
Не нуждаюсь ни в одной
Из тьмы наград,
Довольна тем, что
С приходом осени
Я – разрезающий луч,
Вы – виноград.

* * *

Осеннюю затянула песню
Я – Садко, и через широкую реку
Дорога к моему дому.
Ночи всё холоднее,
И уже страшное
Готово для меня
Приглашение.
Вот – тронный зал Невы,
Недвижно блещут
Колонны медного света,
И меж ними снуют
Лёгкие волны.
Пусть ждут меня хозяева и гости
На царском торжестве,
Не тороплюсь ступить с моста.

* * *

Шёл снег, полосовал, пронёсился.
Скоро настигал землю.
Шёл снег
Без устали и без закона,
А перед тем, кто в окна
Выглядывал
Пухлые шершни
Летящего снегопада
Замирали, в ответ
Всматриваясь
И будто раздумывая,
Как бы этот слабый
Уголок тепла
Завьюжить, занести,
Сгубить холодом.
Я же об одном думала –
Как мне в этот снегопада
Колокольный перезвон
Войти боем часов?
Ведь я, будто лицо отрока умываю,
Сердцу предрекаю сегодня –
Отлюбило.
Отгорячилось.

Дмитрий Александрович Филиппенко – эксперт литературного форума-фестиваля «Капитан Грэй». Родился 7 декабря 1983 года в Ленинске-Кузнецком Кемеровской области. Окончил Сибирский государственный индустриальный университет. Работает горным мастером на шахте. Главный редактор литературных альманахов «Образ» и «Кольчугинская осень». Организатор Всероссийского литературного фестиваля им. Алексея Бельмасова. Автор пяти книг стихотворений. Лауреат межрегиональной премии им. В. А. Макарова (Омск), ежегодной премии «Слово» (Москва). Член Союза писателей России. Живет в Ленинске-Кузнецком.

БАРАК

Я помню деревянный свой барак,
Посёлок Дачный. Детства акварели.
Трещало время, цвёл в стране бардак...
И как за десять лет мы не сгорели?

Троллейбусы шуршали за окном,
Наш дом трясло, но мы не замечали.
Сосед за стенкою по кличке Гном
Повесился от горя и печали.

Я вырос, у меня давно семья,
Своя квартира, во дворе осины...
Но помню, у дороги плакал я –
Сносили детство, мой барак сносили.

СНЕГА

А в детстве по ночам цветут снега,
Ложатся на лохмотья тротуара.
Компот – на дне стакана курага,
Деревни воздух, повести Гайдара.

Следил за нами справедливый дед,
Чтоб с братом мы не брали в руки спички.
Мы – каждый – гнали свой велосипед
И уезжали к чёрту на кулички.

По вечерам окрошка и кино,
Зелёный чай и шоколада плитка.
Я всё равно вернусь в деревню! Но
Закрылась в детство старая калитка.

СТАРИК

Плыла ленивой рыбою река
Вдоль берегов черемухового ситца.
В деревне хоронили старика –
В гробу закрытом, чтоб не заразиться.

Семья не посмотрела на него
В последний раз, и не смогла проститься.
Они тогда не знали одного –
Что тело перепутала больница.

Лежит в палате дед. Ещё живой!
И не найти виновных в круговерти.
Вручив жене свидетельство о смерти,
Её случайно сделали вдовой.

МЕЧТА

Когда мне было восемь лет
И я хотел быть гитаристом,
Отец готовил мне омлет
И называл большим артистом.

Любил я песни Кузьмина,
Был микрофон, точнее, плейка,
Была гитарой для меня
Коричневая мухобойка.

Ночами детскими мечтал,
Что я в Москве пою на сцене,
Что группу назову «Портал»
И что Кузьмин её оценит.

С тех пор прошло немало лет,
Я стал шахтёром и поэтом.
Жена готовит мне омлет,
Но нет мечты, и папы нету.

* * *

Седое время словно тёплый свет
Ложится на продрогшие деревья.
Мы с электрички, нас встречает дед,
И мы летим в студёную деревню.

В саях солома, старенький тулуп.
Укутаюсь в него, чтоб не замёрзнуть.
А бабушка уже готовит суп,
Пельмени варит, всё у неё серьёзно.

Промчались тридцать деревенским зим,
Продали дом, живут теперь другие.
Но снится мне – по снегу мы скользим,
И не напьюсь я этой ностальгией.

Ирина Владимировна Соляная – эксперт литературного форума-фестиваля «Капитан Грэй». Победитель в номинации «Проза» международной премии «Антоновка сорок плюс» 2019, лауреат фестиваля «Капитан Грей» 2020, победитель конкурса «Стилисты добра», номинация «Проза» 2021, лауреат литературного форума «Осианное слово» 2021, лауреат XXII фестиваля «Славянские традиции» 2021., призер XII Международного Грушинского Интернет-конкурса в номинации «Малая проза», призёр IV международной премии в области литературного творчества для детей «Алиса-2022» номинация «Магическая проза для детей». Автор сборника рассказов и повестей «Недолюбленные», 2021.

ВОЛШЕБНЫЕ УЗОРЫ

Жил в нашей деревне Злыднево Прокопка. Никто не знал, из каких он краев, а сам мальчонка не сказывал, потому как немой. Был бы дорожный человек – никто бы не беспокоился. А он словно в наш берег решил врасти.

Не боле семи годков ему было, как нашли мальчонку в начале декабря у порога нашей церкви в худом армячишке с чужого плеча, рукава по земле волочились. Глаза у него голубели, как январский лед на Двине. А только потом узнали, что и нрав у него угрюмый, как у Мурманана.

Прибился к одной вдове нахлебником, та мальчика и выкормила как сына родного. А поп наш окрестил его Прокопкой.

Как стал найденыш в возраст входить, то стало заметно, что он шелоник пропащий. Вдовица уже и тому рада была, что Прокопка о вине зеленом не заикался и только баловством маялся с утра до вечера: то печку беленую картинками размалюет, то из чурочек детишкам игрунков вырезывает. И всё-то она тужила: «Вот помру, как мой малохольный сам-один жить будет?»

Помор наукой отцовской, дружками да своим трудом на море силен, а у этого Прокопки ни отца, ни дружков, ни силы. Староста-брюхан сказал: «В артель не гожд, только в церкву вхожд». Потому вдовица его пристроила служкой. Как немому в церкви служить? Ни спеть, ни прочитывать, ни помолиться. Только полы мыть да воск топлёный соскребать.

Как-то раз явился Прокопка к охотникам и на беличий хвост показывает. Посмеялись охотники, но дали: не рухлядь же, никакой цены не имеет. Прокопка с хвоста волосков надергал и сделал кисточку. Той кисточкой в церкви доски размалевал. Люди добрые увидели, оторопели. Вчера досками крынки покрывали, а теперь с них смотрят Николай Угодник и Прокопий Устюжский. И так строго глядят, как будто все грехи твои ведают, полуще всякого попа.

Пришел староста-брюхан к попу и предложил: «Давай по чарочке за здорово живешь». Тот согласился, а староста и молвил дальше: «В церкви порато строго стало, дыхнуть негде». Поп спорить не стал, а навеселе все доски поснимал и поразбивал: «Не по канону писаны, без благословения. Да и миряне через Прокопкину мазню на службу ходить не стали».

Сказал староста Прокопке: «Коли малевать охота – иди бабам горшки расписывай». Прокопка домой воротился, дождал первого снега, замесил его в плошке и давай по окошкам водить. Вдовица головой покачала: «Совсем нахлебник умом тронулся». Молчал Прокопка, только всё рисовал и рисовал. А как вечером лучину затеплили, так все окна волшебными узорами покрылись: цветы луговые, птицы райские. Вдовица глаза протёрла – господи святыи! Не на окошках, а по всей горнице цветы в кадках. Пахнуло

летним покосом. Над этими цветами птицы длиннохвостые запорхали. Пока лучина горела – всё любовались на лазоревые цветы да на птиц райских. А как темень ночная пришла – чудеса пропали.

Рассказала вдова бабам о чуде дивном на другой день за прялками.

Бабы не поверили.

– Чего ты чихиряешь?

– Знамо дело, что Прокопка твой чуждой. Да смотри, чтобы и ты не стала безразумной.

Одна Марфутка, старостина дочка поверила, но промолчала. Пришла на другой день к нахлебнику и говорит: «Сказывала мамка твоя названная, что ты умеешь диво рисовать. Нарисуй и мне на окошке».

Прокопка зачерпнул золы и замесил её в плошке. Нарисовал Марфутке на снегу у порога сани-розвальни и тройку лошадей. Загарцевали кони в яблоках, копыта серебряные зазвенели, порохню подняли и остановились. Засмеялась Марфутка, села в волшебные розвальни, а Прокопка – на облучок. Все бабы и старики за двory высыпали, рты разинули. Накатались Марфутка и Прокопка вдоволь, сани под ними дзынькнули и рассыпались золой. А коней и след простыл – дымом печным завились.

Староста Марфутку вожжами вытянул: «Как ты посмела, девка, при всём честном народе с Прокопкой валандаться! Всю честь девью прокатала!»

Только Прокопка домой к вдовице вернулся, а там уж и деревенские на порог:

– Мы думали, что ты нахлебника порядку научила. Да не в дурня корм. Он добра нашего не помнит, выходками добрых людей смущает.

Хвост беличий в печи спалили. Кисточки переломали об колени.

Посмотрел Прокопка на них синими глазами, даже головой не качнул. Вдовица заплакала, да и как не плакать, коли сын приемный такой непутящий оказался.

– Эх, Прокопка! Кабы ты делом занялся! Зряшно землю топчешь и хлеб мой горький, слезами политый, ешь.

На другой день Прокопка котомку собрал, старый зипун надел, веревкой подпоясаясь, вдовице в пол поклонился, и только его и видели.

Пропал совсем Прокопка, ни слуху, ни духу. Да и не искал никто. Только вдовица в окошко поглядывала, вдруг воротится.

Настала весна – стали купцы наезжать, товары смотреть. Песца берут и рухлядь другую, от пряжи нос воротят, а на кружева и не взглянут. Бабье рукоделие им не по нутру.

– Что ж добрым товаром гребуете? – посмотрел грозно староста-брюхан.

– Не гребуем, мил человек, а только товар ваш своей цены не стоит.

– Как не стоит? О прошлом годе брали, чего ж нынче не так?

— О прошлом годе другого не было. А в этом году мы у соседей запаслись.

— Дайте глянуть-то!

Бабы столпились, купцы один тюк вытащили, и уголок отогнули. Все ахнули, кто и красоту не понимал. Кружево заплетено так, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Жар-птицы и цветы лазоревые, сани с тройкой лошадей, дворцы и храмы.

— Царица-матушка просила дива сыскать. А то у ей во дворце скатерти на большой стол не хватает. Послов заморских удивлять нечем.

— Так хоть пряжи какой возьмите, — бабы взмолились, а купцы усмеваются.

— Пряжа ваша толстая и грубая, на чулки годная. А мы нынче тонкую скупаем.

И показывают мотки. Пряжа тоньше волоса, да крепче каната морского.

— Бабы из соседнего села обучились и кружева плести, и нитки прясть. Прялки у них дивными росписями украшены, а узоры им какая-то волшебная кисточка рисует. Бабы и девки запоминают, и под стать рисункам колючки переставляют.

— Уж не наш ли Прокопка малохольный той кисточкой водит? — староста хмыкнул, а сам за бороду себя дергает от досады.

На другой день собралось вся наша деревня Злыднево на сход.

— Вот те и шелоник! Проглядели...

— Надоть Прокопку к нам позвать в обратную.

— А коли не пойдет?

— Силой увезём.

Стал народ аюшиться, старики головами крутят. Но по брюхановскому слову порешили. Поехал наш староста с попом в соседнюю деревню и забрал Прокопку. Посадили его в амбар под замок и наказали:

— Тут сиди и малюй. Для прибытку.

А Прокопка нарисовал ключик, отворил замок и был таков.

Говорят, его в белокаменной видели. Живёт при дворе сытно, для матушки-царицы волшебные узоры выводит: на печных изразцах в палатах, на Царских вратах в домовом храме, на платьях и уборах разных. А про деревню Злыднево и не вспоминает.

Только Марфутка, которую замуж вскоре выдали, когда-никогда слезу горькую утрёт, заслышав хрустальный цокот коней в серых яблоках.

Стефания Антоновна Данилова – эксперт литературного форума-фестиваля «Капитан Грэй». Петербургский поэт и культуртрегер. Публикуется в журналах «Юность», «Дружба Народов», «Полутона», «Бельские просторы», «Север», «Аврора», «Перископ», «Формаслов», «Дон Новый», «Дети Ра», «Зинзивер» и др. Автор 20 книг. Организатор фестивалей «Всемирный день поэзии», «Чёрное сердце Самайна», «Веснадцатьфест» и «Всероссийского поэтического акселератора ВПрофессии».

ПЕСЕНКА

А знаешь, я все-таки радуюсь лету.
Как песенке, что
будет поздно, но спета,
как другу, что рядом живет, через дом,
но встречу откладывает на потом,
как солнцу, что смотрит с чужих фотографий,
нешадно сжигая сетчатку и трафик,
как морю,
что прячется в соли для ванн
и облегает
не мой нотный стан,
я радуюсь, радуюсь, радуюсь лету,
так хромо и немо, так глухо и слепо,
не в силах бежать и кричать и внимать,
сама для себя и ребенок, и мать,
сама для себя гениальность и бездарь,
я в лето смотрю,
словно в звёздную бездну –
пускай посреди раздражённого дня
оно синеглазо
посмотрит
в меня.
Достигнет, как впадину или вершину,
заменит постельный – проспектным режимом,
Настигнет, как ястреб, как огненный дождь –
мол, ты
от меня
никуда
не уйдешь,
и я из варяг наконец выйду в греки!
Апрельские льды,
первомайские снега.
Зима – сериал, кинозал и СИЗО.
Вы видели трейлер
про третий сезон?
И плачут ветровки,
мои стометровки,
кроссовки без слишком мудреной шнуровки,
и я ничего не хочу, не могу,
застывшая по альтер-эго
в снегу.

ДВА ГОРОДА

У моря простёрся город, и имя ему – Печаль.
Пейзаж горизонтом вспорот, пустынен его причал.
Маяк чуть повыше пирса, по крышу стоял в пыли.
Смотритель сто лет как спился, а нового не нашли.
Плакучие кипарисы – из них ни один не цвёл.
Я, кажется, в нём родился и молодость в нем провёл.
Здесь, в хижине обветшало, с рассыпавшейся золой.
И что-то в груди мешало, как будто бы в путь звало
за тысячу миль отсюда, все выше и выше от
печали и ближе к чуду. И город остался под
истерзанными ногами. И были шаги наверх.
Я не был знаком с богами, но слышал их странный смех:
не то чтобы очень добрый, не то чтобы очень злой.
Сменилась Печаль задором и высохла с глаз долой.

В горах распускался город, и имя ему – Любовь.
Богач, хромоногий, гордый – туда мог попасть любой.
Магнолии в нём и пихты, терновник и девясил.
И город любил таких, кто весь город в себе носил,
кто полон был им по горло, брусчатку считал за шёлк.
Мне нравится в нем погода. Зачем я сюда пришёл?
Не знал я на то ответа, но, кажется, город знал.
За мной, не теряя следа, шла солнечная весна,
и лето детьми скакало по классикам на ветру.
Всё это меня пугало. Я думал, что я умру.
Мне все открывались двери, все звали меня домой,
я чувствовал, что не верю, что я поражён чумой.
Мерещились все врагами, не знавшие про Печаль.
Я поговорил с богами, и каждый в ответ молчал.

Я снова вернулся в город, который меня создал.
Какие мои-то годы, какая моя звезда?
Печаль у меня на сердце, печаль у меня в душе.
Мы с нею играли с детства, мы дружим сто лет уже.
Глаза мои излучали печальную благодать.
Я – выходец из Печали, и смысл ее покидать?
С Любви приходили письма, посылки, варенье, мёд.
Я не был от них зависим: печальный меня поймёт.
Предстал предо мною выбор: что мне им в ответ писать,
и я надписал, что выбыл из города адресат.

Легко носить крест печали, когда она так легка.
Я стал пребывать ночами смотрителем маяка.

У моря я ждал погоды, а море со мной вдвоём.
У моря простёрся город.
И имя его – моё.

ЭЛЕКТРИЧКА УХОДИТ

Электричка уходит в восемь.

Петергоф и Зеленогорск.
Выборг, Всеволожск.

Успокойся.

Остуди раскаленный мозг у фонтана или в озёрах. Флюгера или маяки. В август брошены мы, как зерна, с чьей-то щедрой большой руки. Мы уже не хотим как в детстве или где-то в семнадцать лет. Без нетрезвого декаденства и беспомощности. Билет в область радует нас не меньше, чем сумел бы горящий тур. Обстоятельства не изменишь. Покачаемся на мосту? Объедемся в лесу черники и любовью займемся там. Персонажи забытой книги. Совершенная красота не поймается фотоснимком, но запомнится от и до. Нам подмигивает брусника, вереск просится с нами в дом. Поселиться бы здесь в палатке, удалившись из соцсетей, от начальников, неполадок и кошмаров из новостей.

Сестрорецк, Левашово, Тосно, Рахья, Сиверский. Сотни трасс.

Электричка уходит в осень,

в вечном лете
оставив
нас.

ЛЕТУ 2022

Я держала тебя новорожденным на руках.
Пахло зеленыю, беды бежали прочь.
У тебя было мудрости, как у самого древнего старика.
В тебе жили одновременно и сын, и дочь.
Но не я учила тебя плавать в озере и собирать грибы.
Это было дело твоих малюсеньких рук.

Ученые все расшибали лбы,
как сделать счастье. Но ни одна из наук
не сравнима с тем, как ты ведешь меня
по песчаному берегу любимой моей Невы.
А потом мы вместе ведем под уздцы коня,
учась рысить где-то в пригородах Москвы.

И электросамокаты там были, да.
Нас пьянил воздух белых полусухих ночей.
Мы открывали новые города,
тяжелела связка ключей.
Брали катамаран и плыли на нем в закат.
Рисовали картины одним мазком.
Дозревали паданцы в рюкзаках,
в электричках пахло медом и молоком.
Если вся наша жизнь – игра, то, конечно же, бадминтон.
В замедленной съемке летит жёлтый волан.
И за сеткой с ракеткой Леха или Антон,
А ты снимаешь на видео, крупный план.

Может быть, от голубики чернику не отличу,
но ты что-то внутри меня починил,
что на чужое «падай» я отвечаю: «лечу»,
это ты волшебник, а я ученик.
Подоконник ломился от пшеницы и ржи,
что мы воровали с чужих полей.
Не убегай, руку мою держи,
земля будет нам пухом одуванчиков и тополей.
Ты увел меня с фронта в тыл,
и я навсегда осталась живой.
На моих руках умираешь сегодня ты,
и я плачу над выгоревшей твоей головой.

На могилке твоей воланчик и полевые цветы.
И ее заносит желтой листвой.

Алёна Анатольевна Белоусенко – эксперт литературного форума-фестиваля «Капитан Грэй». Родилась в 1992 году. Живёт в Одинцове. Окончила экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, Литературный институт им. А. М. Горького.

Лауреат ежегодной премии сайта «Российский писатель» в номинации «Новое имя» (2015). Победитель конкурса «Во славу Бориса и Глеба» (2016). Лауреат Южно-Уральской литературной премии (2017). Участник Форума молодых писателей России и Китая в Шанхае (2019). Лауреат премии «Болдинская осень» (2021). Член Союза писателей России.

ОБЛЕПИХА OFFICINALE

Мягкий август. Пока утро ещё свежее, лёгкое, дачники оставляют город и разъезжаются по деревням. Их машины, не снижая скорости, бряцают подвеской на неровном асфальте и пролетают мимо заброшенных лугов. За ними тихо стрекочет старый велосипед. Вдруг тормозит. С него слезает невысокая и худенькая девушка. Подтягивает велосипед к обочине и оглядывается по сторонам. Никого. Перепрыгнув через канаву, она подходит к придорожной облепихе. Листья у неё будто седые, но ягоды сидят плотно, как на початке кукурузы. Девушка обходит дерево и встаёт к нему с чистой, луговой стороны.

Она вынимает из рюкзака пустой контейнер и начинает бережно срыпывать ягоды. Осторожно, одну за другой, будто швея прошивает ткань аккуратными стёжками. Облепиха не любит суету. Нельзя сорвать две ягоды разом и ни одну из них не поранить. Тонкая кожица – не то что у рябины, например, – лопается при малейшем давлении. В этом хитрость щедрой, но требовательной облепихи.

Проезжающие мимо водители с удивлением смотрят на неё. Какой-то шутник бросает пакет от чипсов прямо на велосипед. Гавкает собака, высунув морду из окна. Девушка старается не обращать на них внимания. Когда её поднятые руки начинают болеть, а запрокинутая голова кружиться, возле велосипеда останавливается машина. Из неё выходит мужчина и закуривает, глядя в направлении деревень и дач. Стоит странно, в мальчишеской позе – ноги вместе, носки врозь. Потушив сигарету, берёт телефон и фотографирует девушку. «Что ему нужно?» – с тревогой думает она и продолжает машинально собирать ягоды. Мужчина делает примирительный жест ладонью – сейчас объясню – и после заминки у канавы кое-как добирается до облепихи.

– Смотрите, вы похожи на пчелу, опыляющую дерево, – говорит он, показывая фото. Волосы пушистые светлые, как у мохнатой пчелы. А рюкзак за спиной – сложенные крылышки. Ведь похоже, да? И дерево-то большое по сравнению с вами. Я удалю, если хотите.

Девушка мельком смотрит, но не видит, боясь то ли ближе подойти, то ли увидеть что-то другое.

– Извините, если напугал.

И стоит также – ноги вместе, носки врозь. Похожий на принца из какой-нибудь Дюймовочки. Только постаревшего и побитого жизнью.

– Я просто на дачу ехал, смотрю – кто-то облепиху собирает. Она ведь до вас никому не нужна была. Меня Миша, кстати, зовут. А вас как, если не секрет-секрет?

– Наташа, – отвечает она, хотя не собиралась.

Миша рассказывает, как ещё мальчишкой собирал облепиху у бабушки на даче. Опыт у него в этом большой, хоть и давний. И он не против сейчас повторить. К тому же он болеет – это не заразно, и ему просто необходимо посидеть на свежем воздухе в компании с хорошим человеком, желатель но незнакомым и чужим, пусть и молча.

Наташа отказывается от помощи и возвращается к сбору. Боли в шеи и руках она уже не чувствует – её занимает этот странный мужчина, кото рый зачем-то привязался. Он лежит на траве и смотрит на небо, разгляды вая там что-то. Лежит расслабленно, спокойно, будто у себя дома. Словно это место принадлежит ему, а она зашла в гости и крадёт ягоды из его сада. Но он, конечно, человек благородный и щедрый, и собрал бы их для неё сам, положил в плетеную корзинку и подарил.

Миша понимает, что девушке некомфортно, что она ждёт, когда он уй дёт. Но он и вправду чувствует, что там, в конце дороги – с того или другого края, дома или на даче – конец, после которого ничего в жизни не случит ся. А здесь есть что-то. Лично его – не нужная никому облепиха и, наверно, не нужная никому девушка – такая она запуганная.

Замечая, что Наташа то и дело поднимается на носочки, он запева ет, подражая Винни-пуху:

— Если б мишки были пчёлами,
То они бы не придумали
Так вы́соко строить дом
И тогда тра-та-та-та
Мишки не полезли б
На такие вышки!

Наташа бросает на него взгляд – он поёт, не смотря на неё, не выискивая на лице удивления и смеха. И она, наконец, смиряется с мыслью, что чело век этот хоть и очень странный, но совершенно безобидный.

— Ла-адно, помогите, – предлагает она, понимая, что высокому мужчи не будет проще совладать с деревом.

— Один момент, – поднимается Миша и направляется к машине. Ната ша слышит, как в багажнике дребезжит стекло, и видит в руках Миши бут ылку, наверно, с коньяком. Он обмывает алкоголем руки, показывает их, растопылив пальцы, кричит «Чисто!» и собирается уже вроде подойти, но делает пару торопливых глотков и тогда уже возвращается к дереву.

— А что вы потом с облепихой делаете, если не секрет? – спрашивает, выбирая более спелую гроздь.

— Осторожно, только не давите на неё. Пироги пеку, например. Я, вон, прошлый раз корни одуванчика здесь собирала. Знаете, как одуванчик на латинском? *Тагахасум officinale*. Что значит одуванчик лекарственный.

— Звучит внушительно. Любите наверно очень?

- Что?
- Облепиху. Раз приезжаете.
- Ну да, хорошая ягода.
- А что дерево у дороги растёт, не боитесь?
- А я с чистой стороны собираю. Оттуда вон какой свежий воздух идёт.

Машины то и дело проезжают мимо них, вдыхают кислород – тот, что тянется из леса, и выдыхают свой газ. Выдоха много, но лето к полудню переполнено не им, а чем-то другим. Какой-то жизнью, которая своей полнотой обездвиживает. Жизни очень много, и потому долго она существовать не сможет. Вот уже – одно дерево слегка машет верхушкой, как будто прощается.

Миша наблюдает, как она достаёт из рюкзака литровую бутылку без этикетки. Кажется, в неё много раз заливалась не успевшая остыть вода из чайника.

— Да-а, чувствую, суждено этому пластику разложиться прямо в рюкзаке, – подшучивает он.

— Не смешно, – почему-то обижается Наташа.

Собрав половину контейнера, они сиротливо садятся на клочок тени, прислонившись к дереву.

— Странно всё-таки, почему дерево плодоносит, если оно одно? – спрашивает Наташа. – У каждой облепихи свой пол есть. Плодоносят только девочки. Если рядом стоит дерево-мальчик.

Миша тут же встаёт и уходит на поиски. Сначала шагает в сторону леса, но лес подозрительно далеко, и он останавливается, смотрит назад. Может, мальчик прячется по ту сторону дороги, за лесополосой? И пыльца каким-то чудом перелетает, не рассеиваясь в потоке машин?

— Куда, куда? – кричит Наташа.

Он идёт за своей догадкой и молчит, пока, действительно, не находит дерево по ту сторону дороги. Наташа бежит на его голос, проходит через лесополосу и видит похлопывающего по облепихе Мишу.

— Мужик! Вот это я понимаю! Через такое расстояние опылил! Я вот что думаю – надо их женить. Нехорошо это. Столько лет любят друг друга, а всё не как у людей.

Миша идёт на дорогу и встаёт по центру.

— Дурак! – пугается Наташа, оставшаяся у обочины.

Он раскидывает руки как на распятии и, недолго думая, начинает церемонию:

— Душа есть у каждого существа. У человека, у божьей коровки и у дерева, конечно, тоже. Иначе не росли бы на нём ягоды. А душе нехорошо жить в грехе.

— Машина! – кричит Наташа, но Миша не двигается.

— Эй! Жить надоело? — злится машина и проносится мимо.

— И чтобы плоды вашей любви были вкусными и полезными, то есть угодными человеку, объявляю вас мужем и женой. Можете опылиться.

Наташа не понимает, относятся ли хоть как-то его слова к ней. Не для деревьев же, в самом деле, эта церемония? Или они относятся к любой — незнакомой и первой попавшейся девушке. Она просит ещё раз посмотреть свою фотографию. Миша показывает, и она видит и мех, и крылья, и свою малenькость.

— Как хорошо вы меня пчёлкой засняли.

— Я художником хотел стать. Но не стал. Поздно уже.

Она хмыкнула.

— Смешно, да? Ну да, мне самому смешно.

— Нет, просто, это то же самое, что быть поэтом. Из прошлого века что ли. Нет таких профессий. А если серьёзно, то как же поздно, вам наверно и сорока нет.

— Нету. Но может и не будет.

Она трижды делает «тьфу» через левое плечо всерьёз и как следует.

«Бззз», — говорит ему строго в самое ухо, чтобы прекратил говорить печальную ерунду. Он улыбается, кладет контейнер на траву и, наиграно нахмурившись, оглядывается, отыскивая пчелу и хлопая то тут, то там ладошками. Хлопает у носа Наташи, она взвизгивает и мчится в сторону леса.

— Я медведь! Догоню-юууу, — завывает Миша, нагоняя пчелу. Пчела, понимая, что медведь уступает ей в скорости, а улететь и остаться в одиночестве не хочется, замедляет бег и даже тяжело дышит. Медведю удаётся сделать широкий прыжок и оказаться перед лицом пчелы.

— Бу! — поднимает вверх он когтистые лапы.

— Я кусачая пчела, — кричит пчела и замирает.

— Ну, кусай, раз кусачая, — смеётся медведь.

Пчела в нерешительности ищет место, куда можно куснуть, но опускает глаза и говорит:

— Мне мёд пора собирать, не до тебя, — разводит руками, поворачивается и возвращается к облeпихе. Он закуривает и идёт следом.

Миша смотрит на неё, на небо и думает, что умел бы он хорошо рисовать, то нарисовал бы эту придорожную облeпиху. Мольберт поставил бы с той стороны дороги, где растёт дерево-мальчик. На первом плане изобразил машины, но маленькие, будто игрушечные, однако немного скрывающие эту поляну. Пусть она будет вся в жёлтых одуванчиках. А облeпиха в оранжевых крапинках ягод и, наоборот, большая, по центру картины. И прислонившись к ней, сидит Наташа.

Он говорит ей об этом. Наташа просит нарисовать и его рядом с ней. Миша отвечает, что не может, он ведь художник и стоит по ту сторону

с полотном. «Но ты голову поворачиваешь и обязательно смотришь на меня», – предлагает Миша и дотрагивается до её плеча.

Они снова возвращаются к сбору. Наташа толкает его под тень ветвей.

– А то случится солнечный удар, а мы ещё не всё собрали.

– Чтобы Наташа весь год пироги ела, я готов и солнечный удар получить.

– А испеку, придешь в гости?

Миша отвечает не сразу и вкрадчиво:

– Спасибо.

Он думает, что можно предложить ещё раз встретиться пособирать облепиху, но совершенно ясно, что следующая встреча испортит сегодняшний день, а дня лучше у него наверно не будет.

– Где ты работаешь? Я тебя, кажется, не видел в городе, – спрашивает Миша.

– А, таких, как я, не видно. В больнице санитаркой. Сначала маме помогала, а потом мама умерла, и мне уже ничего не хотелось.

– Ты заканчивай это – нельзя так о себе говорить. Красивая, умная девушка. И на тебе. Нехорошо.

– Ладно-ладно.

– Мама давно умерла?

– Семь лет назад.

– У-ух. И тебе до сих пор её не хватает?

Она кивает. Миша, склонив голову на бок, внимательно смотрит на Наташу. Она ощущает, как он сочувственно касается её пчелиной души. Но не понимает, почему не находит для неё ни единого слова.

Они молча заполняют оставшееся в контейнере место. И вдруг замечают, что стало прохладно. Со стороны леса набежал ветер и кружится теперь рядом. Поднимая пыльцу, бездумно растрчивает её по дугу, хотя она нужна здесь – им и облепихе.

– Парам-парам-пам, всё! – смотря на дорогу, вдруг протягивает Миша концовку из Ералаша.

Наташа следует за Мишиным взглядом и понимает, что он имеет в виду не ветер – у его машины останавливается такси. Оттуда выскакивает женщина, кидается на подходящего к ней Мишу и о чём-то рыдает. Хлопает его, как будто проверяя, в целостности он или нет. Такси уезжает, и они подходят к дереву.

– Прощу знакомиться. Эта хорошая девушка с облепихой – Наташа. А это Лера, моя верная супруга.

Все трое понимают, что нужно возвращаться в город. Ягоды собраны, контейнер полон. Наташу уговаривают ехать вместе, крепят велосипед на крышу, хлопают дверями автомобиля и... Никому не нужная облепиха

исчезает, а они вливаются в общее движение машин, становясь частью обыденного.

Жена, забываясь, ругает Мишу, не обращая внимания на девушку. Ругает как блудного сына – с радостью от его возвращения.

– Сколько бутылок ты с собой взял? Звонила соседке, она говорит, кричу у калитки – не отвечают, стучу в дверь – тихо. А ты здесь! Ягоды собираешь! Хоть бы трубку взял, я ведь думаю – всё. Мне ведь тоже тяжело!

Миша поднимает вверх палец и многозначительно смотрит на жену. Она машет на него рукой и вздыхает. Он вдруг обнаруживает упаковку «Энзалутамида» в подстаканнике, тут же убирает её и бросает себе под ноги. После оборачивается и показывает Наташе гримасу.

– Шут гороховый. На дорогу смотри, – говорит жена. И Наташе кажется, что Лера не ревнует и даже рада видеть её здесь, рядом со своим мужем.

Машина подъезжает к городу. Миша догадывается, что девушка живёт в так называемом хуторе – районе на окраине, со старыми домами и маленькими комнатами. Следом ему приходит в голову мысль оставить ей что-нибудь в завещании. Но он тут же её отгоняет как что-то глупое и неловкое. Наташа выходит, куда-то в сторону тихо говорит «бзз», и машина уезжает.

Она заходит в квартиру, похожую на маленькую пчелиную соту, и вдруг понимает – а ведь не может быть так, как на Мишиной картине. Чтобы жёлтые одуванчики и оранжевая облепиха. Одуванчики в мае цветут. А облепиха – вот она, сейчас. В августе. Наташа достаёт из рюкзака контейнер и высыпает всю облепиху на стол. Берёт небольшую горсть, глубоко вдыхает её запах и бережно касается губами каждой ягоды.

Михаил Анатольевич Зверев – председатель экспертного совета и один из создателей литературного фестиваля-форума «Капитан Грэй».

Родился 1 января 1956 года в городе Пензе. В 1978 году окончил Высшее Военно-морское инженерное училище им. В. И. Ленина в Пушкине. Службу начинал на Балтийском флоте, на крейсере “Комсомолец”, затем служил на эсминце “Современный” и в штабе Эскадры надводных кораблей Северного флота. Участник дальних морских походов. Капитан 2 ранга запаса.

Автор восьми поэтических книг.

Член союза писателей России с 2008 года.

Живёт в Санкт-Петербурге.

* * *

Смотрю назад, всё было, как вчера,
Хоть за кормою лет и миль немало,
Но... тихие бывают, вечера...
И вот... стою у первого причала...
Мы были молоды, шутили не смешно
Про море с берега, корабль на картинке,
Про службу, как в романах и кино
С любовью где-то там, посерединке,
Между парадами, наградами... А жизнь...
Бросала, будто шторм девятибалльный
И если не удержишься – молись!
А удержаться было не реально.
Мы удержались! И сейчас мы есть!
Хлебнув солёного с горчинкой полной ложкой,
Не растеряли совесть, ум и честь!
Жизнь не журнальчик с глянцевою обложкой.
Сегодня наше море не штормит
И, если честно, не качает даже –
Хороший сон, вполне налажен быт,
Чист горизонт, спокойно, как на пляже.
Но память – вещь упрямая, она,
На палубу частенько возвращая,
То в кубрик заведёт, а то – в трюма,
То просто в море без конца и края.
Глаза закрою – было всё вчера...
От вахты до тревоги и аврала –
Такая вот «занятная игра» –
От седины до первого причала.

ВИД ИЗ ОКНА

Комната с видом на город...
Милый пейзаж за окном,
Он мне привычен и дорог,
Каждой тропинкой знаком.
Каждая ветка на склоне
Машет приветливо мне...
Североморск на ладони –
Как на экране – в окне!
И на экране, как будто,
В майское небо летят

Яркие брызги салюта!
Словно напомнить хотят
Залпы салюта Победы –
Памятный май со слезой...
В вечном строю наши деды
Низкий поклон им земной!
Искры салюта взлетают,
Светлым огнём озарив
Небо над всем Заполярьем,
Город и Кольский залив!
Ирине
В гостях на Севере... Там много лет был дом.
Но дни и годы мчатся чередом...
Теперь – в гостях. Хотя немного странно,
Мы повидали много мест и стран... Но!
Не разлюбили северный пейзаж!
Он в кровь впитался, он навеки наш!
Там добрые друзья и часть семьи.
Там молодость – стальные корабли!
Походы, вахты, море. И любовь!
Тот, самый крепкий, брошенный швартов –
Швартов Судьбы! Там берег наш родной.
Суровый, каменистый... Твой и мой!
На север – в гости. Катится вагон.
Привычно встретит мурманский перрон
И пропоёт, как любит Заполярье,
С прибытием бродягу поздравляя,
Вокзал до слёз знакомый и до боли.
И я скажу ему, как другу: здравствуй что ли.

ПЛЯЖ НА ОСТРОВЕ РОДОС

На море штиль. Чуть плещется накат.
Пляж – просто «супер»! Воздух сладковат
И шелест гальки слышится слегка.
Всё это музыка в душе у моряка.
У моряка есть разные моря.
Не каждый видит море с корабля!
Не та вода, волна, не тот бурун.
Не так коснётся ветер тонких струн
Морской души и сердца моряка.
Да, эта лирика загадочно-тонка...

Вот лунная дорожка нас ведёт
От борта к дому...
А наоборот?
От пляжа в бесконечность, в пустоту,
Туда, за горизонт! За ту черту,
Где то ли небо, то ли край земли...
Но, там живут стальные корабли!
Дорожка лунная от берега ведёт
В моряцкий дом. Поднимемся на борт?
Привычно палуба качнётся под ногой.
В каюте, пусть тревожный, но покой.

БАЛТИЙСКИЙ БЕРЕГ

Песок, вода и город на волне,
И голосок буксира... Что он мне
Сигналит там? Кричит издалека...
Бранит меня – бродягу-моряка,
Корит за берег, за изысканный костюм.
В таком костюме кто ж полезет в трюм?..
Балтийская волна. Шуршит накат
И сосны за спиной моей шумят,
И тихий вечер. И сплошной покой –
Дом отдыха...
Что случилось со мной?!
Где ветер в вантах, музыка команд?!
Дом отдыха – хороший вариант...
Но там, в морях, другой, кипучий мир!
Ну, пусть не крейсер, не эсминец, а буксир...
Но если бросят мне сигнальный фал,
Да так, чтоб я рукой его достал,
Вцеплюсь, как будто в свой последний шанс.
И уплыву от отдыха, от вас,
Рвану саженками в одежде – к кораблю!
А что костюм? Костюм другой куплю!

Илья Валерьевич Оленев – эксперт литературного форума-фестиваля «Капитан Грэй». Поэт, музыкант, бард. Член творческого объединения «Заозёрная школа», учитель русского языка и литературы. Выпустил четыре диска: «Любовь и пряники № 2», «В ожидании Мефистофеля», «Зима Будет Долгой», «Радости ради». В 2015 году вышла книга стихов «Письма», в 2017 книга «Радости ради» с аудиозаписью альбома. Лауреат и дважды дипломант фестиваля им. В. Грушина, лауреат международного фестиваля «Соловьиная трель», обладатель Гран-при поэтического фестиваля «Ростовское время», лауреат литературной премии им. А. Грина, член жюри международных и всероссийских фестивалей авторской песни.

АНДРЮШКА

Три недели не капли дождя,
Гонит пыль суховей по дорогам.
Ничего не возьмёшь, уходя –
Всё равно пропадёшь на краю.
Вот Андрюша берёт карандаш
И рисует послание Богу,
Он рисует огромный шалаш
И под крышей из веток семью.

Ненадёжное это жильё,
Но Андрюша об этом не знает.
Он настойчиво чертит своё
И не спрашивает почему
Почему уже нет больше сил,
И откуда опять прилетает.
Он у Бога однажды спросил,
Только Бог не ответил ему.

Может это такая игра:
Злой волшебник стреляет из пушки.

ОТЦУ

На рыбалке опять потеряли удочки и утопили лодку.
По пути домой собирали грибы и напугали волка.
А потом заплутали, смеялись, орали так, что сорвали глотку
И под вечер хмельные вышли на огни своего поселка.

Это было такое количество лет назад, что боишься вспомнить.
И все чаще порою уходишь в себя, словно в сновиденье.
В наливайке унылая тетка, не глядя, плеснет раза два по сто мне.
Я, уткнувшись в стакан, замолчу и заплачу в твой день рождения.

МОЛОКО

Оставишь ли, Господи, в этих дремучих лесах,
Где бурый хозяин сидит под ногами, как пёс?
Где каждое утро к порогу приходит лиса
И пьёт молоко, и смеётся до слез.

Здесь важный сохатый несёт горделиво рога
И гать непролазна, под сумерки – пар от земли.
Река молчалива и скорбны её берега,
Но тронется лёд и пойдут корабли.

Пусть ангелы плачут,
Старухи судачат,
Что молодость трачу
На слёзы и крик.

И вместо ответа –
Холодное лето
И участь поэта,
К которой привык.

Избавишь ли, Господи, от неразумных идей.
Мне каждое слово даётся с огромным трудом.
Я жалости к людям не ведаю, зная людей.
Я знаю, что есть и что будет потом.

Поэтому, Боже мой, дай мне остаться в лесу.
Приглядывай изредка – в сущности, это легко.
Я буду стоять на пороге, встречая лису,
Смеяться до слез, наливать молоко.

И в этом нет счастья,
И правда отчасти.
Даров и причастий
Достоин иль нет?

И вместо ответа –
Холодное лето
И участь поэта.
И сам не поэт...

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Прохутились башмаки
В зиму.
Закольцованной реки
Мимо,
Вдоль нехоженных болот
В просинь
Спотыкается, бредет
Осень.
Я скажу тебе, Сестра,
Здравствуй.
Это страшная игра

В красный...
Здесь багровый на ветвях
Иней
И у смерти на устах
Имя.
Очень сложно кочевой
Дуре
Не увлечься мировой
Бурей –
Вдоль дороги все, кто мне
Дорог.
Не кончается на дне
Порох.
Литератор на крови
Скачет,
И ребенок без любви
Плачет,
Если брат по роже бьет
Брата
И война огнем идет
В хату.
Здесь все, судя по всему,
Правы.
Мне такая ни к чему
Слава.
Я всем демонам скручу
Дулю
И в итоге получу
Пулю.
От того, что плохо пел
Сирым,
От того, что не скорбел
С миром,
Потому и не слышать
Слово
И приходится молчать
Снова.

* * *

Не печалься, отец, я такой же, как ты неудачник:
Четверть века терзаний и прочих ненужных сомнений.
Мне припомнилось нынче, как мы уезжали на дачу,
Покупали лопаты и саженцы разных растений.
Впрочем, больше сажали картошку – хорошее слово:
Аж во рту рассыпается. К ней бы лучок и селедку,
Но уж так повелось, что по осени снова и снова
Нас преследовал неурожай: пару вёдер на сотку.
Помню небо свинцовое, ветер промозглый в апреле,
Снег ещё не растаял и хлябью небесной
накрыло.
Ты стоял посреди огорода в парадной шинели –
Отставной офицер-огородник. Отец, это было...
Это было, отец, а теперь я вырастаю в землицу –
По колено в долгах и по шею в домашних заботах.
Через год или два ты совсем перестанешь мне снится.
Я забуду твой голос, а с ним словно важное что-то.
Не печалься, отец. Тишина. Только клёкот вороний.
Во дворе без тебя подрастает сладчайшая слива.
Я, как было начертано, взял и уехал в Воронеж,
Чтобы жить и не спиться, и стать наконец-то счастливым.

Игорь Георгиевич Панасенко – эксперт и секретарь литературного форума-фестиваля «Капитан Грэй». Родился в конце марта 1958 года в Хибинских тундрах.

По образованию – инженер-радиофизик, в жизни – программист. Работал в академическом институте, на государственной службе, в коммерческой фирме, в настоящее время – в Горном институте Кольского научного центра Российской академии наук.

Живет в Апатитах.

ТОСТ

*Веселие Руси есть пити.
приписывается Владимиру Красно Солнышко*

Потому что всегда неизбывна тоска под луной,
Мы вселенской печали навеки забытые дети.
Приходите, о други, отпраздновать вместе со мной
Наш единственный праздник веселья во мраке столетий.
Наливай! Эту чашу с живительной влагой внутри
Не по кругу пущу – в одиночку до дна опростаю.
Я сегодня хочу над земной суетой воспарить,
Отрешиться от быта и в звёздном эфире растаять.
Я достигну высот в постиженьи великих идей,
Я в искусствах свершусь, я избавлю от войн континенты
И, блажен от деяний, замру, восхищаясь своей
Богатырскою силой, и удалю, и интеллектом.
...По лазурным волнам неизменно корабль парусит
Из нигде в никуда, точек старта и цели не видя,
Потому что всегда неизбывна тоска на Руси
И единственно наше веселие – ворога бити.

ШЕСТОЙ ДЕНЬ ТВОРЕНИЯ

Слизываю с пальцев багряный сок,
Ягоды секунд раздавив в руке.
У меня в подъезде бомжатый бог
Обитает в бочке на чердаке.
Захожу к нему: «Может, чем помочь?
Или, может, мне дашь какой совет?»
Он меня ругает и гонит прочь –
Дескать, я ему заслоняю свет.
Он и впрямь горяч – на пути не стой, –
Но растратил, видно, былую прыть:
Всё никак не кончится день шестой,
Всё никак творенье не завершить.
Залетает в окна то дождь, то снег.
Горько кривит рот утомлённый бог.
Он и рад бы крикнуть «Се человек!»,
Да в задумке был небольшой подвох.
Зелена планета и голуба,
И узор прекрасен лесов и рек,
И разумных тварей вокруг – толпа...

Но не получается человек!
Только народится в каком из мест,
Чувствами богат и умом остёр –
Сразу же его волокут на крест,
В петлю, к стенке, в прорубь и на костёр.
Быть не как другие – смертельный грех.
Глядят непохожих топор и плеть.
Видимо, поэтому человек
Не укореняется на Земле.
Век идёт за веком – а всё как встарь.
Бесконечно тянется трудный день.
Бог вздыхает тяжело, берёт фонарь
И уходит в город – искать людей.

СТРАШИЛКА

*И слышится ей в шелесте листьев деревьев над головой
– «Ты останешься здесь навечно!»
тоже страшилка*

Бесогонский базар. Закорючки заборной латыни.
Тополиный снежок. Никчemuшная рябь полумер.
Ты останешься здесь. Не пытайся уехать в Калинин.
Этот рейс вне закона. Сто первый закрыт километр.
Нет цветущих садов за Садовыми кольцами ада.
Позолоту престола крышует чугунный Кинг-Конг.
Ты останешься здесь. Дождь размыл автобан на Саратов.
На Калужской заставе стоит «ОккупайРубикон».
Ты останешься здесь. Меркнут краски на ветхих полотнах.
Летописец латает истлевшего времени вязь.
Император, сутулясь, проходит застывшей Болотной
И приказ о расстреле войскам отдаёт, помолясь.
Бьют в упор по Кремлю заржавевшие пушки «Авроры».
Емельяновы клетки съезжаются к Чистым прудам.
Ты останешься здесь вечной стражей Дневного Дозора –
Скорыходов из Пизы ловить по горячим следам.
Тычет в небо иглой королевство дешёвых иллюзий.
Всё решится банально – картинкой в вечерних «Вестях».
Ты останешься здесь новой жертвой былых революций,
Безымянным приедем, пропавшим неделю спустя.

ПОПЫТКА К БЕГСТВУ

Текут громады лет
И строки восьмистиший
В чудное далеко
Истоптанной земли,
Где свет звезды полей,
Где аисты на крышах,
Где в облаке Марго
И в снеге журавли.
Зверь мчится на ловца –
Уже не отвертеться.
Нажитые рубли
Забили кляпом рот.
А скачке нет конца –
Лишь чуть прихватит сердце,
Когда мелькнёт вдали
Разбитый катафот.
Нелепый знак беды –
Фанера над Парижем.
Отметины разлук
У ветра на крыле.
И щурятся коты,
Как снайперы на крышах,
На сизую золу
Погаснувших полей.
Нет веры на земле.
Да, веры нет и выше,
Но есть – огни костров
На влажных берегах,
Марго на помеле,
Скрипач на ржавой крыше,
Зелёное перо,
Журавлик в облаках.

Денис Николаевич Домарёв – эксперт литературного форума-фестиваля «Капитан Грэй». Родился в 1982 году в Куйбышеве (ныне – Самара). Окончил филологический факультет Самарского государственного педагогического университета, работал журналистом, редактором.

Публиковался в журналах «Москва» (Москва), «Русское эхо» (Самара), «Луч» (Липецк), альманахах «Часовые памяти» (Москва), «Берега» (Оренбург, Саранск, Самара).

Член Союза писателей России, председатель Самарской областной организации молодых литераторов, организатор Всероссийского литературного фестиваля имени Михаила Анищенко.

* * *

Говорили мне америкосы:
Брось ты эту нищую страну.
Приезжай, дадим тебе бабосы.
Нам самим так много ни к чему.
Виллу, яхту, кадиллак подарим,
В жены топ-модель определим.
Нам такой, как ты, хороший парень
Среди нас, плохих, необходим.
Умный, молодой, амбициозный,
Будешь ты богат и знаменит.
Твой талант отточенный и острый
Среди нас духовность возродит.
Оттопытив самый средний палец,
Чуть шатаясь, я в ответ хрипел:
Негр, англичанин, аль германец –
Всех я вас на вертеле вертел.
А тем паче вас, америкосов,
С детства не могу переносить.
Есть вопросы? Если нет вопросов,
 Попрошу страну освободить.
Потому что здесь моя отчизна,
Потому что здесь мой дом родной.
Потому что половину жизни
Я провел под этою звездой.
Сколько бы годов мне ни осталось,
Пусть коротким будет счет годам,
Все сполна – и даже эту малость –
Жизнь свою – я Родине отдам.
Эх, Россея ты моя, Россея,
Край лесов, полей, лугов, дорог...
Кто тебя еще воспеть сумеет
Так, как автор этих дивных строк?
Да никто. Осталась на распутье.
Никому Россия ни нужна.
Если бы не я и В. В. Путин
Кончилась, пропала бы страна.

Все распродали задарма,
Остались сами с голым задом,
Такая вот у нас страна –
Взглянуть боишься трезвым взглядом.
У все одно – где денег взять.
У каждого – свои заботы.
Всем на Россию наплевать.
Лишь я и Путин патриоты.

Веточка рябины
Стукнула в окно.
А твоя девчонка
Пьет с другим вино.
На его коленях
Пьяная сидит.
Веточка рябины
В форточку стучит.
Травка зеленеет,
Солнышко встает.
А твоя девчонка
Не с тобою пьет.
Что ж, смиришь и с этим.
Все – лишь сладкий дым.
Не один на свете
Ты теперь один.
Не ходи понуро,
Не гляди в окно.
Веточка рябины
Сломана давно.

Конечно же, ты вышла замуж.
Шептал себе я: да уж... да уж...
И был расстроен я.

Поскольку было воскресенье
Купил, отбросив все сомненья,
Для настроения.

Сперва казалось все постылым,
Был голос радио унылым.
Повсюду падал дождь.

Но вот: одна, вторая, третья.
И тучи разгоняет ветер,
И все, что в прошлом – ложь!

Да, ты ушла, ты не любила,
Любила ты того дебила,
Что делать мне? Жалеть!

Да если б я с тобой остался,
То я б по полной нахлебался!
А так – всего на треть.

Теперь качаешь ты ребёнка,
Похоже, нашего ребёнка.
Но это, чур, молчок.

И он смеется очень звонко,
Как я, смеется очень звонко.
А муж твой – дурачок.

Что будет дальше? Будешь дальше.
Ты молода, он станет старше.
Но жить продолжишь с ним.

Ведь есть: гараж, квартира, совесть.
В контакте лайкаю я новость:
Беременна вторым.

Все было. Было. Было. Было.
Все изменилось. Изменило
Мне время. Как и ты.

Я протрезвел. И все постыло.
Вещает радио уныло
В пространстве пустоты.

ПИСЬМО СЕБЕ

Пишу тебе, мой лучший друг,
Мой светлый человек.
Когда все рушится вокруг
И быстротечен век.

Когда уже не разобрать,
Кто свой, а кто чужой,
Когда так трудно признавать,
Что ты совсем большой.

Когда вокруг то дождь, то ложь.
Когда пугает ВОЗ,
Что ты, как многие, умрешь.
А жил ли – вот вопрос.

Когда сомнения и страх
Накрыли города,
У патриарха на часах
Все ближе час суда...

Пишу тебе в 30-й год,
Чтоб убедиться в том,
Что друг мой счастливо живет,
Что есть и кот, и дом.

Что у тебя все хорошо –
Не переубеждай.
Что наконец-то ты нашел
Свой персональный рай.

И все, что я задумал тут
Осуществил, как есть.
А если ты там умер вдруг,
То я воскресну здесь.

Трусов Владимир Владимирович – эксперт литературного форума-фестиваля «Капитан Грэй». Поэт, прозаик, критик, публицист, автор-исполнитель, член Союза писателей России. Родился в 1965-м в Воркуте.

В 1988 г. окончил Ленинградский «Военмех», с 1993 года – в Мончегорске. Двадцать лет отработал на производстве, затем трудился тележурналистом и корреспондентом городских и корпоративных газет. С 2017 года – заведомом критики и литературоведения журнала «Приокские зори» (Тула, удаленно). Автор восьми книг стихов и прозы, а также альбома «Песни без сожалений». Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова (2017), нескольких всероссийских и международных фестивалей авторской и патриотической песни. Возглавляет мончегорский «Цех изящной словесности» и оргкомитет фестиваля авторской песни и поэзии «Дни В. Высоцкого на Кольской земле».

* * *

Всей богеме, за кордон свалившей,
Следует сказать спокойно вслед:
— Коли вам Россия стала лишней,
И для вас в России места нет,

Оставайтесь там, куда рванули,
В «звёздочных» отелях у морей,
Чтобы здесь вас впредь не помянули,
И забыли напрочь поскорей.

Побирайтесь, ведь чего иного
Кто же вам позволит повернуть!
Кайтесь – дескать, русские, виновны...
Только вы не русские, отнюдь...

Землю себе выбрали другую?
Там и околеете гурьбой.
Родиной, известно, не торгуют.
Вам осталось торговать собой

И душонкой, что грязнее грязи,
Навсегда утратившим лицо.
И назад не помышляйте, мрази,
Вы для нас мертвее мертвецов.

Слышите? И ладно! Брошен жребий.
Рубикон остался за спиной.
Славно, что подобному отребью
Не бывать с народом и страной.

* * *

Ну, вот, соколики, приехали.
Отставших, безусловно, жаль...
А не считавшимся с помехами –
Делить по чести урожай
Плодов публичного признания.
Да не составит впредь труда
Держать в узде воспоминания...
Кого взволнует ерунда
Навроде слякотного дождика

Санкционированных слёз
О скотской участи художника
В краю белеющих берёз,
О чьём-то чуть ли не распятии
И поражении в правах...
Возможно, плакальщики спятели,
Таких послушать – дело швах
На веки вечные! Угодно ли
Теням поклоны бить сейчас
И, упиваячись невзгодами,
Ничуть не тронувшими вас,
Играть в большое сострадание?
Когда бы публика ещё
На всё былое, стародавнее,
Не плюнула через плечо,
Висок посверливая пальцем –
Мол, что с убогих-то возьмешь?!
Им, неприкаянным скитальцам,
Среди холопов и вельмож
В любые времена нет места
И успокоиться невмочь.
От них не то, чтобы и тесно,
Но ведь клубятся день и ночь
И тарахтят о чём попало,
Заслышав отдалённый звон...
Жизнь всех порядком потрепала.
Крамола давешних времён –
Отрава крепкая, не каждый
Справлялся с ней, хлебнув едва.
У вовсе не страдавших жаждой
И то гудела голова
От разночинских уложений
Насчёт кому, чего, куда.
Мы знали столько поражений
В те недалёкие года,
Что ненавидеть было впору
Самих себя и всё вокруг.
Дорога в яму шла, не в гору,
Иную отыскать не вдруг
Нас угораздило, но веру
Сердцам вернула память вновь,

А равно истинную меру
Происходящего. Любовь
Суметь всему считать основой
Немногим удалось пока.
Сие залог эпохи новой,
Она грядёт наверняка,
Чего бы супротив не ныли
Прогнозов кислых мастера.
И громко сетующим ныне
Усвоить бы уже пора:
Да, всё-таки, ей Богу, стоило
Чужим не кланяться ветрам.
Обыкновенная история –
Она для зарубежных стран.
Пусть нам природа не пографила,
И фатум вновь неумолим.
И пусть наука география
Страшнее прочих дисциплин.

ДИПТИХ

I

Новое время огульно хулить не след:
Мы его сами слепили таким как есть.
Жаль только – вкус свой прежний утратил хлеб...
Что ж, по заслугам, наверное, нам и честь:

Жить суррогатами прошлого, раскрошив,
Точно горбушку, злой, театральный плач.
Дескать, хлебнём, господа, за помин души,
Во оправдание времени неудач,
Издавна поодержанных, но теперь
Вновь возводимых в свершения. О цене
Упоминается походя. Верь – не верь,
Официально выглядит всё вполне

Благопристойно. Пафоса рты полны
У обещающих счастье для всех гуртом.
Но ведь и души пророков, увы, темны.
И осеняющим всеу себя крестом

Верить – себе дороже. Парад святош
Стал атмосферным явлением. Ври – не ври,
Нужный итог предусмотрен. Чего ты ждёшь?
Новая жизнь стартует по счёту «три».

II

Племя младое, молодость – не порок,
Хаять, чуть что случись, и вообще не стоило.
Это ведь наши дети, какой с нас прок,
Если мы их не смогли воспитать достойно?

Наша – а чья же, скажите – ещё вина,
В том, что для поросли, якобы лучезарной,
Истинам вечным рыночная цена –
Пшик, да и то, коли выдался день базарный.

Пусть не для всех, ну, а головы набекрень
Ежели у кого-то из них, – так что же?
Или с такими нам и возиться лень?
Или прикажете начисто уничтожить

Инакомыслие? Даже галиматья
Корень имеет некий, причину то есть.
Каждый детёныш – это особь статья,
Не соизволим нянькаться с ним на совесть –

Вновь неизбежно упустим. Ну, а потом
Глотки опять надсадим в негодовании,
Только отнюдь не праведном. Сбавьте тон
Менторский, ибо нет у нас основания

На запоздалую отповедь. Вот себя
Отлущевать бы следовало с пристрастием.
Мы же, о собственной праведности трубя,
Кроем всю бунтарей сопливых...но «здрасьте вам» –

ЮРИЙ ТАТАРЕНКО

Юрий Анатольевич Татаренко – эксперт литературного форума-фестиваля «Капитан Грэй». Поэт, прозаик, переводчик, драматург, критик. Родился в 1973 году в Новосибирске. Член Союза писателей России. Лауреат всероссийских и международных литературных конкурсов и фестивалей в Москве, Одессе, Симферополе, Ярославле, Калининграде, Санкт-Петербурге, Кирове, Томске, Туле, Мурманске, Полоцке, Льеже. Автор 9 книг стихов.

* * *

А что у нас с тобой?
Наверное, рассвет.
Предчувствие дождя.
Креветки-трехминутки.
Бокал бокалу брат.
И от помады след
Не просится в стихи
Уже вторые сутки...
Прекрасен, как всегда,
Заваренный «Ахмад».
И строчки облаков –
Без проблеска таланта.
А что у нас с тобой?
Наверное, Арбат.
Про Лиговский проспект
Ему ни слова, ладно?

ЗАОЧНИКИ

Как страшен дождь...
Страшнее только жизнь.
По четвергам
С шести до полседьмого.
Соседской койки жуткий скрип пружин –
Как крики птиц, летящих на зимовку.
Не все вернутся в отчие дома.
Не все дома своих жильцов дождутся.
Сойти на нет. Потом сойти с ума.
И долго думать: сдать или сдать.
Воздушный шарик спит под потолком.
А мне не спится. Холодно в общаге.
И «Доширак» ошпарен кипятком –
И еле слышно молит о пощаде.

ДЕТАЛИ

Брошена куртка –
И прямо на обувь в прихожей.
Видно, хозяйка была не в себе
Сто пудов –
Странно, зигзагами шла,
Удивляя прохожих...

Вот и сценарий короткого метра
Готов.
Теплой водой
Заполняется белая ванна.
Черная куртка
Не вызовет на дом врача.
Двери закрыты.
И все остальное неважно
Куртке на кнопках
С чужого, мужского плеча.

ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ

Ровно сутки пути не на скором.
Пассажирском? Да вроде того...
У земли за румяным забором
Не с закатом – с дорогой родство.
А ты ищешь родства с облаками
За слегка дребезжащим окном.
И разводит попутчик руками:
Извини, не запасся вином...
Отдаляется поезд от Крыма,
Приближается к звездной родне.
И зачем-то тушенка открыта.
А гляди-ка – осталось на дне...
Се ля жизнь. Аритмией задорной
Недоволен купейный ковер –
И мальчишка с трубою подзорной
Утаил, у кого ее спер.
Налюбуешься небом весенним,
Громко скажешь: «Пора на покой».
И не ясно, как в песне, соседям,
Почему я весомый такой.

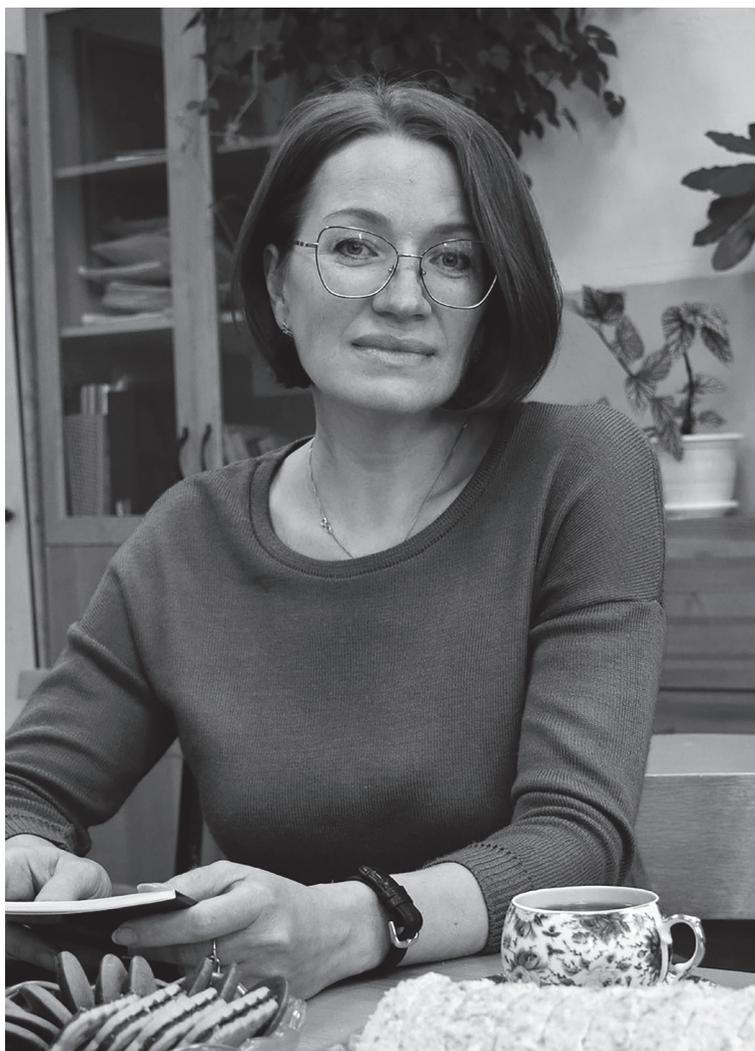
ПЕРВЫЙ СНЕГ

Гражданином зимы
В понедельник незрячий
Ощутишь, если лоб
Припечатать к стеклу.
Накануне считал себя
Списанной клячей
В ожидании

Шороха мыши в углу.
Документ на руках,
Но не вписано имя.
Фотографию вклеить –
Нет смысла и лень.
Паспортистке
На память останется иней.
Над кроватью
Пасется красавец-олень.
Как же хочется лета
И рук обнаженных,
Перекрывших, допустим,
Созвездье Стрельца,
И минуты,
Когда недозрелый крыжовник
На ладони моей
Тяжелее свинца...

СЛОМАННАЯ ЖИЗНЬ

Пять лет пацаненку – пора
Отвагой девчонок шокировать!
Растит чемпионов двора
Село небольшое башкирское.
Сосед мой, горбун Абдулла,
Отбегал свое за невестами...
Спрошу на бегу, как дела –
Бутылку поднимет, приветствуя.
Живет – ни пилы, ни метлы,
Лопаты нет самой затасканной!
Калитка во двор Абдуллы
Закрыта на клюшку вратарскую.
«Подохну – дай знать, не забудь,
Антону Слышко из Барабинска...»
Во рту – полусгнившая жуть.
На клюшке зато – ни царпинки.
Сидит Абдулла у окна.
Суббота. Не выпить – нет повода.
И желтая в небе луна –
Точь-в-точь олимпийское золото.

ОЛЬГА БЕСПАЛОВА

Ольга Владимировна Беспалова – лауреат XII литературного форума-фестиваля “Капитан Грэй”. Живет в с. Холмогоры Архангельской области. Преподает в школе. Автор трёх поэтических сборников. Участница 3-го и 4-го ежегодного Всероссийского совещания молодых литераторов в МГИК и семинара в Химках (2020). Лауреат форума-фестиваля «Капитан Грэй», проводимого в рамках всероссийского Межвузовского литературного форума им. Н. С. Гумилёва «Осиянное слово» (2021).

СЕРДЦЕ

Этой весной я поняла,
что у меня внутри,
чуть левее от центра,
есть беспокойное сердце.
Слишком уж сильно
ежесекундно любит оно
всё, что его окружает.

Думаю я:
если болит – хорошо:
значит оно там есть –
плохо, что такое неосторожное.

Но другого не будет.
Вот и держусь за это.

* * *

Да, я не знаю правды обо всём,
но знаю:
власть
всегда найдёт причину
забрать свободу,
дом,
дитя,
мужчину
и оправдать себя –
всегда –
потом,

Сказать:
“Так надо будущего для,
сейчас терпи
и делай, как велели”.
И я, не понимающая цели,
молчу,
как безответная земля,

и думаю:
не мучайте меня
безумием и ужасом событий –

мне матерью,
мне родиною быть
и
любить всех вас,
спасая от огня.

* * *

— Мама, самолётики летят.
Мама, самолётики большие.
— Тише, детка, вороги хотят
Высмотреть, где есть ещё живые.

— Мама, танки едут по полям.
Мама, танки рыкают сердито.
— Тише, детка, надо им, врагам,
Вызвать, сколько наших не убито.

— Мама, там солдатики идут.
Мама, а кресты у них паучьи.
— Тише, детка, если нас найдут...

Господи, спаси от чёрной тучи.
Господи, они идут сквозь сад –
Руки окровавлены по плечи...
— Мама, слышишь, что-то говорят,
Мама, говорят... по-человечьи.

ПИСЬМО

Сегодня здесь полегче, чем вчера:
Не так темно (мы свечку отыскали),
Воды ещё осталось полведра,
Вернулся кот соседки бабы Вали.

Он ранен в лапу. Плачет, не даёт
Забинтовать, на трёх, но ковыляет
И у порога бабу Валю ждёт.
Её убили. Он про то не знает.

Вчера светило солнце. Во дворе
От снега у крыльца, наверно, лужа,
А мы сидели в этой конуре
И слушали, как самолёты кружат.

Я, Боженька, наверно, слишком мал,
Чтоб понимать чего-то в важном деле,
Но сделай так, чтоб котик не хромал
И чтобы дом не рухнул при обстреле.

БЕЛЫЙ ИЮНЬ 22-ГО

Мы все навывлет ранены весной,
Лавинно перетёкшей в это лето.
И вот – июнь, похожий на поэта
С перегоревшей горькою душой.

Тревожно ночью бредит березняк,
И где-то над рекою чайка стонет...
Увидеть свет на этом белом фоне
Пытаюсь я.
Но не могу никак.

* * *

Если вокруг и холодно,
и темно,
рвусь напролом на тёплый,
зовущий свет,
но между ним и мной
слишком много “но”:
линий прямых у Бога,
похоже,
нет.

ПОЛИНА ОРЫНЯНСКАЯ

Полина Валерьевна Орынянская – лауреат XII литературного форума-фестиваля “Капитан Грэй”. Родилась и живёт в подмосковной Балашихе. В 1992 году закончила журфак МГУ. Работает в издательском доме «ИМ-Медиа», главный редактор журналов исторической и научно-популярной серии «Наша история», «Все загадки мира», «Архивы XX века». Автор четырех поэтических книг. Лауреат первой премии «Поэт года» за 2015 год в номинации «Дебют».

ДО КАЛЕНДАРНОГО СВИСТКА

Дожди рождаются ночами,
когда июль ещё хорош.
И ты не чувствуешь вначале
их пробирающую дрожь.

Они приходят не снаружи,
а просыпаются внутри.
Но ты не знаешь, что простужен,
то прорастают ноябри

тебе до осени, задолго
до календарного свистка —
росой в траве, луны осколком...
Вот так и я, глупа, легка,

иду по августам босая,
не зная, что иду ко дну,
и до сих пор жуков спасаю,
на лапы их перевернув.

СЕНТЯБРЬ В КОКТЕБЕЛЕ

А.

Я без тебя скучна, как прелый лист.
Не исчезай, не уезжай надолго.
Всё врут — от расставаний мало толка.
Остановись.

Давай по коньячку возьмём опять —
по соточке, чтоб после не тревожить
покой, лежащий бликами на коже,
и мальчика напрасно не гонять.

Молчи, болтай, прищурив жёлтый глаз.
Скорми коту пол-радужной форели.
Какой сентябрь сегодня в Коктебеле!
Всё из-за нас.

Ну, на кого оставить этот люд?
Тоска, тоска... Ты посмотри — Волошин
угрюмо в море бороду полощет,
космат и лют.

Твой самолёт – сомнительный предлог.
Но, как всегда, иного нет в итоге.
Да что теперь. Храни тебя в дороге
куриный бог.

* * *

Пятидесятый день войны.
Весна. В лесу подсохла слякоть...
Поверишь, я теперь заплакать
могу, скорей, от тишины,

в которой и намёка нет
на страх, и слабость, и сомнение –
из года в год и тыщи лет
живое тянется на свет
из зимней тени.

Когда бы Ты меня спросил,
когда б ответить было право...
Дай мне терпения и сил –
таких, как этим зябким травам.

Елизавета Юрьевна Клейн – лауреат XII литературного форума-фестиваля “Капитан Грэй”. Родилась в Ленинграде, выросла и живет в Петербурге, воспитывает двух дочерей.

Участница Северо-Западной конференции молодых писателей в 2018 году в Петербурге, семинаров “Химки” и “Осиянное слово”. Печаталась в сборниках: “Поэтому-2008”, сборниках издательства “Перископ” (“Моторы”, “Антология русской литературы XXI века”, “II международная премия Перископ-2018”), сборниках “Звучащие строфы Петербурга”, “Мы ищем таланты”, “Рифмы Петербурга”, “В контакте с планетой”, “и других. Работает корреспондентом в электронном издании ICT-Online.ru

* * *

Тени сгущаются, брезжится звёздной пылью
Смертное, глупое “надо, чтоб нас любили”.
В этой бессильной требе, за жаждой света
Боли так много, что хватит залить планету.

Всякий готов вложить свой свечной огарок,
Чтобы стоваттную лампочку взять задаром.
Свой, еле пашущий, сердца светодиодик
Каждый считает солнцем или навроде.

Или не каждый? Если копнуть поглубже,
Что в глубине сумею я обнаружить?
Сколько таких, кто дарит себя без меры,
Вспышкой сгорает, став для других примером?

Сколько из них реально других согрели,
Сколько ослепло, обожено – на деле?
Это другое, – скажут они, – другое.
Наше же дело правое, молодое.

Мы для других горим, зажигаем души...
Мы умираем за то, чтобы стало лучше.
Лучше не будет – в этом уж мне поверьте –
Ни от моей, ни от их, ни от вашей смерти.

Искру тепла отыщу, защищу, раздую –
Злую, голодную, огненную, живую.
Искорки этой секрет – для меня образчик:
Из смертоносной делать животворящей.

* * *

Хорошо быть пофигистом,
Хорошо быть оптимистом,
Хорошо быть нигилистом –
Всё на свете отрицать:
Отрицать дожди и лужи,
Отрицать, что отдых нужен,
Завтрак отрицать и ужин –
Это ж просто благодать!

Утром отрицать будильник,
Отрицая холодильник,
Влезть с утра в густой малинник,

Там наестся от души,
Отрицать завал с работой
И не выходить в субботу,
Отрицать, что без кого-то
Не нужна такая жизнь.

Отрицать судьбу и случай,
То, что раньше было лучше,
Русский отрицать могучий –
Знать другие языки,
Отрицать всесилье силы,
Отрицать, что страсть остыла,
Но за то, что мило, жилы
Рвать, рассудку вопреки.

* * *

Жизнь – непуганный осами ананас,
Но шампанского к фрукту никто не даст.
А когда-то шампанского бледный цвет
Заменяли нам фантики от конфет.
Разноцветные, яркие, посмотри –
Это счастья смешные календари.
Эта съедена с мамой, на входе в парк,
Та – в театре, а эта вот – просто так.
Ну и что? Ну и ладно – сиди, грусти,
Ананаса цукаты зажав в горсти,
Осмысляй эту жизнь в тридесятый раз,
Претворяя трагедию в грёзофарс.

* * *

Какая ночь, как пахнет, как цветёт,
Какие звёзды сыплются под ноги.
Сегодня я вдыхаю небосвод,
А выдыхаю – старые тревоги...

Всё то, что отболело, отжило,
Табун воспоминаний беспокойный
Умчится в степь, оконное стекло
Задрезбезжит, куда мчатся кони.
И тишина. И близится рассвет.
И первый луч пронзает пряный воздух.
Стою, хотя и знаю: правды нет
В ногах усталых... В небе гаснут звёзды.

ИВАН ЩИТОВ

Иван Григорьевич Щитов – лауреат XII литературного форума-фестиваля “Капитан Грэй”. Родился в 1989 году в селе Усть-Ишим Омской области. Обучался в Омском Государственном аграрном университете. С 2016 года – в Санкт-Петербурге. Автор сборника стихотворений «Моё Отечество – деревня» (2020). Победитель Всероссийской поэтической премии имени Николая Рубцова «Звезда полей» (Вологда, 2021), Четвертого всероссийского конкурса молодых поэтов имени Бориса Богаткова (Новосибирск, 2020), Всероссийского открытого литературного конкурса, посвященного 150-летию И. А. Бунина, «Вернись на Родину, душа!» (Орел, 2020).

* * *

Я видел небо, ржавое от молний...
Большая туча чёрная, как танк,
Затмила свет и растоптала полдень,
И ливнем прокатилась по цветам.

Весь мир вокруг был как трава под камнем,
Расплющен опрокинутой грозой,
И лишь осины тощими руками
Сдержат пытались небо над собой.

И я упал – обрушился на землю
Не как солдат, а как метеорит,
Несущий в сердце ненависть вселенной,
Что, вырвавшись, весь мир испепелит.

Гремело небо, ржавое от молний.
Невиданный пожар вставал стеной...
А я лежал, и крепко землю обнял,
В расцвете лет раздавленный войной.

ЗИМА

Когда зима нечаянно приходит
И светлой шалью покрывает лес,
Плывёт земля, как белый пароходик,
По голубому мареву небес.

Десятки труб из домиков картинных
Пускают в небо плавные дымы,
И хлопья снега в тёплые квартиры
Стучатся, как посланники зимы.

Сиреневая бездна нависает
Над проторённой к речке колеёй,
И тропка белоснежная лесная
Ползёт в тайгу виляющей змеёй.

Янтарным ожерельем ярких окон
Бревенчатые тянутся дома,
И целый мир – как будто белый кокон,
В который всех укутала зима.

СВЯЩЕННЫЙ ЗОВ

Умчался день мальчишкой конопатым, –
Домой его никак не заволочь.
Рябиновые ягоды заката
Вороной чёрной склёвывает ночь.

Как будто бы согбенные старушки,
Глядя слепыми окнами на лес,
К земле прижались ветхие избушки,
Придавленные маревом небес.

Тайга угрюма, сумрачна и сонна.
Благоую тишь не вычерпать ведром.
Свинцовой шали звёздные узоры
Утюжит в речке маленький паром...

И не унять душевную истому,
Священный зов таинственной земли.
И глухнет мир, чтоб слышать эхо грома
За сотни вёрст от родины вдали.

СВАДЬБА

Чужая свадьба... Платья белый снег.
За прелесть молодую грех не выпить.
Глаза невесты – лошади в огне –
Беснуются и тащат на погибель.

Невеста от «не ведает греха»,
А кто изведал – «ведьма», не иначе.
Но мне ль её за нежность попрекать,
Доверенную в страсти, без отдачи.

Былой любви уже не повторить.
Кого ни встретить – пародия и только.
Горланил я, переходя на крик,
Гостям и сердцу ноющему: «Горько!»

Изрядно захмелев, глуша портвейн,
Я еле шёл, катился прочь, как камень.
А небо целовало лбы церквей
Холодными багровыми губами.

ГРИГОРИЙ КНЯЗЕВ

Григорий Юрьевич Князев – лауреат XII литературного форума-фестиваля “Капитан Грэй”. Поэт. Родился в 1990 году в Великом Новгороде, где в настоящее время живёт и работает. Окончил магистратуру филологического факультета Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. Печатался в журналах «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов» и др. Лауреат российско-итальянской литературной премии «Белла» (2014), дипломант Международного Волошинского конкурса (2019) и др.

* * *

Память слоиста – одно на другое
Леятся воспоминанья,
Словно бы город растёт над рекою –
Новые, старые зданья...

Многоступенчатый-многоэтажный
Космос внутри и снаружи.
Помнишь, в колючей промзоне гаражной:
«Ну, поцелуй меня, ну же!»?

Игры на стройке там, в детстве жестоком:
Взяли на понт – и повис он
На проводах оголённых под током...
Безумцам закон не писан!

Ни год не вспомню, ни собственно день я
(И было ль со мной всё это?),
А сами редко всплывают виденья
В подвалах памяти где-то...

ДВА ОКНА

Вот опять окно...

М.Ц.

Не спится. Без семи четыре.
В глухих домах черным-черно.
Все спят. Один я маюсь в мире.
Отчаявшись, взгляну в окно,

А там, хоть с виду всё в покое,
Напротив – тоже свет в окне.
Но, в самом деле, что такое? –
Тебе не спится, как и мне.

В болезни тяжкой, за работой,
На пиршестве иль просто так?
Твоё окно пчелиной сотой,
Как и моё, глядит во мрак.

Кто б ни был ты, мой соглядатай, –
Старик ли, юноша без сна, –
Но луч сближает желтоватый
Две наши тени, два окна.

НАСТЕ

Шепчу я сирени зацветшей:
«Раскройся, заветный бутон...»
Пусть судят: «Да он сумасшедший,
С цветами общается он!»

Растенья живые, и вправду,
Меж антропоморфных камней
И вторят, и внемлют ландшафту,
Людей и животных скромней.

Все мудрые так молчаливы,
Болтают обычно глупцы!
Растут наши яблони-сливы,
Цветут в парнике огурцы...

Хоть с виду безусты-безглазы,
Язык в них первейший зачат.
Так, формул химических фразы
Небесной латынью звучат.

Бормочет в листках фотосинтез,
Смолкающий лишь по ночам:
— Слегка повернитесь-подвиньтесь
К лучам, словно к светлым речам,

Вы, фуксия, фикус, тагетис, —
Всех прозвищ не переведу, —
Красивые тихие дети
С корнями в Эдемском саду.

* * *

Ослепну на миг, сделав шаг за порог, —
И, странное дело, двора не узнаю.
У заиндевелых домов и дорог
Иная душа и природа иная.

Дракон или демон вдруг глянет из тьмы, —
В чудовищах зимних так много коварства!
Как будто попал я не в царство зимы,
А в сказочный терем загробного царства.
Мой город-кроссворд, весь исхоженный мной
По горизонтали и по вертикали,
Ещё не разгадан твой образ чудной
У сна, у немого кино в зазеркальи.

Столбы и деревья – в сплошном столбняке,
Весь мир заколдован печатей на десятиях,
А дымка морозная в снежном венке,
Клубясь над рекой, продолжает кудесить...

* * *

Не дай мне Бог сойти с ума...
А.П.

Всё сошлось там: дремучие древние страхи
И мучительной речи утраченный дар,
Где в смертельно-смирительной рваной рубахе –
То ли сон наяву, то ли вещей кошмар...

Так и вижу: на краткой осенней прогулке
Невесёлый по кругу идёт хоровод.
Там, у бедной души в ледяном закоулке,
То ли бес, то ли ангел незримый живёт.

И полжизни спустя мне отчётливо снится –
Или сна не даёт в полуночном бреду? –
Всё, что было со мной не в закрытой больнице,
Но в безбожном, тревожном, мятежном аду.

Там в палате одной – и сектант, и убийца,
И безумный художник, и тихий старик;
Там нельзя в коридор и на лестницу выйти;
Там внезапно срывается шёпот на крик;

Там остатки похлёбки сливают за ворот;
Там отхожая яма – открывшийся стыд;
Там и вяжут, и бьют; там и голодом морят,
Но раздашь свой паёк – и не будешь избит...

Можно лёд растопить, как бы ни было жутко,
И в конце провожали меня горячо,
Кто остались, – вдогонку жестокая шутка:
«Приходи к нам ещё!
Приходи
к нам
ещё!!»

Огарева Екатерина Ивановна Огарёва – лауреат XII литературного форума-фестиваля “Капитан Грэй”. Родилась в 1984 г. городе Пенза. Окончила педагогический университет, по специальности педагог-психолог. В 2006 году переехала в Санкт-Петербург. Окончила аспирантуру СПбГУ, защитила кандидатскую. Член Союза писателей России. Член исполкома Совета молодых литераторов СП России. Лауреат III ежегодной Межрегиональной поэтической премии имени Н. Н. Благова в номинации «Верность традиции», премии «Молодой Петербург – 2020» в номинации «Проза». Публиковалась в литературных журналах: «Странник», «Симбирск», «Сура», «Литературные знакомства», «Родная Ладога» и других.

У «НОЧЛЕЖКИ»

Как все другие, не особо
Он озабочен, что в пайке:
Тушёнка с гречей или соба,
Распаренная в кипятке? –

Не мыт, не чёсан, не обстиран,
Шагнёшь к нему – ударит смрад.
И всё же ладит с целым миром.
Раз человек ему не рад.

Отчаётся – Господь подкинет
На утешенье пустячок:
То солнца луч пригреет спину,
То голубь сядет на плечо.

Один, телесный лишь условно,
По кромке стихнувшей воды
Бредёт ветхозаветным овном,
Не ведая своей беды.

ЦЕРКОВЬ СВ. ИОВА

Старик-трамвай ползёт по мостовой,
Дрожа от слабосилия, но снова
Отвешивает, заходя в кривой,
Поклон Многострадальному Иову.

Схожу и вижу: мир блажен и прост
На этом богоизбранном отрезке.
За храмом виден Волковский погост
В тонах апрельской непросохшей фрески.

Льнут к стенам хромоногие кресты –
Свидетельство о Судном часе близком.
Сухим листком, обрывком бересты
Деревья тянут требные записки.

Внутри на взгляд мирянина темно,
Скромны киоты, певчие убоги,
И батюшка читает скучно, но...
Пугающе понятна близость Бога.
Свечной огонь, что свет души живой:
Пред ликами святыми слаб и кроток.

Меня старик-трамвай, зайдя в кривой,
Не в храм привёл – к рождественскому гроту.

* * *

Дом пах известкой и олифой,
Беленый наспех, чуть сырой.
Жильцов еще не севший рой
Атаковал кабинку лифта.

Соревновались новосёлы
Скорее справить переезд.
И лишь одна на весь подъезд
Была старуха невеселой.

Не надо было ей ни «вида»,
Ни «светлых комнат», ни «удобств» –
О том, что прежний дом под снос
Была саднящая обида.

Перекосившийся, скрипучий,
Весь продуваемый насквозь –
Тянуть исчезновенья участь
Хотелось в нем. Не довелось.

Смех умолкал, мрачнели лица
Соседские при встрече с ней:
Старуха, ясного ясней,
В их новом доме не жилища.

* * *

Когда подступил, хоть не был допущен,
И поцеловать дерзнул,
Осыпалось небо, воздух стал гуще,
Раздался подземный гул...
Восстал бестелесный праведник, дабы
За правым греметь плечом
О мире, который за нашу слабость
Быть выжженным обречён.
И губы мои обуглились разом.
И крест пригорел к груди.
Хоть сердце рвалось, безжалостный разум
Велел тебе: «Отойди...»

Александр Анатольевич Пономарёв – лауреат XII литературного форума-фестиваля “Капитан Грэй”. Прозаик, драматург. Родился в 1969 году в Липецке.

Автор семи книг прозы и драматургии.

Закончил филологический факультет Липецкого государственного педагогического института, Республиканский институт МВД РФ по специальности «практическая психология».

Подполковник милиции в отставке. Ветеран боевых действий на Северном Кавказе.

Член Союза писателей России (2011), член-корреспондент Крымской литературной Академии (2012), член Академии российской литературы (2017), Русского Географического Общества (2018).

Лауреат национальных и международных литературных конкурсов.

Живет в Липецке.

«ПО СЛЕДУ ЧЁРНОГО ВОЛКА»

Отрывок

Колонна вышла из Моздока рано утром, когда заря только окрасила небо багряными красками. Старшим в дороге был назначен командир отряда. Когда остался позади последний осетинский блок-пост и машины въехали на чеченскую землю в небе зависла вертушка. Она бороздила облака, то улетаая вперёд, то, появляясь откуда-то сбоку. С ней было спокойнее. Но, несмотря на прикрытие сверху, бойцы, сидящие в кузовах автомобилей и на броне «бэтээров», оцетинились в разные стороны стволами автоматов.

Отары овец паслись на невспаханных полях, иногда лениво поглядывая на растянувшуюся, на несколько километров по дороге и пылящую почём зря гусеницу. Когда подъехали к перевалу колонна остановилась.

Командир отряда – полковник Макеев, немногословный русоволосый великан, выпрыгнул из кузова. Он внимательно осмотрел окрестности. Впереди притаилось узкое ущелье, справа от которого ниспадал небольшой водопад с пенящимся каскадом. Две горы, поросшие седыми мхами, возвышались по обеим сторонам, как старухи. Макеев кивнул взводному Карташову.

— Валер, назначь в пеший дозор семь человек, пусть прочешут вон ту высоту и ущелье, – он показал Карташову пальцем, – как только взвод перейдёт на ту сторону ущелья, доложат по рации, что путь свободен. Вертушка их сверху прикроет, если что – и он отвернулся с тем, чтобы достать носимую радиостанцию и связаться с летунами.

Небольшое село Кара-Юрт прилепилось к горному хребту. Несколько десятков домов, две длинные улицы, и бахча. Вот и всё село.

— Константин Иваныч, – командир отряда, который меняла команда Макеева, разливал по алюминиевым кружкам горячий крепкий чай, – особенно ничего примечательного в округе нет. Я так понимаю, отряды здесь выставлены лишь для того, чтобы перекрывать горную тропу. По этой артерии караванами доставляют на Кавказ оружие, наркотики и деньги для осуществления терактов. Жить будете в палатках, мы их Вам оставляем. Пищу придётся готовить самим. Кухня походная тоже есть. Посты выставлены по периметру села, два выносных. Секреты и засады будете выставать по мере надобности. С электричеством у нас перебоев не было.

— А как местное население? – Макеев прихлёбывал пахучий чай вприкуску с кусочком твёрдого прессованного сахара.

— Местное население вроде бы ничего. С понятием – майор улыбнулся, – взаимоотношения довольно терпимые, только если твои бойцы косячить

не будут. Спиртным здесь не торгуют, да и не принято это у них. С главой администрации сами познакомитесь. Неплохой джигит. Хлеб пекут две женщины: мать и дочь. Цены не загибают. Дочь – красавица, но кадрить её не советуя, ваххабитская вдова. Ну, вот вроде бы и всё.

– Ну, тогда, счастливого пути, майор, – Makeев крепко пожал коллеге руку.

– Да, совсем забыл, Иваныч, – и майор понизил голос, – завёлся у нас тут недавно диверсант.

– В смысле?

– Ну, гадит нам кто-то и по мелкому и по крупному.

– Из местных?

– Я думаю, что да. Больше некому. Места знает хорошо. То растяжку поставит на тропе, то наши переставит. Подстрелил часового неделю назад, ранение пустяковое, но всё-таки. И везде оставляет волчьи следы, иногда клочок шерсти. А в прошлом месяце подорвал машину из комендатуры: один двухсотый, так повесил на ветку волчий зуб, заметили, конечно, не сразу – на чёрной нитке висел.

– Чёрная Кошка?

– Да я так думаю, что он об этой кошке и слыхом не слыхивал. А, и записку нам подбросили как-то. На – гляди.

Makeев развернул смятый листок, который ему протягивал майор. На тетрадном листке в клеточку было нацарапано: Рускиухады, а то тебе месьт Кара Борз.

– Ого, и как понимать это? – Makeев смотрел на майора сверху вниз.

– Ну, место называется Кара-Юрт. Что означает чёрная юрта.

– С этим можно поспорить: Юрт переводится с тюркского: и как пастбище, и как место, жилище, и даже как Родина.

– Вот видишь, Иваныч, ты сам мне лекцию об этом прочитать можешь. А Кара Борз – это чёрный волк. Волк вообще у них священное животное.

– Понятно, – Makeев задумчиво поглаживал подбородок.

– Бывай, товарищ полковник. А с волком этим поосторожнее, береги ребят. Думаю – недельку по горам порыскаете и найдёте этого Борза, слишком уж он, и вправду, оборзел, – и майор сам рассмеялся своей шутке.

Первый звоночек прозвенел ровно через неделю. Старшина первого оперативного взвода рано утром подорвался на противопехотной мине. Парня сильно посеколо осколками и его сразу же отправили в госпиталь «Северный» вертушкой.

Makeев срочно собрал офицеров в штабной палатке.

– Кто стоял ночью на первом посту? – Makeев внимательно разглядывал командиров двух взводов.

— Сержант Разов, товарищ полковник – командир первого взвода лейтенант Дроздов не поднимал глаза на командира, как будто он и был виноват в случившемся.

— Давай его сюда, Дроздов!

Лейтенант, молча, поднялся, и вышел из палатки, махнув брезентовой полкой.

— Какие мысли у других будут, – командир достал из кармана пачку сигарет и, чиркнув зажигалкой, закурил.

— Старшина за водой пошёл, – на полковника поднял взгляд капитан Старков, – колодец в пятидесяти метрах от расположения отряда...

— Это нам известно, – Макеев перебил капитана, – короче, Склифасовский...

— А тропа только одна, – невозмутимо продолжал Старков, – примерно в тридцати метрах от ПВД, прямо на тропе стояла МОНка, сработала на движение. Причём поставили её сегодня ночью – в этом никакого сомнения нет. Вокруг крупные волчьи следы.

— Волчьи? – вступил в разговор врач отряда Корнев, – а почему ты так думаешь? Может собачьи?

— Волчьи, Владимир Андреевич, – продолжал Старков и поднял глаза на доктора – я их с другими не перепутаю. Дядька у меня в лесничестве работал. Порою лес обходили с ним по несколько десятков километров. И причём как будто вожак кружил, они так дичь загоняют. Волчьи, это точно.

Разговор прервался, потому что в палатку, подталкиваемый сзади взводным, кряхтя, заходил крепкий черноволосый сержант. Он, ошалело, огляделся по сторонам, зайдя со света в полумрак. Затем нашёл глазами командира и встал по стойке смирно.

— Разов, доложи-ка, мил друг, как службу ночью нёс? – Макеев пристально разглядывал сержанта.

— Да вроде бы всё как всегда, товарищ полковник, – засопел сержант.

— Ты давай не темни, – подал сзади голос взводный, успевший по дороге расспросить часового, – рассказывай, как мне говорил.

— Да под утро заморочило меня слегка, – неуверенно продолжал Разов.

— Заморочило? Это как же? Закемарил? – Макеев стряхнул пепел с сигареты.

— Может и закемарил, командир. Но только показалось мне, что на тропе, что к колодцу ведёт, ну на той самой, призрак появился.

— При-и-и-зрак? – протянул Старков.

— Призрак, – в голосе сержанта появилась уверенность, и он перевёл взгляд на капитана, – белый силуэт, как человек вроде, призрак – кто же ещё? Мелькнул и пропал. Я совсем уж было собрался дежурному по рации

доложить, да подумал – померещилось. Луна спряталась как раз – я и думаю, ветки от платанов в тень попали. И захоронили. И главное – ни звука, ни шороха. Только тени от платана на том месте. Знать бы, что так вот случится.

– Эх, Разов – Разов, – Макеев поморщился, – если бы доложил по команде, как положено, не улетел бы твой боевой товарищ в госпиталь.

– Да я и сам понимаю, товарищ полковник, – Разов сморщился и заморгал глазами, – подумал, померещилось, да и стыдно признаться – побоялся: на смех меня ребята поднимут...

– Да какой уж тут смех, тут плакать надо. Иди, сержант, носи службу, – Макеев бросил сигарету на земляной пол, придавив окурочку каблуком армейского берца.

Когда Разов вышел из палатки Макеев быстро и в деталях передал офицерам рассказ командира предыдущего отряда про Чёрного Волка и даже записку показал. После чего в палатке повисла тяжёлая пауза.

– Может и в правду показалось сержанту? – доктор нарушил молчание.

– А мина? – поднял на него взгляд командир второго взвода Карташов.

– Да стояла она тут может не одну неделю, а старшина наш только сегодня на неё наткнулся.

Старков, молча, рисовал прутиком на земле узоры, потом бросил ветку через левое плечо и повернулся к врачу.

– Исключено, Владимир Андреевич, мы с сапёрами каждую пядь вокруг просмотрели. МОНку сегодня ночью поставили.

– Разову простительно, док, он в первый раз на Кавказ приехал – Макеев тоже смотрел на врача, от чего тот поёжился, – а тебе, стреляному воробью, стыдно в призраков верить. Завтра у нас по горам да ущельям белые кони в кроссовках поскачут. Это, Владимир Андреич, тот самый Чёрный Волк, который нам мстит.

– Неуловимый Джо, – осклабился Карташов, и зло сплюнул под ноги.

– Так, тот никому не нужен был, Валера. А этот нам нужен. Ой, как нужен. Это он только начал, вкус крови почувствовал, – продолжал Макеев, – значится так – командиры взводов будут у нас заниматься службой. Ты – док, своими вопросами. А к тебе Саша, – и тут Макеев просто посмотрел на Старкова, – у меня будет особое задание. Даю тебе две недели, чтобы извести этого призрака. Об этом будем знать только мы пятеро. Попрошу товарищей офицеров об этом никому ни гу-гу. А то вся операция потеряет смысл. Что и как, это мы все вместе прикинем. Докладывать о результатах будешь лично мне, каждый вечер. Понятно?

– Есть, – просто сказал Старков.

– Вот и ладно. На хитрую задницу найдётся прибор с винтом. Достанем мы этого Кара-Борза.

Весь день Саня Старков ходил как потерянный. Он что-то шептал, шевеля губами, размахивал руками, чертил пальцем в воздухе знаки, а иногда, резко развернувшись, шёл в другую сторону.

К вечеру он решительно заходил в командирскую палатку.

— Я вот что думаю, Иваныч, если это кто-то из местных – то их от меня отвлечь надо. Чтоб думали, что я «казачок засланный». Может быть, найти ребят, недовольных порядком сегодняшним? То да сё – поговорить с ними, что хотел бы в горы уйти, стать настоящим джигитом...

— Не получится, – Макеев снова достал из кармана пачку сигарет и принялся щелчком выбивать одну из них, – времени у нас мало. Горцы народ осторожный. Это тебе тут пару годков пожить надо.

— А что если, – вступил в разговор Корнев, – сделать из нашего Сани пьяницу горького?

И Макеев, и Старков выпучили на доктора глаза и даже не сообразили сперва, о чём это он. Первым в себя, как ему и полагается, пришёл командир.

— Вот это ты, Андреич, выдал! Не пойму я про что ты?

— А вот про что, – и Корнев хитро сощурился, – ты же говорил – местные не пьют, спиртного я имею в виду. Так?

— Ну, так, и чего?

— А если наш офицер постоянно будет пьяным – на улице, в кафе сельском и везде, короче. Они по-любому к нему будут относиться по – первости враждебно, а потом рукой махнут. Мол, никчёмный человечешко и бдительность потеряют.

— И чего мне каждый день горькую пить? – вступил в разговор капитан, – так сопьёшься раньше времени.

— Не обязательно, – повернулся к нему доктор, – ты, что пьяного изобразить не сможешь? Не валяться на улице, конечно, а так – вести себя не вполне адекватно.

— Так-так, понимаю, – теперь уже заулыбался Макеев, – но я же говорил, горцы народ внимательный и очень осторожный. Могут не поверить...

— Поверят, – хлопнул себя ладошкой по ляжке Корнев, – я тебе Саня такие капли дам – зрачок будет как у совы – во весь глаз, а под губу нижнюю ватку будешь класть, спиртом смоченную, разить от тебя сивухой будет за три километра. И вот в таком виде садись ты в чайхану, в руках у тебя фляжка, ну – или бутылёк за пазухой, ты знай – из неё прихлёбывай, да отключайся время от времени. Через эту чайхану, почитай, все местные мужики проходят. Может, что и услышишь, может чего и увидишь...

— Есть одно но, Андреич, – усмехнулся Старков, – языками не владею...

— А вот тут ты не прав, – в свою очередь перебил его командир, – здесь с десяток национальностей живёт. Родные языки порою не похожи один

на другой в корне. Язык общения для них – русский, а это нас полностью устаивает.

– Ладно, – Старков разминал ноги от неудобной позы, в которой так и застыл с самого начала разговора, – раз совет в Филях постановил, значит -превращусь в никчёмного и потерянного для общества человека. Только как бы кто из своих не прибил.

– Об этом не беспокойся. По ночам будешь выходить в свободный поиск. Обо всём будешь докладывать по окончании каждой засады, Саша. Примечай всё, даже самые, как тебе кажется, мелочи. Одна голова хорошо, а две, или даже больше, – тут он, одобрительно, посмотрел на Корнева, – лучше. Будешь брать с собой только самое необходимое: фонарик, карту, рацию носимую, два боекомплекта, да чего я тебя учу – не первый год ведь замужем.

– Понял, командир, – Старков, скинув с себя сомнения, мучившие его весь день, потихоньку наполняясь азартом, как собака перед охотой – всё необходимое возьму. Подумаю над этим хорошенько – только: рация не нужна, может заскрипеть в самый неподходящий момент, если услышите звуки боя – подскочите меня прикрыть. Волк этот поблизости всегда, вот и я буду пасти его. Постараюсь быть либо на шаг впереди, либо за его спиной. И боекомплект один. Хватит. Брать буду только калибр 5,45, несколько «эфок» и один рожок с трассерами. Если возьмут меня в клещи, вдруг этот перец не один работает, трассерами покажу направление при вашем подходе, – и Старков вопросительно посмотрел на Макеева.

– Согласен. Добро, – на секунду задумавшись, сказал тот.

Солнце потихоньку пряталось за горы. Их вершины, покрытые снежными шапками, сыпали вниз снежную крупу, превращавшуюся в лёгкую дымку, достигая предгорий.

Из села потянуло запахом сгоревшего кизяка. Саня тенью промелькнул мимо караулов, выставленных по периметру военного лагеря и, сторонясь дороги, свернул в частые посадки из невысоких деревьев.

– Сначала обойду кишлак, посмотрю – кто и чем дышит. А потом прочешу близлежащую местность, – сказал он сам себе и сразу испугался. Ему показалось, что сказал это вслух. Но вокруг царил тишина и умиротворение, природа засыпала на время прохладной южной ночи, лишь со стороны села слышались звуки, характерные для мест, где живут люди: мычание коров, кудаханье куриц, плач ребёнка.

Эти звуки успокаивали Саню, настраивая на спокойный лад – будто и нет никакой войны. Но он, сбросив оцепенение, настроился на рабочеенастроение.

Прокравшись вдоль деревьев, прилегающих к окраине Кара-Юрта, он занял удобную наблюдательную позицию. Прележав минут двадцать, он

поднялся повыше и, найдя на горе небольшую площадку, подстелив под себя коврик снайпера, достал ночник и принялся внимательно осматривать село.

Схему села нарисовал ему прапорщик Колесниченко. Серёга Колесниченко был давнишним приятелем Сани. На плечах Серёги лежали очень не простые и нужные в командировке обязанности – кормить личный состав подразделения. И надо заметить справлялся с этими поручениями прапорщик мастерски.

На какое – бы место, и в какое время года не приехал отряд – Серёга на второй день обзаводился нужными знакомствами, так как от природы был весёлым и контактным парнем.

Вот и здесь в Кара-Юрте через неделю все местные жители уже приветливо здоровались с ним.

Первый час ничего примечательного Саня не заметил, после двух часов ночи, когда село полностью уснуло, и луна стала прятаться за перистыми облаками, подмигивая бойцу то левым, то правым глазом, он услышал, как стукнула калитка.

Из дома вышел человек, он огляделся по сторонам и уверенно зашагал по дороге в сторону зелёнки.

Саня быстренько скатал коврик, прицепил к ремню, взял автомат на ремень и, крадучись, последовал за неизвестным.

Человек нёс в руках вещмешок, шёл уверенно и даже непринуждённо, по сторонам не смотрел и наверняка знал цель своего похода.

Саня бесшумно крался по обочине дороги, метрах в трёх – то пригибаясь к земле, то передвигаясь короткими перебежками.

Дорога поюлила по перелескам и начала карабкаться в гору. Здесь пришлось поубавить пыл, так быстро перемещаться уже не получалось: мешали камни, на которые время от времени натыкались армейские «берцы».

Человек бодрой походкой продолжал свой путь, пока не вышел на горную поляну. Вокруг костра сидели чабаны и кипятили чай. В нос Сани сразу ударили запахи крепкого чая и табака. Кавказская овчарка, лежавшая у костра, подняла голову, принюхалась, лениво встала и поплыла в сторону разведчика.

Саня, чертыхаясь, встал на ноги и быстренько ретировался. Встретаться нос к носу с охранником овечьих отар не входило в его планы.

АННА МАМАЕНКО

Анна Ивановна Мамаенко – лауреат XII литературного форума-фестиваля “Капитан Грэй”. Родилась в Краснодаре. В 2005 году окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Гран-призёр и победитель в номинации «поэзия» Всероссийского литературного фестиваля-конкурса молодых авторов им. А. Чижевского (Калуга, 2021). Лауреат 19 Международного литературного фестиваля «Волошинский сентябрь» (Казань, 2022). Победитель турнира поэтов в рамках IX Всероссийского литературного фестиваля им. Алексея Бельмасова в Ленинске-Кузнецком. Победитель в номинации «поэзия на русском языке» Всероссийского молодёжного литературного конкурса им. Д. Кугультинова «Дайте, дайте первую удачу!» (Республика Калмыкия, Элиста, 2022).

Публиковалась в журналах «Знамя», «Юность», «Литературная учеба», «День и ночь» и других.

РЫБОВЛАДЕЛЕЦ

Попутчики день вчерашний шукали в стакановых гранях.
Оттуда на них с прищуром глазела ночная мгла.
Рассказывал круглый дядя, мол, он продавец пираний.
Мол, пацану пиранья дороже любого ствола.
Покупателям нет числа.

Дядя лил водку в пиво, как будто иссохли жабры.
Ворочая плавниками, себе заправлял постель.
После его историй я думала – стрёмно быть храбрым,
когда приговор тебе вынес колумбийский наркокартель.
Рыба учует цель.

Угомонился дядя. Уснули в пруду пираньи.
Только Луна сквозь тучи тарачила рыбий зрачок.
Брёл заблудившийся поезд поперёк своего расписанья
по водам реки Амазонки, как посуху. И молчок –
кто-то за левым плечом.

Пираньи мои, пираньи... Вокруг – ни пера, ни пуха.
Загасло пацанское солнце, попутав понты и рамсы.
Здесь вам не Ориноко, с мокрухой теперь непруха
в степях мучительно средней, безрадостной полосы.
Не ссы.

Ночью, пока все спали, пропал продавец пираний
в неисследованных глубинах околосемных вод.
Лишь только оскал пираний мерцал в стакановых гранях
и в зеркале мутном плавал рыбий зубастый рот.
Пусть мой народ уйдёт.

Дети рыбьего бога поют молчаливые песни.
Жадные хищные дети верят сквозь толщу воды.
И богу от них на небе прятаться бесполезно,
сколько бы он плавниками не заметал следы.

* * *

Если случится у Голема один-единственный выходной,
за неимением отчего он постучится к тебе домой.
И будет красную глину есть и красную глину пить...
В мире, исполненном красок – лишь красною глиной быть.

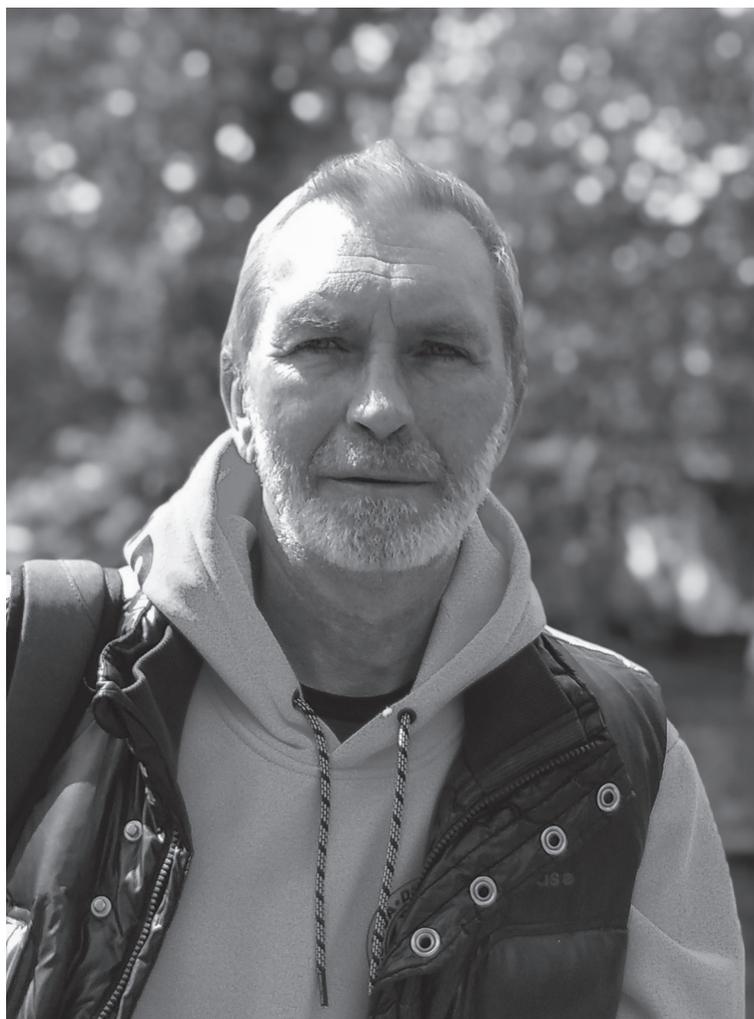
Пристроится в уголочек и взмолится: «Адонай!
Вложи меня в стену заката и больше в меня не играй.
Возьми своё слово обратно, сделай меня кирпичом
красным, как руки убийцы, оставшегося ни при чём.
Перья штопают воздух, выбеливают пустыри,
когда возвращаюсь в гетто, растущее изнутри.
Так сделай меня известкой, белой, как слово «смерть».
Закрась кирпичные стены. Прикажи печам не гореть».
Так будет молиться в угол. И угол в ответ – молчать
шероховатым краем влажного кирпича,
не ведающего ни обжига, ни тяжести древней стены.
Молитвой краеугольной, исполненной тишины.

КРУГОВОРОТ ВОДЫ

Отныне имя твоё – никак и место твоё – нигде.
Снежинке приснилось лето в дедморозовой бороде.
Тепло ль тебе, девица?..
Проснёшься наощупь – ни там, ни тут. По полой воде круги побегут,
а главное – не изменится.
С тобой перестукиваются друзья, о ком и сказать никому нельзя,
ни в суете, ни в комментариях.
Всякому хватит своих глубин. Бог тоже, как лох – один и един.
Чего говорить о тварях-то..
Знобит изнутри вещей темнота, но если книгу вперёд листать –
рассвет неизбежен дембелем.
Все тени в итоге впадают в свет. Содержит вопрос на себя ответ.
Побеги растут из мебели.
Ветер ловит себя за библейский хвост. Успевает в Ромашково паровоз.
Эверест, отраженный каплею
слетает вниз, на зелёный лист, и, повинувшись эффекту линз,
возжигает жертвенник Каина.
А потом будет ёлка и ляжет снег. По нему протопает человек
из хлева в тайгу морозную.
Внучата к Иосифу подбегут. Пробьют куранты. Взлетит салют
и скатится с неба звёздами.
Летит на голову аш-два-о из ладоней Господа самого,
где первые как последние.
Языком горячим снежинку тронь. На кругах своих, ветер, дыши в ладонь,
в учебник природоведенья.

ПРИДУМАННАЯ ЗВЕЗДА

Полями крадётся поезд, тёмный, ночной состав,
пока не написана повесть, и главный герой не стар.
Пока он на верхней полке уткнулся в подушку лбом,
ещё не завыли волки в кромешном лесу голубом.
Пока он сопит в подушку, видя сто пятый сон,
покорны Луне растущей Овен и Скорпион.
Входящий и исходящий не смеют штормить эфир,
пока не проснётся спящий в поезде пассажир.
Пока он не окунётся в тамбура черноту –
на высохшем дне колодца придумать свою звезду.
Тогда, его слову покорны, касаясь древесных крон,
отправятся с третьей платформы Овен и Скорпион.
Гаснущие Плеяды изменят привычный бег,
когда их попросит взглядом очнувшийся человек.
И в небе многоэтажном, где канет он без следа,
проступит, мерцаая влажно,
придуманная звезда.

АЛЕКСАНДР ГРИНЕВСКИЙ

Александр Олегович Гриневский – лауреат XII литературного форума-фестиваля “Капитан Грэй”. Русский прозаик. Родился в Москве в 1956 году. Выпускник геологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат физ.-мат. наук. Работал в ИФЗ АН СССР, занимался прогнозом землетрясений и исследованиями по повышению нефтеотдачи. Работал в экспедициях на Севере, в Средней Азии, в Якутии, Украине, Белоруссии, Грузии и пр. Член Союза писателей России.

Живет в Москве.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Рассказ

— Ты же знаешь, я не могу спать, когда ветер. Извини. Мешаю, наверное?

Почерневшие от времени и непогоды стены двухэтажного деревянного дома на окраине богом забытого посёлка изо всех сил упирались, стараясь не поддаться порывам ветра, что дул из темноты безжалостно и ожесточённо, гнул деревья, рвал листву, расшвыривал горох дождя по крыше и окнам. Вытянутая громада дома, возвышавшаяся среди буйной зелени, напоминала больной кариозный зуб, намертво вцепившийся в край Севера.

В официальных бумагах строение числилось как «Общежитие № 1», но на самом деле это был барак – старое, практически не пригодное для жилья сооружение, стоящее на краю заросшего ивняком оврага, полого и извилисто сползавшего к реке.

Комната располагалась на втором этаже почти в самом конце длинного коридора рядом со скрипучей деревянной лестницей. Барак – он и есть барак – одинаковые клетушки комнат, забитые до отказа людьми с похожими судьбами, да огромная кухня на первом этаже – две печи по углам для готовки и маломальского обогрева. Удобства на шесть очков – во дворе.

А ветер и вправду разошёлся. За стеной ухало и подвывало. Скрипели стропила над головой. Струи дождя метались по крыше, исполняя замысловатый танец. Было беспокойно. Ощущалась заброшенность здесь, на краю света, куда поместила сука-судьба и, пожалуй, не выбраться... Здесь жить-доживать.

Барак привычно жил, не поддавался напору природы, стремящемуся по-своему монотонно и методично свести на нет труды человеческого копошения. Никто не собирался уступать: природа – поливала дождём, засыпала снегом, била ветром и временем; люди, собравшиеся сейчас под чёрной покатою крышей, не обращали внимания на эти потуги, не замечали их, наивно полагая, что им подвластно всё – и природа, и время. Жили: кто в темноте, кто при тусклом свете лампочек, свисающих с потолка на длинных перекрученных шнурах, пили, ругались, любили, но в основном мёртво спали, умаявшись после трудового дня на карьере, хрипели во сне от усталости, ошалело вскидываясь, захлебнувшись собственным храпом.

Ветер, на закате вырвавшись с Севера из-за залесённых сопок, прокрался по-над рекой, оставляя на свинцовой глади длинные узкие зализы, с лёгкостью взлетел на пологий берег и остервенело накинудся на посёлок. Первым на его пути встал барак, устало и обречённо подставляя свои стены злему ухарскому напору. Ветер бил, толкал, сжимал дом в объятиях, старался найти лазейку, слабое место, пытался пробиться под крышу, в окна, то предательски затихая, то вновь накидываясь на преграду.

Люди продолжали существовать, не обращая внимания. Внутри дома что-то монотонно позвякивало и скрипело, захлёбывался храпом Николаич за стеной, снизу доносился приглушенный бубнёж, порой смех да глухо стукала об пол передвигаемая табуретка.

Откинув оба одеяла – одно тонкое, шерстяное, солдатское, другое латанное-перелатанное, но по-настоящему тёплое, ватное – привычным движением поправила длинную белую рубаху, перекрутившуюся в поясе, и спустила босые ноги на пол. Нашарила обрезанные валенки, служившие и зимой и летом домашними тапочками, встала и прошла к двери, к чёрной кнопке выключателя.

Тускло, жёлтым загорелась голая лампочка под потолком.

Свет настолько слаб, что не нужно щуриться после темноты.

Застиранный белый занавеска на окне по-живому шевелилась – в щели задувало ветром.

– Холодно... – пожаловалась, глядя на гуляющую занавеску.

Сняла со спинки единственного стула шаль, серого мышиного цвета, оставшуюся ещё от матери, и набросила на плечи. Зябко кутаясь, медленно повернулась.

Он на неё не смотрел, он смотрел в потолок, прокручивая в голове завтрашний день. Как проснётся в половине шестого утра, затемно, умоется на улице из общего чана ледяной, пахнувшей железом водой, отогреет замёрзшие руки о миску со щами, разогреет среди десятка других на пышущей жаром печи, будет быстро хлебать их, привалившись к стене, окружённый хмурыми, собирающимися работать людьми. Потом поднимется к себе наверх, перемотает заново портянки, вобьёт ноги в кирзу. Телогрейку в руки, шапка криво сидит на большой лобастой голове, вместе со всеми прогрохочет сапогами по многострадальному крыльцу и пойдёт месить осеннюю грязь разъезженной машинами дороги, что ведёт к конторе.

– Отвернись, пожалуйста...

Резко повернулся к стене, так что кровать заскрипела.

Звякнуло железо, струя упруго ударила в днище ведра.

Поганое ведро было в каждой семейной комнате, женщины боялись выходить ночью в туалет, во двор. Она стеснялась его, не разрешала смотреть, терпела до последнего.

Почему она такая получилась? Не похожа на всех остальных баб. Он в который раз пытался разобраться зачем она живёт с ним, а он с ней. И опять ни малейшего понимания случившегося прошлой зимой, когда он остался в этой комнатёнке, спящу сграбастав её, проходящую по тёмному барачному коридору.

Худая, вся какая-то беспомощная, не от мира сего, как ворчит бабка Се-рафима из торцевой, и уж точно не в его вкусе. Всегда нравились крепко

сбитые, в теле. И все бабы в деревне были такими, привык к таким, с ними просто, и никогда не думал, что будет жить с этой блёклой тихоней.

Вот в деревне... Сколько он их перепробовал, когда из армии вернулся. В деревне всё просто было – все со всеми, пьянка и весёлый мордобой по вечерам, не то что здесь... Здесь каждый сам за себя. Может поэтому и тоскливо? Поэтому к ней и прилепился?

Лежал, отвернувшись лицом к стене, слышал, как она передвинула что-то на столе, звякнув посудой.

– Ложись. Хватит шарахаться. Спать надо. Мне вставать уже скоро.

– Да, да... Сейчас лягу.

Не выдержал, повернулся, хотел рывкнуть.

Она, отодвинув край занавески, взглядывалась в темноту.

– Ну и что там? Чего увидела?

– Темно. Тревожно как-то... – зябко кутаясь в шаль, отошла от окна, погасила свет и села в ногах постели.

Он чуть отодвинулся к стене, откинув край одеяла:

– Ложись.

– Подожди. Сейчас...

Сидела молча, не шевелясь, застыла тёмным пятном внутри темноты комнаты.

Он ждал. Несмотря ни на что, его тянуло к ней. На мгновение представил, словно почувствовал, тепло этого покорного податливого тела, чуть дряблую кожу на впалом животе, тонкие беспомощно замершие руки, вызывающие щемящую жалость.

Привстал, огромной своей ручищей облапил за плечи, легонько надавил, стараясь уложить в кровать рядом с собой. Рукой почувствовал грубый шов рубашки на худом плече. Голой он её так и не видел, рубашку снять с себя не позволяла, стеснялась его, ничего не мог поделать, даже в постели приходилось мириться с этим, путаться руками в складках, стараясь задрать повыше.

– Подожди, пожалуйста, – она подалась всем телом вперёд, слабо стараясь избавиться от давления его руки. – Я сейчас лягу, ну подожди...

Руку убрал, привычно закипая злобой.

– Ты знаешь... Вспомнилось... Когда папа умер тоже ветер был. А вот как мама умерла – совсем не помню. Мне тогда пять лет было. Совсем не помню. Даже лица. Только фотографии... А живого лица не помню.

Голос тихий, почти шёпот.

– А папа... когда ветер... Весь дом ходуном ходил, крыша так страшно бухала. Он долго умирал, почти два дня. И всё это время ветер бесновался, рвался в дом, в окна, словно за ним пришёл. А как перестал дышать – стихло всё. Только капли за окном – кап, кап... будто музыка где-то. И тихо-тихо...

Я ветра боюсь, не добрый он. Злой, нахальный. Всё требует что-то... Что ему надо?

— А отец, – кашлянул, прочищая горло, – он, ну это, давно умер?

— Папка? Мне только пятнадцать исполнилось. Здесь, в этой комнате и умер. Чахотка у него была. На руднике ведь двадцать лет отработал.

Тётка тогда приехала, мамина сестра. Мы с ней три года прожили, а потом она обратно в деревню уехала. Одинокая она. Всё жениха искала. Намучалась я с ней. Приведёт мужика и вот вьётся вокруг него, всё ей верилось, что это её суженый. А меня на улицу. Сам знаешь, как здесь... Без постели не обходится. Разругались вдрызг, она и уехала.

А папа перед смертью замолчал. Спросишь – не отвечает. Смотрит на меня ласково, а в глазах тоска смертная мечется, пальцами по столу или по табуретке мотивчик нервно так выстукивает: тра-та-та-та, тра-та-та-та, тра-та, тра-та, тра-та-та-та... У меня в голове он теперь всё время вертится, никак не могу избавиться.

Я тебе не говорила? Он ведь пятнадцать лет отсидел. Я не знаю за что... Только точно не уголовка, хотя, может, какая растрата? Никогда об этом не рассказывал, как будто и не было этих пятнадцати лет. Они с мамой сошлись, когда его на поселение перевели. Пожилой... слабый и добрый. И больной, наверное, уже был.

Папа ведь раньше в Москве жил, семья у него, кажется, там была. Потом посадили. Потом – мама... Я родилась.

Тётка рассказывала, что когда его подчистую освободили, он с мамой распрощался, мне тогда три годика было, и уехал в Москву, к той семье. Полгода не было – вернулся. Ничего не рассказывал, не объяснял. Сказал только как-то, что у каждого человека своя судьба, и изменить её он не в силах. Его судьба здесь – на Севере, с мамой. После этого они вместе всего два года прожили. Умерла мама.

— Это из-за него тебя еврейкой кличут?

— Да. Это из-за фамилии. Только он на самом деле поляком был. Это точно. Он сам незадолго до смерти рассказывал. Какой ему резон мне врать? Только всё равно никто не верит.

Она замолчала.

В темноте отчётливо слышалось как ветер швыряет в оконное стекло пригоршни дождя – ещё, ещё и ещё – без усталы, без остановки.

Надсадно зашёлся кашлем Николаич: стонал, ворочался, скрипела кровать за стеной.

Он ждал... То ли продолжения рассказа – пусть выговорится, чудить не будет, то ли чтобы скорее замолчала и легла рядом. От злости не осталось и следа, было её жалко. Не мог, не знал как успокоить. Не умел он это делать. Понимал, что если полезет – будет только хуже.

Лежал, устало глядя в чёрную пустоту комнаты, ждал, когда же всё закончится.

Заговорила снова.

— Это как сон какой-то... Вот они были, а проснулась – никого, одна-одинёшенька. Понимаешь, они в жизни моей отсутствуют, они были, а в памяти моей не остались, вспомнить не могу, потому что не знаю ничего о них.

Вот что страшно. Ругаю себя, ругаю... Сейчас бы вернуть всё назад – я бы расспросила их обо всём, присматривалась бы к ним...

Какие они были? Ничего не помню.

Он больше не мог это слушать. Тоска, настоящая на завываниях ветра за стеной, давила душу. Хотелось, чтобы она замолчала. Подумаешь, отец с матерью померли, вон у половины барака та же история, что она надрывается? Нет, надо прекращать эти причитания, а то ещё реветь начнёт, полночи не успокоишь, вот только как?

— Сиротинушка... – выдавил из себя глухо.

Почувствовал в темноте, как повернулась.

— Ничего-то ты не понял, – ему показалось, что выговорила с усмешкой, – но все равно спасибо! Ты добрый...

Придвинулась, обняла, зарылась лицом между плечом и шеей. Чувствовал её горячее дыхание, прерывающийся шёпот щекотал кожу.

— Дело не в том, что они умерли. Все умирают, мы с тобой тоже умрём... Памяти у меня не осталось, понимаешь? Я о них вспоминать не могу. Там, где они должны быть – пустота. Вот и живу я наполовину пустая. Вот что страшно, вот почему я плачу.

— Ну?..

— За то, чтобы у нас всё было, а нам бы за это ничего не было!

Две кружки, одна – с весёлым толстым бегемотиком, пляшущим на зелёной травке, другая – в широкую красно-белую полосу, глухо стукнулись друг о друга. Водка колыхнулась внутри посуды, смачивая застарелые чайные ободки – грязно-коричневые, несмываемые.

Выпили, выдохнули. Резко пахнуло спиртным.

Стукнули кружки о стол.

Шумно втянули воздух. Дружно потянулись к закуске.

Вообще-то на фирме запрещалось выпивать категорически, но была пятница, около восьми вечера, все разошлись, только где-то по территории мотался таджик-сторож, и главное – возвращение кого-либо из начальства не предполагалось. Сидели в шофёрской – маленькой прокуренной комнатёнке с крошечным подслеповатым окном, смотрящим на глухую стену. Лампочка под потолком привычно горела, но основной свет врвался в помещение

через распахнутую настежь дверь, подпёртую у косяка кирпичом. Конечная – по-летнему тепло, радостно.

За последние несколько дней город взорвался зеленью – нежной, трепетной, яркой. Москва преобразилась – с улиц исчезли привычная серость и грязь, своей неистребимостью выматывающая душу, по городу разливалось ощущение приближающегося праздника, тепла, отдыха. Белые ключья сирени среди буйства зелени, появившиеся на клумбах яркие пятна тюльпанов вызывали оторопелое изумление – откуда здесь, сейчас?

Наверное, поэтому и выпивали – без причины, без повода – что-то витало в воздухе, будоражило, требовало вложиться в действие. Просто два человека, случайно задержавшихся на работе, одновременно почувствовали, что домой не тянет, а хочется остановиться, бездумно посидеть, прекратить суетной московский марафон да просто расслабиться. Не были хорошо знакомы – шофёр и зав. складом – так... пересекались по работе. Случайно столкнулись в непривычно гулком обезлюдившем пространстве замершего цеха, встретились взглядами: «Привет». – «Привет». – «Домой торопишься?» – «Да нет... Что я там не видел?» – «Вот и меня тоже что-то не тянет. Может, посидим, поговорим... бутылочку раздавим?» – «Да можно, в принципе...» – «Ну и ладушки! У меня как раз есть. Где сядем, у тебя на складе или в шофёрской?» – «Давай в шофёрской, не дай бог начальство нагрывает». – «Не должно...»

Низкий обшарпанный столик уставлен незамысловатой закуской – две тарелки, наполовину заполненные оставшимся от обеда супом, хлеб, нарезанные толстыми кружками огурцы, бутылка водки в центре. Закуски, конечно, маловато для двух здоровых мужиков, да уж больно в магазин бежать не хотелось.

Выпили по первой.

Сидели молча, заворожено глядя в дверной проём. Солнце и не думало садиться, заливало двор ровным светом. Блестели стекла «Газелей», выстроившихся и готовых к утренней погрузке, ветерок вяло гонял обрывок газеты по асфальту.

Разговор не клеился. Несколько традиционно высказанных фраз о качестве напитка и незамысловатых продуктов не пробили брешь в привычном отчуждении. Сама посиделка была случайна, как была случайна мимолётно возникшая симпатия между этими малознакомыми людьми. Но повеял летний ветерок бездумья, и вот они сидят напротив друг друга в тесной прокуренной комнатёнке.

Женька – здоровый, громогласный мужик, чуть за пятьдесят, но, несмотря на возраст, до сих пор остающийся Женькой, шоферил на «Газели», шоферил всю жизнь. Палыч – чуть помладше, лет сорока восьми, небольшого росточка, с хитрым ускользающим взглядом на улыбчивом лице, был зав. складом

и относился к ненавистной прослойке между начальством и работягами, одним словом – ни свой, ни чужой.

После второй вяло похлебали остывающий в тарелках суп и всё же зацепились языками за волнующую тему – начальство. И здесь их мнения полностью совпали – козлы! Не видят элементарных вещей. Если сделать так-то и так-то, фирма расцветёт, прибыль пойдёт косяком, зарплаты сказочно возрастут – все будут в шоколаде. Женька как всегда орал и размахивал руками, раскрашивая свой монолог цветистыми матюгами, Палыч сочувственно поддакивал, время от времени подавая собственные реплики.

Возбудились. Почувствовали единение. Выпивали часто, но маленькими порциями. Под потолком стелился табачный дым. Оба курили «Яву», и это тоже объединяло.

В бутылке тем временем катастрофически убывало. Это не позволяло расслабиться до конца, Женька нервничал, то и дело поглядывая на уровень жидкости, опустившийся уже существенно ниже этикетки. О том, чтобы сбежать – вопрос не возникал, ближайший продуктовый магазин находился довольно далеко, проще было доехать до дома и там добавить.

Солнечный квадрат переполз через порог и ковриком расстелился на грязном полу. Почему-то только сейчас стал слышен гул сотен машин, доносившийся с «Черкизовской». Где-то за углом монотонно и надрывно мяукала кошка.

– Пойду, найду и убью тварь, – задумчиво сказал Женька, но не сделал и попытки сдвинуться с места. Было лениво.

Палыч с интересом наблюдал за Женькиной нервозностью. Чуть выждав, молча встал и вышел из шофёрской. Женька не обратил на его уход внимания – настроение падало, выпивка заканчивалась, пора было расходиться по домам.

Палыч неспешно прошёл гулким пустым цехом, заставленным непривычно молчащими сейчас станками, отпёр ключом неприметную обшарпанную дверь, что располагалась за грудой металлического профиля, в беспорядке наваленного на цементном полу. Долго в подсобке не задержался – вышел, держа в руке початую бутылку водки.

– Во! Это по-нашему. Как раз, чтобы добавить! – Женька, воодушевившись, принялся суетливо облагораживать стол, собирать грязные тарелки, выбрасывать бычки из пепельницы.

Не торопясь разлили. Выпили, закусили остатками хлеба. Хлеб не резали, отщипывали корочку от буханки, кроша на стол.

– Что за жизнь? – завёл привычную бодягу Женька. – При совке денег не было, при этих грёбанных демократах опять нет! Как воровали, так и воруют, не те, так эти. Прорвался к кормушке и загребай оттуда, опять вся сволота наверху! При коммуниках даже, пожалуй, лучше было...

Палыч безучастно курил, не реагируя на Женькину попытку завязать разговор.

— Вот ты смотри, — не унимался Женька, — ведь чтобы наверх пробиться, надо либо по головам идти, либо подлецом быть — это уж точно! Вот все нормальные люди — я имею в виду совесть — внизу топчутся, а эти пидоры по нашим головам ходят. Ну, что ты молчишь? Не так, что ли?

Палыч поморщился, отводя глаза в сторону.

— Не, ну ты скажи! Или ты тоже за демократов?

— Я, вообще-то, монархист.

— Чего?!

— Чего, чего... — передразнил Палыч. — За царя я. Понял?

— Серьёзно, что ли? На хрен он нам сдался? Был уже Сталин! Ещё хочется? Мало тебе?

— погоди слюной брызгать. Если хочешь, объясню.

— Ну давай, попробуй.

Молчать и слушать Женьке было тяжело, поэтому сидел набывчившись, готовый в любую минуту взорваться собственной тирадой, настороженно выжидая, когда представится первая же возможность. Он не умел спорить, но спорить любил. Любил заполошно орать, доказывая свою правоту. Давил голосом, матюгами, не убеждая, а перекрикивая собеседника. Вот и сейчас его, в общем-то, не интересовали доводы Палыча, заранее настроился, что не примет ничего из сказанного, просто ждал к чему бы прицепиться.

— Вот смотри... — Палыч, не повышая голоса, не смотря на Женьку, медленно крутил пальцами зажигалку. — Ты, наверное, всё правильно говоришь... Кто сейчас наверху? Я имею в виду наш демократический строй. Те, кто сызмальства прошёл школу вранья и подлости. И это логично. Чтобы забраться на самый верх надо затоптать тех, кто внизу, кулаками, обманом и хитростью доказать подобным себе, что ты первый среди них. Другого пути нет. А вот теперь подумай сам, откуда берутся такие качества, у кого они наиболее ярко проявляются? От семьи всё идёт, от школы, от бедности. Это те, кому с малолетства вдолбили, что для достижения цели все средства хороши. А люди вокруг — это так, фоски, просто податливый материал, манипулируя которым можно прорваться наверх. Будь ты хоть семи пядей во лбу — ты наверх не прорвёшься, затопчут, а всё потому, что у тебя хоть какие-то моральные принципы с детства привиты. Подлость — она тоже воспитывается с детства... и есть люди, которые к ней особенно восприимчивы.

— Ну, а я про что говорю? — Женька был уже готов сорваться с цепи. — Одни суки наверх лезут! Какая на хрен разница, какой строй! Что коммунизм, что социализм, что капитализм — всё едино. Главное прорваться к кормушке, отпихнуть всех и хапать, хапать, хапать. Царь-то твой здесь

при чём? – Женька в упор уставился на Палыча, нервно выковыривая сигарету из пачки.

– Погоди ты, не гоношись. Дай спокойно сказать. Действительно, что коммунизм, что капитализм, что демократия – всё едино. Путь наверх определяется приобретёнными качествами рвущегося к власти человека.

Монархия – в корне другое. Здесь власть передаётся по наследству, от отца к сыну. Понял разницу?

– Всё едино! Херню ты какую-то порешь! – Женька почувствовал, что настало его время, вскочил, нависая над столом, размахивал руками, орал, заводя сам себя: – Нет другого пути наверх, как только через кровь и по головам! А Чингиз Хан? Или... этот... Людовик?

– Какой ещё Людовик? Женька, ну что ты несёшь? Говори спокойно, а лучше дай мне досказать.

– А что тут говорить? Всё и так ясно! Наверх одна сволота пробивается! – Женька, выпустив пар, затихал.

Замолчали. Плеснули в кружки. Чокнулись, не глядя друг на друга. Отсутствие закуски подталкивало к привычному ритуалу: выпил – закурил. Вот и закурили.

В распахнутую настежь дверь заглядывал вечер.

– Ну ладно, что ты там хотел сказать про монархию? – в глубине души Женька сознавал, что был не прав.

– Да, в общем-то, я всё уже сказал... Понимаешь, мне кажется... передача власти от отца к сыну может привести на престол хорошего, высокоморального человека, что совершенно невозможно при любом другом строе. Само узаконенное наследие власти исключает необходимость приобретения качеств, требующихся для получения этой власти. Непонятно?

– Да нет... Давай дальше.

– Ну, грубо говоря, будущему царю не надо бороться за власть, она у него уже в кармане. Конечно, будут и дураки, и больные, и патологические садисты. Всё может быть и, скорее всего, так и будет. Но тут есть шанс и для хорошего человека – воспитывается-то будущий правитель в любви семьи, гувернёры, университеты там всякие... Вот такой человек может и для страны сделать что-то хорошее, да и нам с тобой полегче будет.

– Может быть, может быть... – Женьке уже стало скучно, расхотелось спорить. Сидел, смотрел в проём приоткрытой двери на обрывок газеты – ветерок вяло теребил его на грязном асфальте, пытаясь загнать под колёса «Газели». Обрывок никак не давался, ускользал: – Может, ты и прав... При царе всё бы по-другому было. У меня, у прабабки, знаешь, целый этаж свой был. Доходный дом на улице Веснина. Весь пятый этаж. Потом уже, после революции, начали уплотнять. Но всё равно две комнаты оставили. Я там и родился. Это уже сейчас в Ясенево переехал.

— Так это тебе от прабабки такая фамилия досталась?

— Не... Это от деда. А с ним интересная история приключилась... — Женька воодушевился, лёгким движением разлил водку в кружки и завертел бутылку в руках — плескалось на доньшке: — Эх, блин! Сколько не бери, а всё одно — мало. Ещё на разок осталось.

Торопливо чокнулся с Палычем, спеша продолжить рассказ.

— Ну, так вот... Дед у меня настройщиком был. Фортепьяно, пианино разные. Слух у него был абсолютный. И не где-нибудь, а в Большом Театре инструменты настраивал. Жили они с бабкой вроде ничего... Отец уже родился...

А была в театре такая известная виолончелистка — Эрдель. Ты, конечно, не знаешь, а в те годы она очень известная была. Так вот, подходит эта Эрдель к деду и говорит, мол, тут у одной япошки — у жены японского атташе — надо пианино настроить. Ну, дед чего? Лишний тридцатничек не помешает — пошёл.

Я-то, конечно, ничего этого не помню, меня тогда и на свете ещё не было, это я со слов бабки рассказываю...

Возвращается он домой, радостный такой, в белых парусиновых штанах, в рубаше с коротким рукавом, — дело летом было — звонит в дверь. Бабка говорит, я дверь открыла, а он в дверях — счастливый, шляпа соломенная на затылке, в одной руке мороженое — течёт уже, вот-вот капнет, а другой он из нагрудного кармашка деньги веером вытаскивает, как фокусник — на, мол, заработал!

Двух часов не прошло, как за ним пришли. Пятнашку дали, как японскому шпиону, и на Севера.

Женька замолчал.

— Так и сгинул? — вяло спросил Палыч.

— Не... Ты знаешь, не сгинул. Вернулся. Больной, худой, маленький какой-то... — бабка рассказала. Пожил с полгода и обратно на Север подался. Говорил, не может он здесь — давит всё, страшно. Бабка его и не удерживала. Отвыкла, наверное... Вот после этого — пропал окончательно.

— Да... Времечко было. А мы сейчас глотки рвём — это нам не нравится, то... Давай допьём, что ли, и расходиться будем. Время-то — десятый час.

Они допили. Палыч пошёл мыть кружки, а Женька закатал мусор в тугой газетный свёрток и не поленился, отнёс в мусорный бак, что стоял за углом, на улице. Пустые бутылки сложили Палычу в целлофановый пакет — выбросит по дороге. Ещё раз осмотрелись, не осталось ли каких следов от их гулянки. Всё чисто — начальство не подкопается.

Вышли во двор. Пахло нагретым асфальтом, пылью.

Прежде чем закурить, Женька потянулся, раскинул свои огромные ручищи в стороны, будто стараясь вобрать в себя, захватить этот тёплый,

почти летний вечер, стусившиеся, наполненные городским шумом и запахом московские сумерки:

— Хорошо-то как! – выдохнул. – Лето скоро!

* * *

С неба сыпалось не пойми что: то ли снег, то ли град. Временами замело, и мелкие ледяные катышки валили стеной, подскакивали на мокром, чёрном асфальте, сбивались в узкие белые полосы по краю проезжей части.

Пасмурно, промозгло. Ранние сумерки уже вычернили остатки похухлой листвы на одиноких деревьях.

На остановке трамвая, продуваемой всеми ветрами, чуть в стороне от людей, сбившихся под навесом, ёжась от холода, стояли три девушки – лет восемнадцати-девятнадцати – хорошо и модно одетые, всем своим видом словно показывая, что они в стороне от ожидающих, трамвай не для них, это случайное недоразумение, и они оказались здесь и сейчас по ошибке, они должны быть там, где тепло и весело, где гремит музыка, ярко сверкают огни и мощно горят фары дорогих машин.

На самом деле были они простыми студентками второго курса далеко не престижного вуза.

Только что сдавали зачёт перед зимней сессией. Возбуждение ещё не улеглось, поэтому тема сдачи зачёта продолжала активно обсуждаться.

— Ладно тебе, Катюш... Не расстраиваться! Да пересдашь ты в следующий раз, – та, что с короткой стрижкой, в ярко-красном приталенном пальто, успокаивала маленькую блондинку, которая стояла опустив голову и, казалось, готова была вот-вот расплакаться.

— Ну ты что? Это же фигня! Не стоит того, – поддержала ее высокая, стройная, затянутая в узкие джинсы. – Я уверена, что сдашь. В понедельник пойдешь с другой группой, попробуешь еще раз. Не расстраивайся...

Блондинка исподлобья, блеснув стёклами очков, посмотрела на подруг. Настроение было безнадежно испорчено. Слова не убеждали.

— Да где же этот чёртов трамвай? Пешком бы до метро скорей дошли, – высокая, не выдержав, отошла на пару шагов, вглядываясь в пронзающие сумеречную даль рельсы. – Во, блин, влипли! Я уже замерзать начинаю, – выбила чечётку на асфальте остроносыми сапожками. – Правда, Кать, перестать себя накручивать. С кем не бывает? Сейчас забуримся куда-нибудь, шампусика или может чего покрепче бухнем.

— Не... я домой поеду.

— Это препод – козёл! – стриженная в красном пальто доверительно взяла блондинку под руку. – Ко мне тоже доприкапывался. Откуда, говорит, у вас такая необычная фамилия? Польская, наверное? Да уж, говорю, не еврейская. А он никак не отлипнет – из поляков-то кто? Дед, отец? Прадед,

отвечаю, поляком был. Он всё копает, выпрашивает, интересно ему... – кем был прадед? А я откуда знаю! Музыкантом, говорю, был, а что и как – больше ничего не знаю. Прилипчивый какой-то препод, душный.

– Ну наконец-то.

Из темноты, чуть забелённой снежной крупкой, с грохотом, ярко светя фарами, вывалился трамвай. Мутно заблестели рельсы. Люди вышли из-под навеса, сбились плотнее.

Очередь у передних дверей.

Томительное проникновение в освещённое жёлтым тепло вагона.

С металлическим скрежетом закрылись двери, вобрав страждущих.

Вагон дёрнулся, набирая ход, и покатил в темноту.

Олег Всеволодович Сюсюра – эксперт литературного форума-фестиваля «Капитан Грэй». На протяжении многих лет работает в жюри различных фестивалей и конкурсов авторской песни. Член Союза журналистов России. Автор стихов и музыки большинства песен мурманского авторского ансамбля «Марго». На счету ансамбля победа на международном фестивале «Петербургский аккорд», Гран-при фестиваля «Норд-Вест» в Валдае, победы на других фестивалях. В творческой биографии коллектива – концерты в Мурманской области и за её пределами, выступления на различных боевых кораблях Северного флота и атомной подводной лодке, в Польше, Финляндии, колонии строгого режима. Ансамбль «Марго» – дважды дипломант Грушинского фестиваля и победитель Всероссийского фестиваля в Большом Кремлёвском дворце.

ЗЕМЛЯКИ

В том краю, где солнечные ночи,
Где зима длиннее, май — короче,
Между двух морей студёных сопки высоки —
Здесь мои друзья и земляки!

Скажут — жизнь у нас порой сурова.
Это нам не в тягость, и не ново,
Ведь леса грибные и сияний языки
Служат нам наградой, земляки!

Холодный дом — не дом.
Залогом жизни в нём —
Родимых душ тепло.
Оно, как лыжный след,
Как верный путеводный свет,
Как ветер под крыло!

А вдали от Мурмана родного
Встретишь земляка — и вновь, как дома!
На чужих шоссе издалека мы разглядим
Наш заветный номер — «пять один»!

Север — не мороз, не расстояние,
Север — только там, где северяне!
Где живут вдали на части суши небольшой
Люди с очень светлою душой!

Наш Мурман там, где мы,
Где сумерки зимы
Развеют маяки.
Нас будет Север греть,
Родной звезде — светить-гореть,
Пока мы — земляки!

К НОВОЙ ЗЕМЛЕ

Памяти капитана II ранга Всеволода Ильича Сюсюры

Полярного моря старинное олово
Плавит и плавит кильватерный след.
Зачем вам туда, бесшабашные головы,
Если там жизни нет?

Не жмёт воротник тёмно-синего кителя.
Ветер солёный — солёным вином.
Остались невесты, остались родители
В Росте и Дровяном.

Аврал!
Время впрессовано
В металл
На корабле.
Ещё предстоит нахлебаться рассола
На Новой Земле.

Фамилии ваши газетам неведомы.
Помнит их только секретный Указ.
Но внуки, играя с наградами деда,
Невольно напомнят вас.

И будут в попутчиках памяти-страницы
Дедовский кортик да тусклый погон...
Но вот он построен, и здесь он останется,
Памятник-Полигон!

Одним миром помазаны,
Одну службу несли,
Когда уходили под лёд водолазы
У Новой Земли!

И мне не хватает дыхания нового,
Новой надежды и новых земель,
Студёного моря и ветра бедового,
Там, где и долг, и цель.

На Ост! Козыри розданы.
На Ост карты легли.
Мы тоже напьёмся морозного воздуха
Новой Земли!

* * *

Мы не ведаем, где
Нашу лодку болтает
На дремотной воде
Золотого Валдая

На вечерней заре
Так причудливы краски!

Мы повязаны временем,
Вялым и вязким...

Мы не спим до утра.
Мы забыли, как дети,
Всё, что было вчера
Не на этой планете.

Прошлых дней вереница
Ютится на фланге...
И сопит мне в ключицу
Мой худенький ангел.

Я — ТРАВА

Кате Ефремовой

Я — трава не газонная,
Я — трава не футбольная.
Не строга, не резонна я,
Я расту себе, вольная!

Я трава, самосеяна,
Не истоптана тропами.
Я дождями лелеяна
И ветрами растрёпана.

Как стрела арбалетная —
Нет меня дерзновеннее.
Я ведь даже не летняя —
Я пока что весенняя!

В даль бездонно-безбашенну
Свежей скатертью брошена,
Диким цветом украшена,
И покуда не кошена.

Эту песню мажорную
Всех оттенков зеленого
Я пою, непокорная,
Я пою, просветлённая.
Я пою — напою тебя
Зельем от меланхолии —
Одуряюще искренним
Ароматом всеволия!

ЕЛЕНА ФОМИНА

Елена Михайловна Фомина – друг и один из авторов литературного форума-фестиваля «Капитан Грэй». По профессии – историк – архивист, по призванию автор-исполнитель. Автор сценария трех анимационных фильмов – участников кинофестиваля фестиваля «Северный характер» 2021 года. Обладатель гран-при фестиваля авторской песни «Норд-вест» на Валдае (2022 г).

ТЕРИБЕРКА

Жестко-скандинавское и жгуче холодное Терри Берг – в русскую ласковую Териберку. То ли конфетку во рту, то ли камушек.... Эх душа русская, все ты горки укатаешь, а наверху - церкву с крестом...

Териберка – баркасы рыболовные спят уже вечно в покрывале моря. Спят и видят, как были здесь.... Были-не были – во сне ли в были ли?

Териберка –
волны твоего моря страшны, а ты нет.
ветры твоего моря страшны, а ты нет.
Тихо живешь на берегу. Тихо, без лишнего...
А на кончике языка вкус твоего солнца.

Бряцают о чем-то склянки на старых карбасах, бредят прошлым во сне, почти во смерти.... А может это уже Тот Свет?

Да нет же, нет.... Какой свет? Териберка без огня кораблей спит на краю старого океана. На краю неба – облака. Много в том океане соли-печали о тебе.

Териберка – соль всех ветров мира, ключ к разгадке тайн бытия. Битые стеклышки на берегу, окатанные временем, как и все впрочем...

А ночи? А ночи здесь и не ночи вовсе, а чёрти-что... Или чёрти-где...

Но нет здесь чертей, нет. Только чайки...

Териберка - жизнь в ступоре лени ракушки. Снаружи только море...

* * *

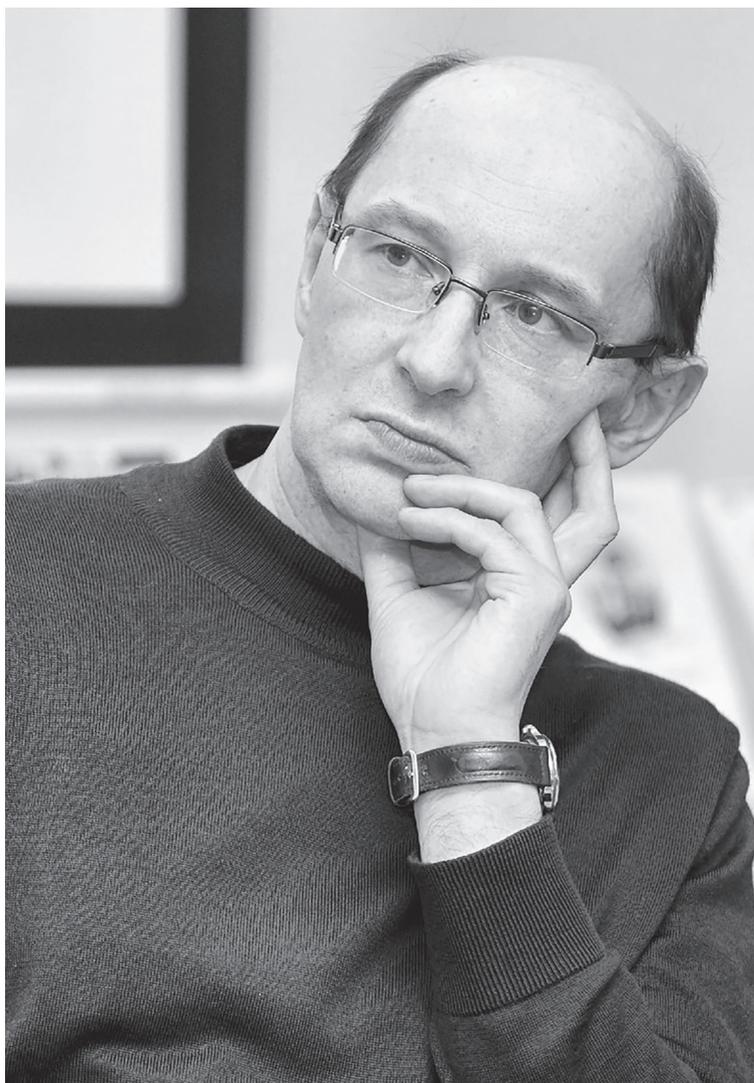
Девять кож
на мои девять душ
Кожи мои душевные
Души мои нежные
А ты не плачь и не зови
Никто тебе не брат
Никто тебе не муж
Никто к тебе не вхож
Сама носи свои девять кож
Сама храни свои девять душ

СОЛОВКИ

Соловки-соловушки, острова-птицы,
Море Белое — поморский надел.
Надел мужик море на ноги, небо на голову
и пошел по воде-водице,
Не голубой — серой.

Птица в небе кричала —
Вольно ж ей кричать.
Вольно и ему по морю ходить.
Походит-походит, да и домой
К островам — птицам.

Стоит там монастырь каменный
у Бога под боком.
И вся-то душа русская до дна здесь светлая, белая.
И небо белое, и море Белое —
поморский надел
Вот уж наделил Бог — не обидел.
Соловки-соловушки, острова-птицы.

ВИТАЛИЙ КОРОТАЕВСКИЙ

Виталий Борисович Коротаевский – эксперт литературного форума-фестиваля «Капитан Грэй». Родился в г. Мончегорске Мурманской области. Стихи пишет с 17 лет, азы стихосложения постигал в мончегорском литературном объединении под руководством Сергея Каплана. Печатался в городских и областных СМИ, альманахе «Площадь первоучителей» (Мурманск) и «Осиянное слово» (Москва). Автор двух поэтических сборников.

СНЫ О СРЕДНЕМ

Ты долго будешь помнить после,
Всё сохраняют цветные сны:
Прекрасное и злое солнце,
Шипенье ледяной волны;

И ветер, что скребёт и нежит
Грусть ни о чём и ни о ком;
Картины на камнях древнейших,
Что солью рождены с песком.

Друзей, как те картины, разных,
С тобой — об камень и об лёд,
Не знающих целебней грязи,
Чем грязь с потрёпанных колёс;

И многотравье с многоцветьем
В чуть видной дымке вековой;
И облаков ветхозаветье
Над без заветной головой.

Кровавый сердолик заката
Рифлёные твердыни гор,
Где спят погибшие солдаты
Лицом на баренцев простор,

Штурмует в лоб; и ржа снарядов,
Осколки мин, камней, костей
Горят в его дрожащей, пряной
Невыносимой красоте.

Война... Любовь... Печаль без горя;
Ни слов, ни песен, ни молитв.
И дышишь ты как это море:
Прилив — отлив, прилив — отлив.

Как небо, дух твой — светлый, тёмный;
И скалясь от острот камней,
Даёшь «свечу» с тяжёлой сёмгой,
Резвясь с ней на одной волне.

... И я дошёл... до полной тишины,
Разлитой на десятки километров
Среди лесистых гор в плену зимы,
Озёр и рек, где зачастую ветры
Сбивают снег в бугристый, плотный наст,
Что не удержит разве только лося.
И плоть мою — без крыл, копыт и ласт
Душа в желаниях неясных носит
По плотным и рассыпчатым снегам,
Среди пейзажей, озарённых небом;

Иль дав покой натруженным ногам,
Внимает огненным печным напевам.
И одинокая, и грешная она
Под вечер тянет к рюмке, сигарете.
На «Маяке» бурлит моя страна;
Я рад ему, как радуются дети
Киндерсюрпризам, чипсам и сладостям.
Но слабо помогает эта пища
Течь плавно мыслям и уйти страстям,
И осознать, чего душа здесь ищет.

И тишина с теплыню от печи
Прильнёт ко мне, за голову обнимет;
И вспомню всех, кто ждёт меня в ночи,
И днём; и любят, и любого примут.
И в час, когда гляжу, давя на бок,
Сквозь крест окна на звёздное мерцанье,
Доходит: тишина и есть тот Бог,
Что слышит нервное моё дыханье,
Стон сосен, елей, и испужный лай
Учуявших зверьё собак в вольерах.
И жмёт она всей силой божьих лап
Из горла — с хрипом, свистом — слово веры!..

И так — неделями, наедине
С самим собой, природой, небесами;
И бесами, что корчатся во мне
Пред обмороженных оконцев образами.

* * *

Какая ясность и покой порой осенней!..
Всему и всем быть по местам настало время:
Листва ковром под ноги нам ложится,
И тянутся к рукам лесов плоды;
Исчез химер, пожаров летних дым,
И сердце к мирным хлопотам стремится.

И снова дивное природы увяданье
С собой самими нас торопит на свидание,
Напоминая нам, что все мы смертны,
И что не всё ещё дорешено,
И кое что, хвала Творца, Ещё грешно;
И нам за всё воздастся в полной мере.

И с каждым днём грусней и чище лица,
И больше трепета и красочности в листьях;
А по утрам ребячий смех всё звонче;

И явственно закон эдемских лет:
Чем соловей и горле пот, тем слаще хлеб.

И всё короче дни, и тише ночи...

* * *

Растаял самый длинный день.
И перламутровое небо
В озёрной нежится воде.
И за полночь уже. А слева

Всё те же горные хребты,
А справа тянется дорога.
Кольшет ветерок кусты;
Кольшет суета тень Бога,

Что вечной стрелкой по душе
Скользит, упав от солнца к ночи...

... День новый близится уже;
И будет он уже короче.

ЕКАТЕРИНА ГЛАДЫШЕВСКАЯ

Екатерина Александровна Гладышевская – эксперт литературного форума-фестиваля «Капитан Грэй». Поэт, журналист, член Союза российских писателей. Закончила с отличием магистратуру Мурманского арктического государственного университета по специальности «Мультимедийная журналистика». Автор книг «Другое лицо», «Перегорело», «Наизнанку». Один из организаторов проекта «Девушка с яблоком».

МОЛИТВА

*Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.*

К. Симонов

Я привыкла стоять у края, смотреть во мрак,
Рисовать из частичек тьмы когнитивный ад.
Но однажды увидев в саже фантом добра,
Ты уже никогда не сделаешь шаг назад.

На ладонях моих теперь — череда борозд
От запаянных страхом тревог в тесноте горсти.
План безумен и плох, но от этого смел и прост:
Так стоять, пока свет не вернётся меня спасти.

И пускай день за месяц на проклятом том краю,
Вдалеке от привычного быта — на той войне.
Мой мерцающий свет, ты молитву услышь мою,
Со щитом. Навсегда. Поскорей воротись ко мне.

В ПАРАЛЛЕЛЬНОЙ ВСЕЛЕННОЙ

В параллельной вселенной Тальков и Высоцкий живы:
Выступают бесплатно в ДК на уютных сценах.
В ней не знают о том, как от страха кровь стынет в жилах.
В ней нет места слезам, и на счастье не задран ценник.

Каждый путь безошибочно верно приводит к цели,
Раскрывая секреты для тех, кто того достоин.
Наш построенный мир идеально красив и целен.
Ты глядишь на меня и целуешь мои ладони.

Осторожно рассвет распушает твои ресницы,
Заполняя дремавшее утро его основой.
И пока этот сказочный миг продолжает сниться,
В параллельной вселенной меня ты отыщешь снова.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ НЕЖНОСТИ

Дай хоть последней нежностью выстелить твой уходящий шаг.

Вл. Маяковский

Смотав узоры волшебных баек
В клубок из пряжи осенне-рыжей,
Уставший Карлсон засыпает
Под мягким пледом на старой крыше.

А где-то там, где деревья выше,
И слаще воздух, мой дивный honey,
Прохладный город огнями выжжен,
И ночь глотает твое дыхание.

Когда, поведай, мы стали ближе?
Сквозь призму теплого мукузани
Ты снова видишь, как кожу лижет
Хмельное пламя моих касаний.

И эта нежность пьянит и манит,
Любые раны способна штопать.
Душа без нежности — брешь в кармане,
В которой вечно теряешь что-то.

Рассвет смущенно в окошки брызжет,
И блики солнца в тенях играют.
Мне снится небо над старой крышей.
И мы босые стоим у края.

Юлия Александровна Колмогорова – друг и пресс-секретарь литературного форума-фестиваля «Капитан Грэй». Дипломант фестиваля «Под сенью Трифона». Лауреат фестиваля «Капитан Грэй». Участница всероссийского литературного форума им. Н. С. Гумилёва «Осиянное слово» в Переделкине. Печаталась в сборнике «Зелёная гостиная», альманахе «Ваенга», антологии «Отсюда начинается Россия», газете «Североморские вести». Участница международного Славянского Хода 2018. Участница ЛитО «Зелёная гостиная» г. Североморска. Автор книги «Танцуй всегда», изданной на средства гранта Губернатора Мурманской области.

* * *

Сотни домов под озябшими крышами
Воздуха просят ртами оконными.
Хочется крикнуть — да так, чтоб услышали,
Чтобы поверили, чтобы запомнили.

Каждое слово чтоб было — как исповедь,
Чтобы — до слёз, до сердечного трепета.
Доброе — славить, а гиблое — высмеять.
Чтобы не стыдно было на свете том.

Не докричаться до человека мне,
Сила была — да как будто и вышла вся.
Снова иду я к Небесному Лекарю,
Чтобы мой голос окреп и услышался.

Шла по улице осенней,
Солнцем ласковым согрета.
В парке под кустом сирени
Похмелялись три поэта.

На скамейке стол накрыли,
Сигареты в пальцах мяли,
Приглашали выпить с ними.
«Нет», — ответила, — «Едва ли».

Пиво пенилось, шипело,
И шуршал пакет с закуской...
Только вот какое дело —
Стало мне отчасти грустно.

Уходила в разных чувствах
Думала: как это странно,
Если пить не научусь я,
То поэтом вряд ли стану.

* * *

Танцуй всегда, до конца времен,
Не помня чисел, не зная имён.
По стёклам, карнизам и проводам,
Забыв, как внутри звенит пустота.

Не видя лиц и не слыша фраз,
Танцуй как будто в последний раз.
Не ведая боли, не помня зла
Того, от кого ты себя спасла.

Отчаянно, дерзко, забыв про страх
Танцуй в переулках, на площадях.
Выстрадав истину, выплакав власть...
Жизнь — это танец, не смей упасть!

Слышишь? Время подходит к концу.
Ты просто танцуй, танцуй, танцуй....

ЕЛЕНА ЗАХАРОВА

Елена Олеговна Захарова – друг, фотограф и обозреватель литературного форума-фестиваля «Капитан Грэй». Поэт, журналист, член Союза писателей России, член Союза журналистов России. Автор книги «Плакать нельзя». Один из организаторов проекта «Девушка с яблоком». Обладатель Гран-при фестиваля-форума «Капитан Грэй» и участник всероссийского форума им. Н. С. Гумилёва «Осиянное слово» (2016 г.). Живет в г. Североморске.

* * *

Чёрен с утра восток,
Тучи стянуло — влёт.
Трудится водосток:
Нынче изрядно льёт.

В комнатах — ни души.
Стеклами дребезжа,
Форточка мельтешит.
Ставни проела ржа,

Краска висит тряпьем,
В крыше не счесть прорех...
Горестное житьё.
Только унынье — грех.

Хоть и трещит хребет,
Держится молодцом
Одноэтажный дед
С выщербленным крыльцом.

Помнит, как терпкий дым
В небо стелил тропу.
Помнит, как был любим.
Благодарит судьбу.

ПЛАКАТЬ НЕЛЬЗЯ

Плакать нельзя. Только как же ей справиться?
Дочке надежду не дарят врачи.
Нужно обнять, обещать, что поправится.
И улыбнуться. И куклу вручить...

Ночь напролёт он проплакал, как маленький:
Завтра жену из роддома встречать
Будет одну... Надо взять её за руки.
Лучше — за плечи обнять. И молчать...

Утром привычно она управляется,
Ловко меняя под мужем бельё.
Он неподвижен. Она — не ломается.
Только хudeет. Но слёзы не льёт...

Всё это — не о железном характере.
В чёрное горе, как в пропасть, скользя, Глядя
в глаза угасающей матери,
Сын улыбается. Плакать нельзя...

* * *

Если б ты хоть на миг перестал в меня верить и помнить
То, что не было с нами и быть никогда не могло,
Я бы в ночь сорвалась из годами насиженных комнат
Синей птицей и вновь на осколки разбила стекло.
И впустила в твой дом свое небо, и звезды, и воздух,
Накликая беду, а наутро — простыл бы и след.
Не затем, что о чем-то жалеть не ко времени поздно —
Никогда не жалела погибельных полупобед.
Не желала вернуть или даже вернуться в начало,
К тем прохладным истокам весной очарованных рек...
Просто помни о том, чего с нами вовек не случилось.
И о том, что ещё не случится — теперь и вовек.

ДАРЬЯ ВЫСОЦКАЯ

Дарья Николаевна Высоцкая – член оргкомитета литературного форума-фестиваля «Капитан Грэй». Автор поэтических сборников «Будь на моей стороне», «Русалка на берегу», член Союза писателей России. Один из организаторов проекта «Девушка с яблоком». Голос и один из авторов проекта «Стихогения».

* * *

Это всегда, в каждом доме живет печаль,
где-то в углу; домочадцам кажется пылью.
Только немым на вопросы не отвечать,
только глупцам кажется все очевидным.

Сколько ни убирай, а всех слез не вытрешь,
и одиночество спрячется за пальто.
Каждый счастливый день — это просто выигрыш,
пыль в теплый день проберется через окно.

Если полюбишь, хоть люди — дикие звери,
мясо живое зубами рвут от костей,
печаль выходит и за собой закрывает двери,
но забирает всегда запасные ключи.

* * *

тот ребенок, что требует: «дай мне» ,
тот ребенок, что отвечает: «льзя» ,
тот ребенок, что смеется,
уворачиваясь, прикрывает бока,
жив во мне.
тот ребенок, что ночью сидит на подоконнике,
наблюдая как машины оставляют
Кольскому проспекту
немного огня,
только теперь
никто не говорит тому ребенку:
«пора спать».

* * *

В этих поисках новых пространств,
рынков сбыта и вечных истин,
я, сменивший пятнадцать стран,
стал совсем без тебя невыносим.
Я, бежавший так подло от
обязательств и слова «должен»,
стал ненужный себе идиот,
чемодан без ручек и ножек.
Я, в наклейках для багажа,
нарезаю круги по ленте

и молюсь Иисусу и Джа,
Кришне, Шиве, богине Весте,
лишь о том, чтоб к твоей двери
чемодан без ручек и ножек,
аккуратно сложив, привезли,
ты увидишь, скажешь: «А может,
ты все понял, устал». Теперь
все починишь, но постоянство
снова гонит меня за дверь:
чемодан придуман для странствий.

ЕКАТЕРИНА ЯКОВЛЕВА

Яковлева Екатерина Викторовна – эксперт литературного форума-фестиваля «Капитан Грэй».

Поэт, член Союза писателей России. Участница Международной писательской программы в Шанхае (2016 г), Третьего интернационального поэтического фестиваля во Вьетнаме (2019 г). В 2014 году – лауреат II степени в номинации «Поэзия» всероссийского литературного форума имени Н. Гумилева «Осиянное слово» в Перedelкинe. Лауреат Всероссийской премии имени первого редактора «Литературной газеты» Антона Дельвига «За верность Слову и Отечеству» (2016). Автор книг «Неба неземное притяжение» (Мурманск, 2003 г.) и «Дай мне целое» (Мурманск, 2015г). Переведена на китайский, арабский, норвежский языки.

* * *

Если не к вину идёшь с
повинной,
Если болен фразой-
Так светло, что видно
сердцевину
Собственного глаза.

И людей ходячие развалины,
Что и глянуть тошно,
В общей массе кажутся
разваренной
До шоре картошкой.

Если досаждаёт вдруг
прилипчивый
Пуританский социум,
То сорви, хотя бы для приличия,
Фиговое солнце.

Что ж, что ты молчания
поборник,
Мстительное слово,
Как пришедший из лесу
разбойник,
Жаждет крова.

* * *

Всерьёз, на невидимых нам
лоскутках,
Смыкаются крохотных пальцев
замочки.
И спряталось солнце в тугих
завитках
Ушных амарантовых раковин
дочки.

И только попробован жизни
пирог,
Присыпанный радости розовой
стружкой,

На бархатном плечике тает перо.
Конечно же, ангел... какая
подушка?

Ни взрослые, ни трикотажный
комбез,
Ещё не мешают, с проворностью
ленной,
Срывать этикетку лазурных
небес
С игрушечной, даренной Богом, Вселенной.

* * *

Ветер гладит, как твоя рука—
Только нежность до
изнеможения.
Облака плывут наверняка—
В сторону обратную
скольжению.

На ресницы брызжет синий цвет—
Настежь колокольчика калитка,
Самой расторопной из карет
Мчится босоногая улитка.

Чувствам все никак не
обмельеть,
Под пыхтенье пихт, сопенье
сосен.
В час, когда ни жить, ни умереть
Почему так этот мир несносен?

Мой покой капризом унесен
Не слепого, но глухого случая:
То с любой песчинкой в унисон,
То с горой ни одного созвучия.

НАДЕЖДА КОМАРОВА

Надежда Сергеевна Комарова – друг литературного форума-фестиваля «Капитан Грэй». Журналист-фрилансер, активист-общественник, работает с музыкальными коллективами. С 2021 года участник координационного бюро СМЛ МО. Родилась и живет в подмосковном Красногорске. Печаталась в альманахах и сборниках, включая международные.

* * *

Толпы глядят на небесную сцену,
Есть там сегодня на что посмотреть:
Солнце пытается справиться с тенью.
Солнце устало – осталась лишь треть.

Я улыбаюсь на оклик весенний:
Знаю, что ждёт (как всегда) впереди...
... Солнце пытается справиться с тенью –
И непременно её победит!

Прочь недоверье, долой полумеры!
Летом палящим и льдистой зимой –
Годы, столетья, эпохи и эры
Солнце с крошечной сражается тьмой.

Нам бы – без страха за ним устремиться...
Пусть ты когда-то чего-то не смог –
В сердце у каждого света частица.
Будем как солнце – и будем как Бог...

Птицами строки рванулись на волю.
Маленьким солнцем толкаясь в груди,
Светлое Чувство сражается с болью –
И непременно её победит!

... Время распутывать хитросплетенья.
С неба раскланивается весна...
... Солнце пытается справиться с тенью.
Солнце сильнее. И солнце – за нас.

* * *

Рельсы, шпалы, усталые лица
Солнце августа делят на дольки.
Мы с тобой опоздали родиться,
Пропустили Вудсток. И не только...

Потускнел фотохроники глянец.
В нашем плеере горстка сокровищ -
Голоса наркоманов и пьяниц.
Мы одной с ними огненной крови...

Тех же музык цветочные дети,
Научились любить без истерик,
Ни ментов не бояться, ни смерти
И политикам лживым не верить.

Пусть и выросли мы вне комунны,
Всё впитали – от герца до герца.
Вдохновенья натянуты струны
И звенят, резонируя с сердцем...

То, что истинно, ввек не прервётся.
Днём ли ясным, кромешной ли ночью –
Каждый носит в себе своё солнце,
В каждом жив свой Вудсток, если хочешь.

... Долог путь. Рядом новые лица.
Чужеродные этой системе,
Мы с тобой опоздали родиться...
... Но сейчас тоже – самое время!

Пропуск сквозь километры и годы –
Два потёртых счастливых билета.
В нашем поезде – рок и свобода.
В нашем поезде вечное лето...

* * *

Стихи, написанные во время поездки в ДНР в сентябре 2022 года...

От пастельно-голубого
До оттенка «тёмный хром» –
Ватман неба разлинован
Золотистым сентябрём.

День бликует тёргой цедрой,
Цитрусовым конфетти.
Километры, километры...
Я привычная к пути.

Все поля – латунь, да бронза,
Да заката сплав рябой.
Вслед за мной бегут берёзы
Белотелою гурьбой.

Не догонят. Я быстрее.
С неба тянутся огни
Параллелью. Уцелею?
Ангел всё ещё хранит?..

Вспышки, кровь, протуберанцы –
Не заря, а южный фронт...
И чахоточным румянцем
Доцветает горизонт.

Кто-то навий ночь разбавил
Воем войн и зельем зим.
... Но встанёт за мной не ангел –
Шестикрылый Серафим.

* * *

Громыкает, громыкает...
С золотых покровов храма
Растревоженные стаи
Заметались, унеслись.
Осень тёплая, сухая
То подсветит панораму,
То ветрами налетает,
Туч разматывая флис.

Громыкает, громыкает.
Говорят смотреть под ноги –
И я вглядываюсь в тени.
Спуск с огарками домов –
В шрамах, что не заживают,
И деревья, и дороги,
Стены, цоколи, ступени...
Сто штормов ли, сто шумов –

Громыкает. Но сентябрь
Морем солнечным безбрежным
Улучшает день немножко,
Гасит изначальный шок.
Сильным делается слабый.
И глядит на нас с надеждой
Глуховатый хромоножка
Привокзальный пёс Дружок...

* * *

Каждый третий дом – горевший
И в пробоинах сквозных.
Здесь идёт ремонт, а рядом
Не заделана воронка.
Целиком подъезд осевший
От стены и до стены,
Через улицу – снарядом
Перебит заборчик тонкий.
Вот – ни дома и ни сада,
Пепелище, пустота.
Там – руины драмтеатра.
Окна выбиты повсюду.
В пыльно-ржавых баррикадах
За рекою Азовсталь.
Как в кино, мелькают кадры,
Выше – цвета незабудок
Яркий-яркий неба купол.
Чёрных контуров контраст...
То, что виделось бесценным,
Март пожарами повеял.
Этот мирный Мариуполь
Так похож на Сталинград
С фотохроники военной,
Собранной в сороковые.

* * *

Тополя и абрикосы,
Вспышки редкие рябин.
По дороге двухполосной –
До глубинки и глубин
Несгибаемого духа
Тех, что победить нельзя.
Здесь не хаос, не разруха –
Здесь славянская стезя.
Лесополосы, посадки
И поля-поля-поля...
День чудесный, воздух сладкий,
Благодатная земля,
Солнце – чистый яхонт редкий
В сотни, тысячи карат...

Вдоль дороги табуретки:
Предлагают виноград –
Свой, впитавший силу лета,
Веры, правды и любви.
Через пару километров –
Танк с огромной буквой V.
Я, дитя живой планеты,
Как любой подсолнух тут,
Поворачиваюсь к свету –
И наверное, расту...

* * *

Повод есть вернуться очень веский
В этот край израненных степей:
Рок-н-ролл рождается в Донецке –
На все сто уверена теперь.

Он ушёл из Англии и Штатов,
Из столиц пересыщенных, глухих.
Здесь теперь палат – сродни «сармату» –
По врагу и песни, и стихи!

Сцена им – поля и терриконы.
Тополя – и фендер, и лес пол.
Я иду на этот зов знакомый:
Я всегда любила рок-н-ролл.

Тихо, но упрямо подпеваю
Всем, кто крепко сердцем в город вшит:
Как бы ни задвигалась кривая,
Здесь хочу остаться – чтобы жить.

Повод есть вернуться очень веский
К тем, кому отныне как сестра:
Рок-н-ролл рождается в Донецке,
Чтобы никогда не умирать.

РАБОТЫ УЧАСТНИКОВ ФЕСТИВАЛЯ

ЕЛИЗАВЕТА ГРЕМЯЧЕВСКАЯ

г. Чудово, Новгородская область

МОЛИТВА

Ждала письма, боялась новостей.
Супруг почти полгода, как на фронте.
Что делать? Как спасти своих детей
От зарева войны на горизонте?

Как объяснить родимым, где отец?
Такое разве объяснишь ребёнку?
Наш воин... Наш защитник, наш храбрец...
Убереги Господь от похоронки!

В светлице, на коленях, у икон
Молилась, по щекам стекали слёзы:
«Прошу, пусть поскорей вернётся он,
Не сгинет в лютый холод и морозы,

Молю, пускай обходят стороной
Его и смерть, и голод, и раненья.
Я заклинаю! Возвратись живой!»
Платком утёрлась, затекли колени.

Стучат в окно... Всё замерло внутри...
Едва стоит, держась за подоконник...
Нет! Здесь не похоронка! Посмотри!
Здесь без конверта жёлтый треугольник!

Вот пишет: «...время мало... утром в бой...
Был ранен, но поправился... как дети?»
На лавку опустилась: «Он — живой!
Выходит, есть Господь на белом свете!»

ДУША

Когда душа исторгнется из тела,
Благоговейно устремившись ввысь,
Ты над лицом моим, мертвецки-белым,
В смятенье чувств безропотно склонись.

Но слёз не лей — мы встретимся однажды.
В Божественной прохладе облаков,
Где больше нет ни голода, ни жажды,
Ни алчности, ни страсти, ни оков.

КУКУШКА

Всякая птица несёт червей
В клюве своём птенцу,
Кроме кукушки, но есть и ей
Место в моём лесу.

Птицы судачат наперебой,
Дескать, плохая мать,
Только вот ей суждено судьбой
Людам года считать.

Краше и ярче иных в лесах
Сказочный мухомор
Алая шапочка — ах краса!
Только вот с давних пор

Знают все люди: его наряд,
Хоть привлекает взор,
Хитро хранит смертоносный яд,
И не годится в сбор.

Роза. Чарующий аромат,
Нежные лепестки...
Неповторимая! Тешь свой взгляд,
Но не тяни руки.

Быстро остудит она твой пыл.
Так ли и хороша,
В пальцы вонзая свои шипы,
Острые, как кинжал?

Так же и люди: чужим словам
Верить ты не спеши.
Каждый на свете решает сам,
Как он желает жить.

Это свобода, и в этом нам,
В сущности, повезло:
Каждый на свете решает сам,
Что есть добро и зло.

МАРИЯ ГУНЕР (МЭРИ ДАРК)

г. Сестрорецк, Санкт-Петербург

ВСТУПЛЕНИЕ К СОБСТВЕННОМУ ПЕРЕВОДУ ПЬЕСЫ ШЕКСПИРА «РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА»

Ничего личного, ничего лишнего.
Здесь просто шахматы, просто игра.
И от других ничего нет отличного.
Просто солдаты. Война есть война.
Король с королевой грязною кровью
Руки запачкать не могут себе,
Поэтому смертную лютую бойню
Оставили пешкам на этой войне.
Юношам, девушкам рода и племени
С бьющимся сердцем в горящей груди.
Только не сдюжили лютого бремени,
Пленными стали банальной любви.
Чёрные, белые – всё одинаково.
Мы перед Богом равно немые.
Всё в них рвалось, прерывалось и плакало:
«Мы разные кланы! Мы драться должны!»
Ненависть жгучая всё нам порушила,
Жить помешала, дышать и любить.
Война королевская пешкам наскучила.
Они по-другому хотели пожить.
Чёрные, белые клетки сливаются.
Пешки на поле бок о бок лежат.
Они не враждуют уже, не сражаются.
Вместе навеки хоть в рай и хоть в ад!
Дорого стоили игры фальшивые.
Из-за чего, для чего не пойму.
Кем бы в игре эти шахматы ни были,
Кем бы в итоге те игры не выиграны
Падают вместе в коробку одну.

ДИАЛОГ ИЗ ПОЭМЫ «О ВРЕМЕНА, О НРАВЫ!»

— Я никогда против вас не пойду,
Обо всём, что случилось забуду навечно.
За награду, на пытки и пьяном бреду
Не скажу ничего, моё слово конечно.
Я уйду, никогда, ни за чем не вернусь.
Всё, что есть, навсегда раствориться в закате.
Чем могу, на века, на столетья, клянусь:
Растворюсь, и следа не оставив на карте.
Ни имен, ни фамилий, ни дат, ни вещей,
Ничего не оставлю вам в память об этом.
Я любил вас, как золото любит Кощей,
Но ушел на перрон, с невозвратным билетом.
Невиновен я был, то жестокий обман.
Оклеветан, унижен, растоптан, отвергнут,
Я простил, только вы, с судьбоносной любви капитан.
Ещё вспомните друга, который был предан.
— Слова дурного тебе не скажу,
Гневного взгляда во след не брошу.
В реку топиться, не жди, не пойду
И к коню под копыта не брошусь.
Позабуду слова и признанья твои,
Все письма сожгу в камине.
Ты предатель и трус, уходи же, беги.
Мои руки не станут твоими!
Под балконом тебя я не стану искать
И во сне мне не надо являться.
На тебя на ромашке не буду гадать,
Ты не смей больше здесь появляться.
Из башни меня не тебе выручать,
Мой платок не тебе предназначен.
В один день с тобою не мне умирать,
Тот ключик от сердца утрачен.
Как жаль, что ушёл ты уже навсегда
И след твой остыл на дороге.
Прокричала во след тебе эти слова.
Я кричала их плача от боли.

АРТЁМ ГОРШЕНИН

г. Санкт-Петербург

* * *

Избушка старая гниёт:
Труха сочится, брызжут стёкла.
Никто с поверхности посёлка
Не будет удалять её –

Жильцы давно погребены,
Наследники плевать хотели.
Очередной рубец на теле
Аграрной некогда страны.

* * *

Я в детстве сильно заикался.
Всех больше были не в чести
Слова на «Б», на «П». И в классе,
Пытаясь их произнести,
Рот будто пробкой затыкался.

Частенько школьники дразнили,
Бывало, плакал из-за них.
Учителя боролись с ними,
Но кто же не дразнил заик?
Нравоченья тут бессильны.

У логопеда был излечен,
Но помню до сих пор о том,
Что человек с дефектом речи
В беседе реже опрометчив,
И цену слову знает он.

* * *

Ковыряет ворон тишину
Вечером в пустом осеннем сквере.
Как безумец, вдруг пришедший к вере,
Проклял всё, на что бы не взглянул:

Карусель, карнизы и картон,
И кортеж шикарный, и каршеринг,
Кара и тебе грозит, Горшенин,
Перегар к себе несущий в дом.

Укоряешь ты, каркуша, зря –
Пользы в этом никакой. Ну пил я!
Ты с рожденья получаешь крылья –
Я, родившись, крылья потерял.

УТРО В ОФИСЕ

Ещё не слышен щебет телефонов,
Не щиплет степлер лист, копир молчит,
И словно между сосен солнце сонно
Сквозь жалюзи льёт первые лучи.

Проходишь мимо мониторов спящих,
Не задевая стебли проводов.
Ты здесь лишь месяц и встаёшь всех раньше,
Ты ко всему здесь должен быть готов.

И воду родниковую лакая
Из кулера, пытаешься понять,
Доволен ли средою обитания?
А может заблудился ты опять?

* * *

Птица то туда-сюда, то никуда.
Птица бесконечно молода.
Игорь Лазунин

Разве птице есть куда стремиться?
Целый мир у птицы под рукой.
На домах крошится черепица –
Птица будет вечно молодой.

Бороздит просторы атмосферы,
Может даже облако пырнуть.
Я уверен, что любые звери
Захотели б встать на птичий путь,

Что полётом грезит мозг звериный,
Что во сне летают лось и рысь.
И не оттого ли так дельфины
Из родной стихии рвутся ввысь?

Каждый бы хотел над миром взвиться,
Кто надолго, кто минут на пять.
Но хотят ли быть самою птицей,
Той, что даже не о чем мечтать?

КУКУШКА

Кукушка – прирождённая убийца:
Как вылупится, сбрасывает вниз
Другие яйца. Отнимает жизнь.
Чужая мать покормит и смирится.

Кукушке взрослой тоже чужда жалость,
Ведь ею был подброшен тот птенец.
Вот существо, что знает всё про смерть.
Скажи, кукушка, сколько мне осталось?

СВЕТЛАНА КОЛОТУШКИНА

г. Великий Новгород

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

столетию

1.

Война без права на победу –
гражданская война.
Стучат колёса: еду, еду
от света до темна...
...И вот уже темно – нет силы –
уже не разберёшь:
где колыбели, где могилы,
где истина, где ложь.
Стучат колёса, поезд мчится,
сметая на пути
законы,
 принципы,
границы,
друзей испуганные лица –
мой ужас длится-
 длится-
 длится...

О Господи, прости
и помоги остановиться!

2.

С трудом рождались светлые слова
над тёмною жестокостью момента,
как облака, ползущие едва
над пересохшей кожей континента.
Настало время вылиться дождю –
сердца мертвы, как в засуху саванна...
Но слёз не стало.
Вечному вождю –
Осанна!

3.

Мы сдавали в багаж
по квитанции,
с верной отдачей:
первомайские праздники, шарик, салют, оливье.
Остановка.
Смотритель тревожною тенью маячит,
появляясь внезапно уродливой рожей в окне.
Весь он свой,
из таких,
что особо и не рассуждают,
а врезают по шее, по-матери, по стописят.
Воздух дёрнулся.
Поезд скукоженный шарик качает,
и прозрачные полосы
в гаснущем небе висят.

4.

Безмятежное счастье чревато мятежным протестом –
избалованной воле не сжаться в тугую пружину.
Осознать, что служил лишь прокладкой меж книгой и креслом –
это прям как с размаху в поддых, а бывает и в спину,
это прямо до боли, до вопля в пустой ойкумене –
безмятежное счастье, вернись, беспринципный предатель!
Но тарачатся дни и испуганно жмутся недели,
Приближая судьбу к неизбежно-трагической дате.

* * *

Скажи мне, что за гранью этой грани,
когда засохли на окне герани,
да и само окно рассохлось в щели,
а подновить, похоже, не успели.
Когда труба на помертвевшей крыше
уже который месяц как не дышит,
а яблони в некошеном саду
надломлено предчувствуют беду?
Скажи мне, что за гранью этой боли,
когда бурьяном зарастает поле,
разрушены и клуб, и сельсовет,
в живых ни одного домишки нет
и лишь часовней посреди погоста

торчит водонапорной башни остов?
Что делать, если жизнь сама на грани?
– Не дать засохнуть на окне герани...

ЕКАТЕРИНА НЕКРАСОВА

г. Северодвинск

* * *

Марки вставляла в резной альбом,
Песни играла грустные,
Город смотрел на меня окном,
Улицами безусыми.

Трубы заводов, морская гладь,
Ржавые сосны Родины,
Если бы только могла я знать,
Сколько здесь будет пройдено

Тайных тропинок, больших дорог,
Станных уроков жизненных.
Так, вероятно, приходят в срок,
К людям простые истины.

Я не хотела взрослеть скорей,
Все убегала в прошлое,
Девочка-бемби, бумажный змей,
Платье в смешных горошинах...

Вот и осталась на глубине
Бурной пучины памяти,
Как субмарина вчерашних дней,
Как обветшалый памятник.

* **

Летел трамвай и пели облака
И я смотрела на дома и камни..
Февраль мы пережили, а пока
Весна июню отворила ставни.

Я научилась в мае не грустить,
И отпускать, как пойманную рыбу,
Всех тех, кого не в силах разлюбить..
Я научилась, Господи, спасибо!

И в скомканных доспехах бытия,
Наш мир застыл натужно улыбаясь.
А вместе с ним застыли ты и я,
В отжившее внезапно превращаясь.

Нам вечера горячее плечо
Апрель подставит весело и звонко,
Но лопнет барабанной перепонкой
Наш мир, и по вселенной потечет.

ДИАНА ЛУГИНИНА

г. Омск

* * *

Да ничего, что будни - в крошево.
Как говорится, не впервой.
Лежу как одуванчик скошена,
упав в подушку головой.

Пускай по-желтому наивная,
но я – живучая трава.
Еще взойду. Хотя обидно мне,
что срезал, а не оборвал.

Мол, не цветок - сорняк, напрасная
и стебелек внутри пустой.
А я всегда была лекарственной.
И мне не стыдно быть простой.

* * *

Я консервирую момент.
Пишу - закатываю банки.
Быть может на десяток лет,
а может от давленья бахнет
уже к утру. Признаться, мне
не привыкать мести осколки.
Страшнее - раздавать семье
свои закатки с книжной полки:
им не по вкусу может быть
ингредиент, дающий горечь.

Пишу не для того, чтоб сбить –
ассортимент не для застолий:
в былое чувство ложкой влезть,
чтоб смаковать то боль, то радость.

Но с тем делюсь, в ком тоже есть
такая маленькая слабость.

* * *

«Ты большая в любви, ты смелая...»

Е.А. Евтушенко

По нежным травам катится роса.
Нет, не сочту ни слабаком, ни трусом.
Ты городской. Ты попросту не знал,
что делать со стихийным, диким чувством.

Тебе нужна известная тропа,
а вместо неба - кровельная крыша.
Следы еще не заросли - ступай,
гляди под ноги, крика птиц не слыша.

А в дни, когда захочешь навестить,
взгляни на блеск на безымянной пальце.
Меня не нужно никуда нести.
И никогда ко мне не прикасайся.

* * *

1.
Ссыпáли зерно на расстеленный полог.
Я помню, как ветер кружил шелуху,
пока разрастались пшеничные горы.
Шуршание зерен, вкус пыли во рту.

Мы втайне от деда босыми ногами
тонули, взбираясь по склонам наверх –
то каплей дождя, то лавиной пуская
друг другу за шиворот будущий хлеб.

Мы знали, что дед будет очень рассержен.
Но нам, бестолковым, за жизнь не постичь
тот трепет, почти что отцовскую нежность,
с которой пшеницу держал он в горсти

2.
Учил меня и в шахматы, и в карты,
и брал с собой на ниве по полям,
и грузди собирать, и чистить карпов,
но доедать суп молча заставлял.

Учил прощать любой каприз природы.
А что теперь? В последний мой приезд
дед заключил: «В семье не без урода»,
забыв, как произносится «Привет».

А я стою, не подавая виду.
А я смогу обнять и пошутить.
Ведь знаю, что остывшую обиду,
зажмурившись, возможно проглотить.

КИРА ОСМАНОВА

г. Санкт-Петербург

* * *

Ты думал, это вечно будет нашим —
Словесный мир, словесная война.
Но ничего не вылетит однажды,
И что тогда ловить — и не поймать?

Не воробей, не воробей. А как же,
А что теперь, а где мои, ну нет,
Не может быть. Утешь себя, что каждый
С таким способен справиться вполне.

Сидишь часами, смотришь в пыльный угол
И чувствуешь, как жалок сам и стар.
И ничего не нужно, кроме звука,
Точней — возможности его издать.

* * *

И столько раз ты от восторга взвизгивал,
Что помнишь — примитивен этот визг.
Вот стая чёрных птиц — похожа издали
На горстку перца, брошенную ввысь.

Последний штрих, приправа характерная,
Закат, уже запёкшийся почти...
Собраться бы, пока не всё потеряно,
И форму подходящую найти

Для содержания незамысловатого
(Которое, поди ж ты, обожгло) —
Чтоб стали безошибочны слова твои,
И описание вкуса превзошло

Сам вкус, в итоге. Лакомое зарево,
Горячий воздух, солнца медальон...
Порою мимолётная, казалось бы,
Подробность — а покоя не даёт.

Всё думаешь, какой ты мудрый, опытный,
Поэзии владеешь языком.
Но этот перец на свекольном облаке...
Да как вообще расскажешь о таком?

* * *

«Ни в горести, ни в счастье
Меня Ты не покинь».
Средневековый мастер
Тачает сапоги.

Остра его иголка,
Стежки его ровны.
Он думает — насколько
Грехи его страшны.

Работает на совесть,
Винится от души.
Он верит, что спасётся,
Коль скоро будет шить.

Ведёт он кропотливо
Замысловатый шов.
«Моя Тебе молитва —
Вот этот сапожок».

* * *

И кашлянуло радио в углу,
И выдало: «В эфире книжный клуб...»,
А дальше зашипело что есть силы.
Какая старомодная нужда —
Прочитанные книги обсуждать,
Почти всегда — с несообразным пылом.

«О горе мне!» — цитаты предстоят,
«О злы мои страданья!». Это я

Предупреждаю сразу, что как только
Такое слышу, — подступает гнев:
Кому потребна, непонятно мне,
Чужая субъективная трактовка?

Наверно, кто-то, кто давно один,
Под радиоприёмником сидит,
Отсутствием масштабных смыслов сломлен.
Но всё, что приключается с людьми,
Вписать возможно в подходящий миф,
Своим не упиваясь многословьем.

Я выбрала спокойствие хранить.
Избави бог от этой болтовни,
От этих псевдоумствований гнусных.
И кто решит смолчать — тот будет прав.
Меня никто с собою не забрал.
Ко мне никто в итоге не вернулся.

О чём велась в той передаче речь:
О мести уязвлённых дочерей?
О женщине, оставленной в Коринфе?
Я никого на свете не люблю.
Вот разве только — радио в углу,
Которое с тех пор не говорило.

* * *

«Это вальдшнеп!» —
последнее, что слышит перед выстрелом
изумлённая птица.
Названной погибает.
«Румпельштильцхен!» —
выкрикивает мать,
у которой не осталось больше попыток.
Только бы не ошибиться.

МАРИЯ СМИРНОВА (ЭРЕ ТИА)

(г. Питкяранте, республика Карелия)

ТРАМВАЙНОЕ

Этот трамвай — матёрее всех трамваев!
Его как будто создал Трамвайный Бог!
— За двадцать минут от Лиговки успевает
До Пестеля, гремя, как гигантский гонг!

Суров, угрюм вожатый его — Петрович,
Кондуктор — рыжий Димка (последний курс).
Для этих двоих дороже любых сокровищ
На свете электрический их скакун!

Петрович статный. Воин — и в фас, и в профиль.
(Вздыхать и восхищенно в глаза смотреть)
Он после штурма Рейхстага вернулся с фронта.
Ему казалось, — жив он всего на треть...

Галдели дети в самом желанном мае.
И город детства встал на его пути.
И город детства встретил его трамваем,
Две трети жизни птицей вложив в груди!

Белая ночь над набережной взмывает.
Трамвай летит наперегонки с Невой.
И медный всадник с коня своего кивает,
Вожатый читит — кивает со своего!

КОНЦЕНТРАЦИЯ НЕБА

Тебе скажут, — Не бейся, молчи, уползи в кусты,
Отлежись и забудь, что рождён для великих дел!
Этот Город-Уньные разводит свои мосты,
Не найдя уголка для тебя одного нигде.
Тебе вспомнят всё то, от чего ты давно бежишь:
Неуменье, сомнение в себе, самый лютый страх...

Этот город — не тучный Висбаден и не Париж,
А в граните застывшая воля царя — Петра.

Тебе здесь не найти ни тепла, ни дельфиновых стай.
Самый солнечный день приключается в январе.
Руки сводит от холода в ливень (считай до ста
Миллиардов, — а он не закончится, хоть зверей!)
Тебе будут твердить, что и небо здесь — пелена,
Что у жителей в жилах — не кровь, а вода Невы...
Вот тогда не сдавайся, дерзай, doplывай до дна,
Находи себя заново, вымокшим, но живым!

На столпе тихий ангел в ночи полирует нимб.
Город-Пропасьть велик и, как море, многоголос.
Ты глядишь в темноту, слыша каменное, — Шагни!
И шагаешь. И вдруг... под стопой проступает мост!

Не бывает, чтоб всё — без усилий и без забот,
Это — Питер, с дворами-колодцами, ты — на дне.
Но в груди резонирует звонкая сила от
Концентрации самого чистого неба в ней.

ЗНАЕШЬ, МАЛЫШ

Знаешь, малыш, — Говорил он почти всегда,
И затем начинались рассказы про облака,
Про людей, дороги, дивные города
И про то, как в июньский полдень нежна река,

Как в просторах лета летит по степи табун
Лунной ночью, вбивая в прерии древний ритм
О свободе и жизни. — Увидишь их, — не забудь
Сохранить в себе огонь их янтарных грив!

— Говорил он. И шляпа съезжала на правый глаз.
И от этого он становился еще чудней.
Я его у костра увидел в последний раз,
На лугу. Он, подмигнув, улыбнулся мне.

Мы сидели вокруг, — малыши, старики, почти
Не дыша. — Говорил он о памяти прошлых войн,
развилках хитрых на нашем земном пути.
И в словах его жило древнее волшебство,

Первозданное, доброе, старше морей и гор,
Невесомое, точно ветер в вечерней мгле.
Мы смотрели, как смехом лучатся глаза его,
Ощущая, — мы здесь и сейчас, вне забот и лет.

И в груди распускалось, как будто весенний сад,
То простое, понятное сердцу, как стебелёк,
Протянувшийся к солнцу. «Оставил не наугад,
А в надежных руках. Чтоб наверняка сберёг»

— На пергаменте витиевато (его рукой).
Рядом — шляпа (как будто не уходил)
На крыльце моём. Вот ведь чудак какой.
А привыкнуть теперь хоть бы достало сил...

Мальши, старики и костёр. Разговоры. Луг.
Я принёс и шляпу с собой. Только всё не то.
Серебринки — звёзды. Шлёт каждая мягкий луч,
Не сказав мне, что делать с внутренней пустотой.

Детский плач стремглав в вечернее небо взлетел.
И я рядом с мальчонкой сел, — Ну, чего грустишь?
— И поправил шляпу (Когда я её надел?),
Вдруг услышав, как говорю, — Знаешь, малыш...

МИЛЛИАРДНОЙ – В КОСМИЧЕСКОМ ОБЛАКЕ

Отче, ответь, — где я буду через сто лет?
— Каплей в море? Или станет широк размах?
Если сутью моей станет свет, — будет ли это солнечный свет?
Если сутью моей станет тьма, — будет ли это звёздная тьма?
Стану ли миллиардной частицей в облаке
В миллионах лет световых?
Укрою ли память свою в том облике,
Что для всех, только не для живых?
Что там? — Рай? Пульсары? Или бессмертие?
Ты всеведущ. Творишь нам путь, — плетешь Ариадны нить.
Об одном прошу, — На каком бы круге, в каком бы безумном столетии
Ни случился апгрейд,
На Землю
меня
верни.

НАТАЛЬЯ ТИМОФЕЕВА

г. Химки

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА

Скрип половиц. Замедленная речь.
Горит теплом разморенная печь,
И рыжий кот растянут на диване.
Щеколда стукнет, загудит в трубе.
Поправлю плед заснувшему тебе. —
День уплывает лодкой в океане.

И, растворяясь в сумерках небес,
Чернеет хлебной корочкою лес.
А после, по законам океана,
Его глотает тёмно-синий мрак,
Где лодку не догнать уже никак, —
Не вытащив удой Левиафана.

Пусть семь потов сойдут во сне веков,
И выйдет Нил из древних берегов,
Плыви себе в видениях Танаха.
Архангел Гавриил наточит меч.
Ветхозаветным гулом дышит печь. —
В ней догорает половица страха.

Увидишь сам, как утром в феврале,
Две первые звезды, взойдя в золе,
По дымоходу вырвутся наружу.
От них пойдут вселенские ростки...
Ну, а пока на лепесток руки
Клади во снах истерзанную душу.

Здесь хорошо. Здесь прост и ясен быт.
И чайник на живом огне кипит.
Вкуснее чай от чабреца с душицей.

Ты будешь чист, проснувшись поутру.
И жизнь начнёшь со снега на ветру
От Иоанна первою страницей.

АТЛАНТИДА

В эту синь как пространство
уходят по одному.
Раздвигается небо руками вселенского солнца.
Ласточки режут теплое утро в дыму,
как режут бисквит.
Из него проливается стронций
и кормит свой выводок лет
бесконечностью полураспада в телесном.
И по канту всего горизонта распахнут рассвет.
А под ним — одиночество моря. И лодка белеет над бездной.
И считай, что ты в лодке. Плынешь тридцать лет в никуда.
Ной когда-то решился. Но был не один на пароме.
Обжигает рассвет и горячая солью вода.
И пульсирует жизнь по артериям в полном объеме.
Два парсека до высадки.
Тянет течением плоть
к неизведанной цели
с одним неизбежным финалом.
Две строки. Взмах весла. Ты пытаешься хоть
оставаться константой сопротивления в малом.

А иначе... Хотя, оступились уже.
Не имеют значенья теперь облака, почерневшие с виду.
По спирали закручен правдиво жестокий сюжет.
Тот, в который Платон погрузил Атлантиду.

УРБАНИСТИЧЕСКИЙ ФЕВРАЛЬ

Не удушающим теплом,
Но лаской февраля холодной
Стекло воспринимаешь лбом
В оконной раме первородной,
Первородящей — так точней
(Ты видишь новый день впервые).
Обрамлены картинно в ней
Река и сосны вековые,
Глубокий снег и тонкий мрак
По длинной нити небосклона

И заживающий овраг
Вдоль складки серого бетона,
И то, как птица чертит путь
Концом крыла по небосводу.
Пора. Ты тоже как-нибудь
В февраль войдёшь, не зная броду,
Чтоб словно белый блик стекла
Дыханием в него вонзиться
И формой своего тепла
На полотне отобразиться.

ЕКАТЕРИНА ГОДВЕР

г. Москва

«НЕОЧЕВИДНОЕ И ВЕРОЯТНОЕ»

Сентябрьским вечером Андрей нашел пачку «Мальборо» на парапете подземного перехода. Распечатанную, но не начатую. С тех пор как он бросил курить, ему постоянно попадались сигареты в самых неожиданных местах: иногда он подбирал их и отдавал соседу по съемной «двушке», иногда, раздраженный накатившим желанием сделать затяжку-другую, выкидывал в ближайшую урну, а чаще всего – не трогал. Но собирався дождь, Андрею стало жалко добра, так что он сунул пачку в карман. И только дома заметил спрятанный за фольгой листок с телефоном: «Нашедшему просьба позвонить».

В голове сразу же возникли сюжеты из шпионских детективов и криминальных новостей. Не став дальше щекотать воображение, Андрей набрал неизвестный номер.

— Здравствуйте, – откликнулся спокойный мужской голос. – Чем могу помочь?

— Я нашел ваши сигареты, – сказал Андрей, не придумав ничего умнее.

— Отлично! – Собеседник оживился, и дальше вопросы посыпались градом: «Как ваше имя?», «Где случилась находка?», «Сколько вам лет?», «Вы курите?».

— Два года как бросил, – сказал Андрей, чувствуя себя круглым дураком. – Простите, но что всё это значит?

— Я с удовольствием всё вам объясню, – пообещал голос в трубке. – Вас не затруднит завтра подъехать на Орджоникидзе, 14?

За следующие пять минут Андрей выяснил, что собеседника зовут Кирилл Зотов и сигареты возвращать ему не нужно. А ещё, что Зотов заведует кафедрой социальных прогнозов Института прикладной психологии и социологии и проводит уникальное исследование, результаты которого намерен опубликовать в серьезном журнале. Поэтому участников необходимо зарегистрировать как полагается.

— Часам к двум нормально будет? — предложил Андрей. Отчасти им двигало любопытство, отчасти — солидарность: он, сам пока-еще-аспирант факультета психологии в меде, знал, как непросто бывает набрать выборку.

— В любое время до восьми, я буду на месте, — заверил Зотов. — На проходной скажете, что ко мне.

* *

На следующий день Андрей сидел в лаборатории Зотова, заполнял анкеты и пил чай.

— Видите ли, — объяснял Зотов, молодой человек с аккуратной бородкой и горящими энтузиазмом глазами, — моя гипотеза состоит в том, что люди чаще получают что-то, если это «что-то» им совершенно не нужно. Как у Пушкина: «Чем меньше женщину мы любим...» И пока гипотеза подтверждается! Почти все мои сигареты нашли бывшие курильщики вроде вас. А, к примеру, зонты — гораздо чаще находят в ясную погоду.

Андрей украдкой разглядывал заставленную старым оборудованием комнату с фикусом и алоэ на подоконнике, заваленный бумагами стол Зотова и самого «Кирилла Ивановича», который был ненамного его старше, но уже защитил кандидатскую и даже получил кафедру. К сожалению, вместо тонконогой студентки-лаборантки вместе с Зотовым работала Валентина Сергеевна Махова, дородная женщина лет шестидесяти, которая слушала начальника с явным скептицизмом, но не забывала подливать ему чай и выкладывать на блюде печенье и конфеты.

— Я бы назвал этот феномен «законом уксуса», — продолжал рассуждать Зотов. Узнав, что Андрей в некотором роде почти коллега, он увидел в его лице благодарного слушателя. — На халяву и уксус сладкий, правильно? Но шутка природы в том, что ничего, кроме уксуса, на халяву вы и не сможете получить...

— Мне кажется, вы напрасно смешиваете нематериальное и материальное. И слишком упрощенно понимаете категории «нужности» и «ненужности», — мрачно сказал Андрей, которому такая логика совсем не нравилась. — Почему ограничиваете временной отрезок ненужности одним днем, а не, к примеру, одним месяцем? Это может перевернуть ваши результаты с ног на голову.

— Интересная мысль! — Даже возражения Зотов воспринимал с энтузиазмом. — Но то, что в моей выборке сигареты чаще других находят бывшие курильщики, — факт. Можно взять разные временные интервалы и посмотреть, что получится... Андрей, а вы не хотели бы подключиться к работе? Думаю, мы смогли бы оформить вас на полставки...

— Место для вас есть, но надо будет прибраться, — вставила Валентина Сергеевна. Взглядом она указала на стол у стены, на котором громоздились три старых системных блока.

— Статью опубликуем, возьмем вас в соавторы... — сказал Зотов. — Приходите в любое время, обговорим подробности.

— И печенье приносите к чаю. — Валентина Сергеевна убрала остатки сладостей в шкафчик.

— Спасибо, — поблагодарил Андрей больше из вежливости, чем от души. — Я подумаю.

Он отдал Зотову анкету и пожал руку.

Кафедра социальных прогнозов находилась на четвертом этаже учебного корпуса: заканчивался перерыв, так что пробираться к выходу пришлось через стайки студентов, опаздывавших на пары.

Институтская суета задевала ностальгические струнки и раздражала. Андрей ушел из аспирантуры в академ больше полугода назад и уже понимал, что восстанавливаться не будет: пропало вдохновение, запал. Он работал день через день в частном кадровом агентстве, подрабатывал репетитором — денег на жизнь и редкие посылки домой хватало, но перспектив не просматривалось никаких.

Сидя по выходным с приятелями в баре, он думал о том, что ничего в Москве его, в сущности, не держит: работа какая-никакая есть везде, а поддерживать общение можно и по сети.

Забрать документы и вернуться в родной Рыбинск мешало только упрямство и отчасти нежелание разочаровывать родителей. Он не считал себя законченным неудачником, но недовольство самим собой свербело, как заноза, и Зотов эту занозу нечаянно растревожил.

«Закон уксуса», значит, — сердито подумал Андрей, выйдя из института. — Чепуха!»

Моросил дождь. Клены и березы еще не пожелтели, стояли мокрые и угрюмые.

Андрей поспешил в метро: к четырем нужно было успеть к ученику.

* * *

Ученика звали Марком. Он перебивался с двойки на тройку по половине предметов, так что Андрей, помимо биологии, занимался с ним химией и географией. Марк не был глупым или ленивым, скорее, невнимательным. Ему совершенно не нравились естественные науки, и никакая красочная анимация под вкрадчивый голос диктора с «Дискавери» не могла его заинтересовать: приходилось просто зубрить программу перед контрольными.

— Самая высокая гора Европы... Самая длинная река Северной Америки... Столица Австралии... — спрашивал Андрей, досадуя то на себя, не сумевшего найти другой подход, то на Марка, никак не желавшего понять, что Миссисипи и Канберра ему очень даже нужны — не вообще, но завтра.

– В какое созвездие входит Полярная звезда?

– Андрей Николаевич, а вы новые «Звёздные войны» смотрели? – Марк болтал ногами под столом и крутил ручку с колпачком-Чубаккой в измазанных чернилами пальцах. – Правда, отстой?

Андрей усмехнулся:

– Кем ты хочешь стать, когда вырастешь? Контрабандистом? Тогда географию точно придётся выучить.

– Не знаю, – серьёзно ответил Марк. – Но папа говорит, всё равно мало что в жизни выходит так, как хочется. Поэтому – какая разница?

– Мало – не значит, что совсем ничего. Полярная звезда входит в Малую Медведицу и может помочь тебе сориентироваться в лесу. В жизни выбрать направление помогут только знания, – сказал Андрей. Ему вновь вспомнился Зотов, с горящими глазами расхваливающий свою теорию. – Знания, Марк, это сила, а четверка за контрольную – это лист наклеек по «Звёздным войнам». Сдашь – принесу. Договорились?

От Марка Андрей вышел измочаленным. «Мальборо» Зотова жгло карман.

«Зачем я бросил? – спросил он сам у себя, бредя по улице. – Это было после того, как мы разошлись с Маринкой: хотел доказать себе, что могу. Ну, доказал – и что? А зачем начинал? Да просто так, ни за чем... Бессмыслица. Здоровый образ жизни или нездоровый – в жизни цель нужна, а не образ!»

От воспоминания о Марине настроение окончательно испортилось.

Неудивительно, подумал Андрей, что они не сошлись характерами. Марина была совсем другой, нежели он сам: целеустремленной, решительной, веселой – душа компании, человек-зажигалка. Она легко придумала бы пару-тройку остроумных объяснений для данных Зотова и название получше, чем «закон гуса».

Соседа дома не оказалось. От скуки Андрей включил на кухне телевизор: нефть дешевела, акции «Теслы» росли, известный олигарх попал в ДТП, а малоизвестный актер устроил перформанс в отделении полиции.

«Бессмыслица! – Андрей щелкнул пультом, выключая звук. – Мы окружены ненужной информацией и ненужными вещами. Поэтому чаще всего находим нечто, совершенно нам ненужное. Только и всего. А законы природы не могут учитывать наши желания и потребности».

* * *

Следующие три дня прошли ни шатко ни валко. Андрей работал, вел занятия, ел и отдыхал – но мыслями то и дело возвращался на кафедру социальных прогнозов. Теория Зотова строилась на огромном количестве

допущений и была, очевидно, абсурдна, однако как будто требовала рассмотреть себя под лупой, разобрать по косточкам, опровергнуть...

Такая пустая – ненужная? – трата времени была совершенно не в характере Андрея. И все же вечером четвертого дня он топтался перед воротами института с пачкой печенья в кармане, не решаясь переступить черту, отделявшую его, благоразумного взрослого человека, от непонятной авантюры.

Недоверие к теории Зотова, с досадой думал Андрей, пробуждала логика самой теории: не могла же ему просто так, на халяву перепасть возможность изменить жизнь, сделать что-то значительное?

Андрей вздрогнул и обернулся: кто-то вдруг тронул его за плечо.

– Кы-ы-у-у! – Старик-дворник зыркнул из-под кустистых бровей и двумя пальцами постучал по губе, прося сигарету.

Дед выглядел колоритно: крупный, заросший, седой и с всклокоченной, но чистой бородой, в потертой кожаной куртке и лихо сдвинутой на затылок шапке; метла в его руке издали сошла бы за комиссарскую винтовку. Один глаз сильно косил, зато второй, серо-голубой, смотрел прямо в душу.

– Простите, бросил, – мотнул головой Андрей, хлопнув по обычно пустовавшему карману, – и нащупал зотовское «Мальборо».

– Подождите! Вот... – Он отдал дворнику пачку. – Знакомый оставил... Вот, забирайте всю. Только у меня зажигалки нет.

– С-е-е-у! – Дед заулыбался, сунул одну сигарету за ухо, вторую вставил в зубы и споро достал откуда-то спички. Вместе с пачкой протянул их Андрею, вынудив того отнекиваться:

– Нет-нет, я бросил...

Немой дед развел руками: мол, не хочешь – как хочешь, и чиркнул спичкой, раскуриваясь.

Андрей полной грудью вдохнул воздух, наполненный осенней сыростью и сигаретным дымом, и вдруг ясно вспомнил день, когда впервые отмахнулся от предложенной другом сигареты.

Они с Маринкой провстречались три года, но последние месяцы ругались часто и безобразно: не хватало денег, времени, сил друг на друга. Каждый хотел получить больше, чем готов был дать другой. Андрей начал поглядывать на сторону. Ничего серьезного, но Марина подозревала за ним грешок и злилась.

В день, когда все закончилось и ничего не началось, она назвала его «бесхребетной тряпкой». Он выложил из кармана ключи на тумбочку в прихожей и ушел, захлопнув дверь. Возвращаться он не собирался, Марина и не звала.

Так и расстались, не прощаясь.

За прошедшие с того дня два года ни разу не разговаривали. От общих знакомых он слышал, что она жива-здорова и вроде как вышла замуж... Он

много раз собирался позвонить, но не решался: набрать номер женщины, которая так и не стала безразлична, – это не с куревом завязать. А сама она не звонила.

«Но пора перестать быть тряпкой и ждать халявы. – Андрей достал смартфон. – Была не была... Зотов подождет».

Дед наблюдал за ним с любопытством. Длинные гудки сменились треском, бормотанием телевизора и детским плачем.

– Андрей? – неуверенно спросил знакомый голос. – Это ты? Что-то случилось?

Андрей почувствовал, как у него екнуло в груди: значит, не стерла номер!

– Все хорошо, прости за беспокойство... Я очень рад тебя слышать, – выдохнул Андрей, досадуя, что не заготовил никакой речи заранее. – Ты не занята? В общем, такое дело: я тут неподалеку оказался... Считай, случайно, да. И совершенно случайно у меня в кармане есть пачка печенья к чаю. Можно к тебе зайти ненадолго?

Уже шагая в сторону Маринкиного дома, Андрей понял, что печенье совершенно случайно тоже выбрал ее любимое, с орехами и белым шоколадом. Сам он такое не ел.

* * *

Спустя полчаса Андрей грел руки о кружку с чаем на маленькой кухне и рассказывал о том, как поступал в аспирантуру и как ушел; хвастался успехами Марка, сдавшего контрольную на четыре с плюсом. Все вокруг казалось знакомым, родным – и чужим одновременно: обстановка, запахи, даже сама Марина, немного осунувшаяся, но покрасившая волосы в рыжий цвет. В комнате мама Марины возилась с годовалым младенцем.

– А муж?.. – не вытерпел Андрей.

– Был да сплыл. – Марина не отвела взгляд. – Нам доктора напророчили, что Анька инвалидом родится... УЗИ плохое было. Вот он и свалил.

– И как вы одни теперь... Может, вам на лечение деньги нужны? – спросил Андрей с тревогой.

– А у тебя есть? – Марина вскинула бровь.

– Мало, – признал он. – Но что-нибудь найду.

– Не надо, хватит с нас врачей. – Марина вдруг впервые за вечер по-настоящему улыбнулась. – Ошиблись они, Андрюх. Дочка здорова: только овальное окно в сердце было, но заросло уже.

– Вот как... – Андрей улыбнулся в ответ.

Марина помолчала.

– Ну, а у тебя как... с личным? – негромко спросила она.

– Да никак. – Андрей пожал плечами. – Что было, то сплыло – даже вспоминать не хочу... И лишнего сейчас наговорить не хочу. Боюсь. Но рад

увидеться, ты не представляешь, как... Если я, скажем, в эту субботу тебя гулять позову – пойдешь? Ненадолго, а за Аней твоя мама посмотрит.

— С чего такие предложения? – Марина взглянула исподлобья. – Мне казалась, мы друг друга неплохо знаем. Даже слишком. Я и раньше была не подарок, и за два года ленточку бантиком мне на затылке не повязали. Только младенца в роддоме выдали.

— Никто из нас не подарок, – сказал Андрей. – Погулять сходить – не замуж выйти. Давай попробуем, а?

Марина засмеялась. Рыжий цвет ей был очень к лицу.

— В субботу в пять, – сказала она с улыбкой.

А в дверях, когда прощались, добавила:

— Я тоже рада тебя видеть.

Андрей шел по микрорайону и любовался всем вокруг: мокрыми деревьями и отражениями фонарей в лужах, белыми муравейниками панелек с мозаикой освещенных окон. Умом он понимал, что не сделал ничего особенного: угостил дворника сигаретами да позвал бывшую девушку погулять. Но на душе было тепло.

Завибрировал телефон: звонил Зотов.

— Надумали что-нибудь?

— Спасибо, но вынужден отказать, – сказал ему Андрей. – Не знаю, в чем причина аномалий в вашей выборке, но «закон уксуса», уж простите, чушь. Не так важно, необходимо ли нам самим то, что мы приобретаем. Гораздо дороже возможность разделить это с другими, будь то пачка курева или глупая газетная статейка, которую можно обсудить за ужином. Понимаете? Нет никакого «уксуса»!

Налетел порыв ветра: с каштанов вдоль проспекта посыпались коричневые блестящие плоды. Андрей поднял пару и сунул в карман.

* * *

На том историю с Зотовым и его сигаретами Андрей считал для себя законченной, однако волею судеб через два месяца она получила неожиданное продолжение.

Деревья уже облетели. Ночами выпадал снег, но к утру таял. Андрей с Мариной пару раз в неделю гуляли или обедали в ближайшем кафе, в общение постепенно возвращалась непринужденность.

В один из солнечных ноябрьских дней они не спеша проходили мимо института. Дворник, запомнивший Андрея с первой встречи, улыбнулся и промычал что-то приветственное. Андрей поздоровался в ответ.

— Добрый день, Борис Никитич, – громко сказала вдруг Марина, подойдя к старику. – Помните меня?

Тот помотал головой, по-прежнему улыбаясь с каким-то детским дружелюбием.

— Ну ничего... Доброго вам здоровья. — Марина кивнула на прощание и быстро пошла прочь.

— Ты его знаешь? — удивился Андрей. — Кто это?

— Так я же училась здесь до третьего курса. — Марина вздохнула. — Профессор Померанцев, Борис Никитич: он вел у нас матстатистику, заведовал кафедрой социальных прогнозов. Инженер, доктор технических наук, но увлекся психологией... На лекциях рассказывал, что собирается построить чудо-машину. А вышло — видишь, как. Авария... Сам выжил, но мозг пострадал. Каково не дряхлому еще, деятельному дядьке на пенсии по инвалидности, да и сколько там той пенсии? Только на лекарства хватит. Друзья его подсобным рабочим при институте устроили: вроде и при деле, и под присмотром.

— А что за чудо-машина? — насторожился Андрей.

— Какой-то излучатель для изменения вероятности событий, — сказала Марина. — Он объяснял подробнее, но я тогда ничего не поняла. А теперь уже и не спростишь. Такая судьба...

— Судьба, — согласился Андрей, в глубине души совсем в том не уверенный.

Ближе к вечеру, проводив Марину до дома, Андрей вернулся в институт.

— Я на кафедру, к Зотову, — сказал он сонному охраннику.

— Так Зотов же в командировке, — удивился тот.

— Тогда, значит, к Валентине Сергеевне. То есть к Маховой, — нашелся Андрей и в следующий миг со всей ясностью осознал, что попал в яблочко. Молодой и самоуверенный Зотов вряд ли интересовался чем-то, кроме собственных данных: с вопросами действительно стоило идти к Маховой.

Валентина Сергеевна поливала алоэ, Андрея она встретила удивленным взглядом.

— Ваш бывший начальник, профессор Померанцев, он ведь успел построить свою машину? — спросил Андрей с порога.

— Закройте дверь, молодой человек, — строго сказала Махова. — С той стороны, если собираетесь шуметь и суетиться, или с этой, если хотите поговорить.

— Конечно... Простите. — Андрей прикрыл дверь и сел на краешек стула. — Моя подруга училась у Померанцева. Она сказала мне о машине. Вот я и подумал, что... — Он окончательно смутился.

— Что такое чудеса на языке грубого материализма, Андрей? — Махова отставила в сторону пластмассовую лейку и подошла к столу, заставленному старыми системниками. — Маловероятные события, которые происходят чаще, чем должны происходить. Этим и занимался Боря. Раз интересно — смотрите. —

Она осторожно сняла короб с ближайшего системного блока. – Только вряд ли вы много поймете. Я вот не понимаю, хотя полжизни у Померанцева в училищах проходила.

Андрей невольно ахнул. Вместо обычной начинки внутри системника оказалась стеклянная колба с каким-то темным камнем внутри, из колбы выходили провода, соединенные с несколькими платами. Питалась вся конструкция от обычной розетки.

– Боря под Челябинск ездил, искал обломок метеорита как материальное воплощение маловероятного события, – сказала Махова. – При нагревании и под воздействием тока обломок излучает... Нечто. Что-то такое, что смещает вероятности. Боря называл это парадоксальными волнами. Радиус действия неизвестен, так как методов измерения нет.

– Но это... эта штука работает? – растерянно спросил Андрей.

– Сперва я включала ее только из уважения к Борису. – Махова посмотрела на него со странной улыбкой. – Но потом увидела результаты Зотова и задумалась. Может, и работает. Может, нет. Вопрос вероятности. – Она усмехнулась.

– А чудо – всего лишь маловероятное событие, – тихо сказал Андрей. – Само по себе оно не хорошее и не плохое. Так?

Махова кивнула.

Была ли авария, в которую попал Померанцев, «чудом» или тот факт, что он остался в живых? Страшный прогноз для Марининой дочки или ее выздоровление? Вряд ли кто-то знал ответ.

Андрей достал из кошелька юбилейную десятирублевку и подбросил в воздух. Прежде чем упасть на пол решкой вверх, монета секунды три крутилась на ребре.

– Маловероятно, что разум Бориса Никитича восстановится, – сказал он. – Поэтому вы держите машину включенной? Чтобы дать ему шанс?

– Не только. «Чудо-машина» – то, что Боря оставил миру. Я не могу выбросить ее или отдать неизвестно кому, – сказала Махова. – Он верил, что, если мир будет менее предсказуемым, это изменит нас к лучшему: люди станут менее пассивными, менее предубежденными, более гибкими... Может, он и прав. Если передумаете насчет работы – позвоните Кириллу и приходите к нам. С ним сработаться проще, чем кажется.

– Спасибо, – еще раз поблагодарил Андрей. – После Нового года обязательно позвоню.

Из-за «чудо-машины» или благодаря авторитету Маховой, но сейчас мысль о возвращении в науку не казалась глупой.

Он попрощался, быстро спустился по лестнице и вышел в пустынный институтский двор. Померанцев, сгребавший с газона последнюю листву, издали махнул ему рукой.

ВЛАДИМИР ВИНЕЦКИЙ

г. Петрозаводске, Карелия

СЫН ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКА

В комнате Генки на стене висели три красные закорючки; он помнил их с тех пор, как помнил себя. С них начиналось каждое пробуждение, они сопровождали каждый отход ко сну и были неизменными, как шершавые, пахнущие хлебом руки его матери. Позже Генка узнал, что это вовсе не закорючки, а буквы, и читаются они – РЖД. Он догадывался, что есть связь между этой таинственной надписью и гулом, который часто долетает до их окон из-за ближайшего холма. И еще – он смутно, как в тумане помнил высокого человека в черных блестящих ботинках и с такими же блестящими от смеха глазами, который и закрепил на стене загадочные буквы. Большой человек брал Генку на руки, и малыш чувствовал терпкий, но приятный запах, какой бывает от горячей спички. Это великан чудно говорил с матерью о том, что творится за холмом, откуда то и дело слышится скрип и гудки. Так Генка впервые узнал о драконах, которых называют поездами; они ползют тут и там, а когда захотят есть, то останавливаются и рычат. Доверчивые люди сами лезут дракону в живот, он проглатывает их и довольно свистит: «Ту-тууу!». Человек поглядывал на Генку и говорил: «Опасно, не играть», а тот хитро улыбался; фигурки, он не дурак соваться в пасть дракону. А потом незнакомец пропал, перестал появляться и Генка начал беспокоиться. Он спросил маму, а она к ужасу малыша начала плакать и что-то говорить про тормоза и пути, а Генка понял: дело плохо, дракон все же добрался до человека. И он стал лепетать, что вырастет, проперет зверю брюхо и всех выпустит, и все пойдет как раньше, отчего мать зарыдала еще сильнее и Генка, глядя на нее, заплакал тоже. А буквы РЖД равнодушно смотрели на них со стены, и мальчик впервые подумал, что они похожи на улыбку сытого дракона, который глотает людей целиком, не оставляя ни костей, ни одежды.

С тех пор Генка невзлюбил надпись, потом неприязнь перешла в ненависть, но снять ее мешал суеверный страх – это было видимое напоминание об отце. Тот был путевым обходчиком и погиб под поездом; подробностей Генка не знал и у матери не выспрашивал, боясь очередного потока слез.

За прошедшие годы мать словно ссохлась от горя, скукожилась, как черствая буханка. Она день деньской пропадала в пекарне, а Генка рос перекатиполем и безотцовщиной, с одним твердым убеждением – во всех его бедах виноваты проклятые РЖД. Он скрипел зубами от бессильной ярости на уроке истории, когда учитель вбивал в них чувство патриотизма, рассказывая, как строительство железной дороги в 1904 году дало жизнь станции Званка, ставшей их родным городом и крупным железнодорожным узлом Волховстроем в 1933 году. Парень излил душу, нацарапав на крышке парты пару витиеватых матюгов, но от глаз педагога это не укрылось – он заставил Генку все оттереть, бормоча что-то о вандализме и современной молодежи.

Мальчик мстил железной дороге по мелочам: тайком подкладывал на шпалы гвозди, брызгал на стены старенького вокзала краской из баллончика. Однажды он с холма наблюдал, как по рельсам катится роскошный двухэтажный экспресс. Генка не выдержал, пустил по нему камнем и возликовал, услышав звон стекла – он повредил чешуйку гадине, которая раздавила его папу и, быть может, даже этого не почувствовала.

А спустя пару месяцев к нему подошел старшекласник Данила Хомяков и предложил пройти тест – мужик он или ссыкло. Среди местной шпаны этот Данила пользовался мрачным авторитетом после того, как в отместку за двойку по физкультуре перебил в спортивном зале все стекла. Генкина мать регулярно бывала на родительских собраниях, где завуч со смаком перечисляла сколько уроков прогулял хулиган и сколько сигарет выкурил на переменах и предупреждала сына – держись подальше от него. Но становиться ссыклом было запаadlo, и так Генка узнал о забаве, в которую играл Данила с корешами. Она называлась «Наперегонки со смертью».

Теперь Генка стоял на путях, широко расставив ноги, а в ушах звучал хрипловатый голос Данилы: «Весь прикол в том, чтобы продержаться до конца. Кирюха сиганул, когда до поезда оставалось метра три, он пока что наш чемпион. Главное, если свинтишь до того, как состав высунет морду из-за поворота, ссыклом станешь. Усек»?

Он почувствовал легкую вибрацию рельс, и сердце забилося бешеным галопом. Он не боится гребаного железного дракона, тот слишком туп, чтобы его поймать. Он останется на путях до последнего, побьет Кирюхин рекорд, а потом бросит вслед составу пару камней – за убитого отца и за мать, ставшую вдовой. За проявленную храбрость Данила хлопнет его по плечу и угостит сигареткой; Генка выкурит до фильтра, как настоящий мужик, хоть его и будет мутить от вонючего дыма.

Позднее он подумал, что три последующих события совершились мгновенно и почти одновременно. Из-за поворота вынырнул поезд и рванул к Генке, а тот стоял не в силах пошевелиться, будто тощее деревцо, выросшее не в том месте, не в то время. Краем глаза он заметил мелькавшую на

склоне холма куртку – Данила задал стрекача. Причину этого бегства Генка понял спустя секунду, когда в его плечо железной хваткой впились чьи-то пальцы и швырули в сторону, прямо на каменную осьпь. Над ним навис молодой, но крепкий еще старикан лет шестидесяти; он что-то орал мальчику в самое лицо, но в паре метров от них грохотал колесами состав, и Генка различал только отдельные слова: «Совсем... мозги... твою мать!»

Он приготовился рвануть в лес по примеру Данилы, но застыл на земле, услышав фразу: «Петруха Васильев со стыда бы сгорел». Имя отца заставило Генку забыть об опасности оказаться в полиции или влететь на штраф. Если такова цена правды, он готов платить. Старик, словно прочитав его мысли на окровавленном лбу, молча махнул рукой в сторону железнодорожного домика и, не оглядываясь, зашагал в ту сторону. Генка молча шел следом, словно привязанный невидимой веревкой, перерезать которую не смогла бы даже угроза сесть в кутузку. За шанс узнать, как все было, он согласился бы нарушить хоть все законы всех стран вместе взятых.

...Они сидели за обшарпанным столом – пожилой железнодорожник и малолетний нарушитель порядка. Слова старика падали мерно, веско, и в такт им где-то из невидимого крана капала вода.

– Мы в ту ночь дежурили вместе, Петруха и я. Морозец стоял нехилый, еще и метель, словно черти с цепи сорвались. Должен был пройти сапсан из Питера в восемь вечера, он у нас на станции стоял минут пять. Я отошел по нужде, а как обернулся, вижу: на рельсах какой-то пацан торчит, а отец твой к нему несется, потому как знает – до сапсана меньше минуты.

Рассказчик умолк и провел жилистой рукой по остаткам седых волос.

– Это игра придурочная не вчера появилось, дураков и раньше хватало. Размазало бы того щенка, другим был бы урок, да нашелся у него ангел-хранитель, Васильев Петр Егорович. Парня он с путей столкнул, а сам замешкался на секунду, – голос старика впервые дрогнул. – Ты его едва ли помнишь, еще малышом был. А я тебя узнал сразу, очень ты на Петра похож, прямо один в один.

«Я помню его. Я помню, как пахло его дыхание, помню, как блестели его глаза, помню, как он брал меня на руки, помню, как он учил меня держаться подальше от драконов, от которых не уберется сам». Генка хотел выкрикнуть эту фразу, но его язык словно прилип к небу. Он лишь пробормотал:

– Что же раньше-то...

– Чего греха таить, твоя мама здорово на меня взъелась, да и было за что, – вздохнул старик. – Так и сказала: «не уберег моего мужика, хоть и мог бы». Я и сам себя винил, а спасение искал в бутылке. Чуть с работы тогда не турнули, благо старые друзья заступились, оставили на испытательном. А без дороги я бы сразу ко дну пошел, я без нее как нуль без палочки. И отец твой таким же был, без этих путей жизни не мыслил и на них же

жизнь и положил за того малолетку. Погоди-ка, есть у меня одна вещица. Давно хотел отдать, но у вас дома мне едва ли бы обрадовались...

Он положил на стол потемневшее от времени фото. Со снимка на Генку знакомыми веселыми глазами смотрел отец, на его плечо опиралась мать, не изможденная тяжелой работой, совсем не похожая на себя в настоящем. У ног мужчины в густой траве копошился годовалый малыш, который еще не знал, что спустя несколько лет будет жить в неполной семье.

— Как ты родился, Петр был сам не свой от радости. Была у него мечта, чтобы сынишка, как подрастет, водил локомотивы по всей России по Транссибу, к самому Тихому океану. Мне рассказал, как буквы РЖД у тебя в комнате прибил, чтобы, значит, с колыбели привыкал. А ты вон какие фокусы выкидываешь.

Старик ясным, немигающим взглядом глянул прямо Генке в глаза и тихо, но отчетливо произнес:

— Запомни, малец, на всю оставшуюся жизнь: ты сын железнодорожно-го рабочего, погибшего при исполнении долга. Будь достоин той крови, что он пролил, той жертвы, что он принес. Если есть где-то рай, то Петрухе за его дело должны бы билет вручить на экспресс до самых Святых врат. Помни об этом, если вдруг снова захочешь встать на пути у поезда или пульнуть в него камнем. А теперь ступай.

Генка вышел на крыльцо, все еще сжимая фотографию в руке, а его взгляд машинально упал на железнодорожное полотно, где погиб его отец и где он сам чуть не расстался с жизнью. Он видел эту картину десятки, сотни, тысячи раз, но теперь что-то неуловимо поменялось. И лишь спустя несколько минут он понял в чем дело: его всегдашняя ненависть к дороге ушла, сдулась, как воздушный шарик. Тугой узел на груди словно распустился, все стало простым, ясным, прямым, как казавшаяся бесконечной линия рельс, уходившая за горизонт. И Генка вдруг почувствовал, всей кожей ощутил, что он не один и не брошен, прямо перед ним лежит нить, связующая его с отцом, с отцовской мечтой. Теперь цель сына – воплотить ее в жизнь.

...В ту ночь его мать пришла из пекарни в сумерки. От дневных трудов болели руки и спина, а на душе остался мерзкий осадок после ссоры со сменщицей Танькой. Этой бабе взбрело в голову советовать ей завести в доме мужика, потому как каждому ребенку положен отец. Она от души посоветовала напарнице заниматься своим алконавтом-сожителем, а не совать нос в чужую жизнь. Танька не бежала зимней ночью в одном халате к треклятому поезду, не ее оттаскивали от бесформенной груды мяса и костей, которая осталась от примерного мужа и семьянина Петра Васильева.

Пошатываясь от усталости, она вошла в квартиру и поразилась необычной тишине. Генка был дома, она видела его стоптанные кеды в прихожей,

но сидел тише мыши, что было на него совершенно не похоже. Этот сорванец любил в ее отсутствие врубать музыку на полную катушку, из-за чего мать не раз собачилась с соседями.

Она на цыпочках вошла в комнату сына, и глазам предстало необычное зрелище. Ее Генка спал прямо в одежде за письменным столом, положив голову на кулак. Во второй руке он держал клочок старой бумаги, который, очевидно, долго разглядывал и сам не заметил, как заснул. Мать всмотрелась в него при тусклом свете ночной лампы... и изо всех сил прижала руки ко рту, чтобы удержать крик. Она будто наяву вспомнила тот день в парке: шелест травы, пение птиц и как всегда твердый, убежденный голос ее Пети: «Вот увидишь, мальчуган меня за пояс заткнет. Он на лучших локомотивах пронесется по всей стране из края в край». Это фото муж носил с собой, как талисман, но оно бесследно пропало той ужасной ночью, разделившей ее жизнь на «до» и «после».

Ища опоры, мать уперлась руками в стену и тут увидела нечто, поразившее ее сильнее всего. Она не раз предлагала Генке убрать из комнаты чертовы буквы РЖД, которые снова и снова растрavляли им обоим рану, но сын отказался наотрез. Даже в разговорах они избегали упоминать слова «поезд» или «пути»; от этого у матери на глаза наворачивались слезы, а у Генки руки сжимались в кулаки. Она чувствовала его настроение и инстинктивно понимала причину ненависти, но изменить ничего не могла. А теперь все изменилось само собой – мать уверилась в этом сразу, как только взгляд упал на стену. С поверхности буквы Р на нее смотрели четыре слова, неаккуратно, но старательно выведенные рукой Генки: «Железные дороги – мое будущее».

ОЛЬГА АНДРЕЕВА

г. Омск

НАВСТРЕЧУ

— Ку-да-а-а-а? Ку-да-а-а, ду-у-р-р-а-а-а!

Сергеев захлебнулся криком, в рывке подтянув к себе несчастного Збышека. Он толкнул его перед собой и погнал вперед, повторяя, как заведенный:

— Треба навстречу, навстречу треба!

Ошалевший Збышек, спотыкаясь, с закрытыми глазами, словно слепой, дернулся, было, вперед, но, открыв вдруг глаза, снова увидел это и с тонким «Як же ж страшне, мамусю!» повалился на землю.

Сергеев не стал его поднимать. Оставались секунды. Он видел то же, что и несчастный поляк: навстречу им несло смерть. И, может, прав был вгрызавшийся теперь в землю Збигнев – так и надо, только так и надо? Нет времени думать: бежать.

— Нав-стре-чу, нав-стре-чу, нав-стре-чу, – Сергеев, в каком-то бешеном спринте самоубийцы, бросился вперед. Широко раскрыв глаза, он видел, как черное и продолговатое становится все больше и ближе. Наконец, он не выдержал, зажмурил глаза, и так же точно, как мгновения назад поляк, упал, с отчаянием вжавшись в землю. Протяжный гул чугунным утюгом прошелся по Сергееву, окончательно сровнял его с просекой, где еще недавно мирно стояли их тягачи, и ушел дальше.

За спиной Сергеева ухнуло. И снова. И еще. Его несколько раз приподняло от земли, но крепкие руки, намертво вцепившиеся в пожухлую траву, будто снова притянули к себе земную поверхность.

Стихло.

Еще не веря, Сергеев перевернулся на спину. Белое небо смотрело на него сверху. Ничего черного там больше не было. И звуков тоже не было. Белое ничего. «Жив?»

Сергеев снова перекатился на живот. Прислушался к себе: все вроде как всегда. Он повернул назад, туда, где ухало, и где остался поляк и остальные.

Сергеев смотрел на просеку и не узнавал ее: не было больше никакой просеки, ее завалило поломанным лесом, на краю которого опрокинутыми черными жуками беспомощно дымились тягачи. Жирно потянуло гарью и жженой резиной. Вонь эту тут же разбавил запах будто сжигаемых в печи дров – горел лес – и на миг Сергееву привиделась родная Набокивка, и расписанная бабкой Параской печь в их хате, и мать, поправляющая в печи огонь...

Вместе с запахами вернулись и звуки. Слышно было, как что-то лопается, шипит, разваливается. До Сергеева отчетливо донеслись стоны и, словно задавленные, вскрики. Еще не решившись встать, он пополз на эти вскрики и вскоре наткнулся на Збышека.

* * *

Вот уже несколько месяцев 1944 года заключённые трудового лагеря в Шварцвальде рубили лес. Шесть тягачей-газогенераторов с раннего утра выбирались к очередной просеке и вставали там на прикол.

Сергеев работал со Збигневом, малосильным шофером-поляком, странно не растерявшим за время плена ни своей природной застенчивости, ни доброты ко всему живому: не одно срубленное дровосеками дерево погладил Збышек по шершавому смолистому боку и не один раз приносил он, бывало, с вырубки за пазухой тёплого пушистого зайца. Охрана смотрела на это сквозь пальцы, а на самого поляка – как на безобидного чудака, тетерю и больше ничего. И все-таки перед самым лагерем Збышек выпускал всю живность в раскинувшиеся у дороги луга, не решаясь забирать с собой.

Сегодня все было как всегда. Тягачи, сделав несколько ходок, стояли, почти все уже груженные, на краю просеки. Охрана лениво курила. Кто-то спал, забравшись в кузов. Шофёры грудились у одного из генераторов.

Все было как всегда. Только обед почему-то задерживали. Слепое белое солнце давно перевалило за полдень, и стук топоров, и лязг пил со стороны леса звучал нескладно, негромко и без усердия.

Натруженные плечи лесорубов все чаще оборачивались к дороге: не везут ли? Потные лица вопросительно взглядывали на охранников: ну, когда же?

Один из трудяг, пожилой немец, с размаху всадил топор в поваленную сосну и показал руками – все, мол, баста, ребята, конец работе. Остальные нерешительно последовали его примеру. Лицо немца, усталое, голодное и злое, повернулось к охранникам. Он собирался уже что-то крикнуть им, по всему видно было – что-то непозволительное, о чем, быть может, потом пожалел бы, но в это время все услышали знакомое низкое гудение

в воздухе и подняли головы. На западе показались самолёты. Они не спеша прошли над лесом и скрылись за темнеющим невдалеке горным хребтом.

— То американе, – раздался у самого уха Сергеева голос Збышека.

— А ти як тут? – спросил его Сергеев.

Збышек не ответил ему, только отогнул край своей шоферской курточки: из-за пазухи на Сергеева черным глазом глянул испуганный заяц.

Снова раздался гул, и снова над лесом прошла группа самолётов. Не обращая на них внимания, немец все-таки крикнул своё охранникам. Один из них тут же двинулся к лесорубам.

В небе снова показалась лётная группа. Три самолета шли совсем низко: остерегаться в этих краях им было нечего.

— Пач! А то хиба англицы!* – Збышек вытащил из-за пазухи зайца и опустил на просеку. Тот на миг прижался к земле и тут же дал стрекоча.

Пожилой немец тоже увидел английские самолёты. Лицо его исказилось. Внезапная судорога прошла по нему. Немец оттолкнул подошедшего охранника, тут же повалил его на землю и за ремень сдернул автомат.

К ним бежали уже и другие, но немец вздел автомат к небу и, даже не целясь, дал очередь по выстрелившим его самолетам:

— Даст ист фе дайне мутер! Даст ист фе Магда!

Отшвырнув автомат, он снова поднял к небу лицо – теперь, смешиваясь с потом, по нему текли слезы – и отчетливо, беззлобно и неожиданно по-русски сказал:

— Суки! Ви – суки!

Его тут же сбили с ног, скрутили и поволокли в сторону тягачей. Один из охранников подобрал автомат и нёс его следом.

Збышек покачал головой, посмотрел туда, где скрылись самолеты и недовольно проговорил:

— Нье можна так. Тшеба... как это... дьержать себя!

— Та як же тут втримаешь? – возразил ему Сергеев. – Хлопцы сказывали, що у нього всю симью перебили...

— Гнев тшеба в соби заховач. А прийде час...

— Вот вин и прийшов, той час. Знаю, що сказати хочешь.

— Знаешь, что значи Збигнев? – глядя в глаза Сергееву, спросил Збышек. – На твоим – «изпафляющ от гнев». Гнев – ест злое. Тшеба исч ... нафстречу... людьом.

— Навстречу людям? Це кому же? – удивился и вдруг тоже озлобился Сергеев. – Тим, хто вбивае твоих ридних? Или вон им?

Он ткнул в сторону волокущих немца охранников. Збышек посмотрел туда же.

* Patrz! To chyba Anglicy (польск.) – Смотри! А это, кажется, англичане!

— Мысдишь, в войне есь бели и пушисти, а фсе инне – зли? Нье фсе ньемцы – фашисьти, не фсе фашисьти – ньемцы, – возразил Збышек. – Со ца сами як ми – закладницы*. А фашисьти далеко и высоко.

Збышек махнул рукой вдаль и снова показал на немца. Того, со скрученными руками, уже поднимали в кузов ближнего тягача.

— Он тош ест ньемцем. Для чего он тогда здесь, з нами?

— Братцы! Кажись, возвращаются! – крикнул кто-то.

Все взгляды обратились к небу. Та самая группа, в три самолета – сомнений быть не могло – развернувшись, снова шла в направлении леса.

— Чего это они, а? – заметил тот же голос. В нем засквозила тревога.

Сергеев понял первым. Он посмотрел на ровно шедшие на них самолеты, и первая мысль «Бежать! Бежать!» забилась, запульсировала в его голове.

Самолеты приближались, не меняя скорости, не пикируя – равнодушные исполины. Когда то темное, что так страшило Сергеева, начало отделяться от них, он рванулся, было, ему навстречу, вперед, но глаз уже зацепил пригнувшегося Збышека, уловил его почти звериное намерение уйти, сбежать от опасности, и Сергеев протянул к поляку руку.

* * *

Из шести машин уцелела только одна – Збышека. По счастливой случайности остался жив и ее хозяин: Сергеев нашел его оглушенным и до крайности напуганным, но на теле поляка не было ни ссадины.

Остальным повезло меньше. Тягач, в котором лежал связанный немец, разнесло в щепу. Другие, опрокинутые, догорали рядом. Из охраны не выжил никто. Збышек и Сергеев еще добрых полтора часа обыскивали просеку в поисках живых или раненых. Найденных они стаскивали к тягачу поляка и укладывали на брезент. Почти все, кого удалось собрать, были контужены, у двоих оторвало конечности, и Збышек, так за войну и не свыкшийся с видом крови, чуть не терял сознание, помогая Сергееву грузить тяжелых. Наконец, было кончено. И тягач медленно, объезжая черную, развороченную и обратившуюся в бурелом поляну, двинулся к дороге на лагерь.

— А ежели она на тебя летит, – объяснял по дороге все еще белому от пережитого Збышеку Сергеев, – так ты ей назустричь... навстречу беги, зрозумив? Она тогда позади тебе пройдет и не зацепить.

Збышек печально кивал: то ли соглашаясь с Сергеевым, то ли в такт движению шедшей по неровной дороге машины.

* Закладницы (польск.) – заложники.

НАТАЛИЯ ГОРЕЛОВА

г. Москва

ТУМАННОЕ УТРО

— той, без которой терплю эту жизнь...

— Опять ты меня не послушал?!

Поздняя осень медленно, но верно заключала реку в свои объятия. Берега Оки едва тронул иней. Пасмурное небо казалось полупрозрачным и необъятным – невозможно было зацепиться взглядом за что-то на этом ровном серо-голубом полотне. Вдали крикали утки, изредка своими гудками им вторил теплоход. Над водой расстилался туман – молочно-белый, прозрачный – он придавал какой-то особенный оттенок обстановке. Воздух пронзило предчувствие зимы, неотвратимое и морозное как первый иней.

С рыбалкой сегодня не задалось – кажется, голавль уже ушёл на глубину, зимовать. Да и мне давно пора было домой. За пару часов я успел окончательно продрогнуть, но всё равно решил стоять здесь до победного. Сегодня всё-таки особенный день.

— Коля, ну как так можно? Оставил свой свитер дома! На дворе не май месяц, – маленькая фигурка стремительно приближалась ко мне. – Или ты боишься, что тебя мужики засмеют?

— Ещё чего! Да и где ты мужиков нашла тут. Все по домам сидят, в тепле – рассмеялся я. – Ну извини, извини, Кать, забыл. Сама понимаешь – весь на нервах. Не каждый день сын невестку домой приводит.

— И не говори. Так волнуюсь, вдруг ей у нас не понравится. Или ещё чего похуже...

— Так, оставить панику! Дело житейское. Главное, чтобы сын с ней счастлив был, а там – понравится, не понравится. Приложится всё!

— Ой, Коленька, всё равно волнуюсь так, – Катерина подошла ко мне и нежно обняла. – Как подумаю, мы же с тобой такими же были.

— Такими же молодыми и влюблёнными, – я тепло улыбнулся. – Как же такое забудешь.

Мимо мостика, на котором мы стояли, мерно проплыл теплоход, оглашая утро рассеянными гудками. Туман так сгустился, что через минуту

возмутитель спокойствия уже едва виднелся вдали. Над рекой воцарилась тишина, такая густая и звенящая, что казалось, что её можно потрогать рукой.

— Ой, Коль, а ты помнишь, как мы познакомились? – Катерина счастливо зажмурилась. – До сих пор не понимаю, как ты меня заметил-то в этой темноте на школьной дискотеке. Я и не танцевала ни разу до этого вечера.

— Что ж. Столько лет уже прошло... Настало время раскрыть тайну, – в моих глазах заплясали лукавые искорки. – Так уж получилось, что я проспорил ребятам желание. Они и сказали пригласить кого-то из девчонок, которые стенку подпирают...

Почуввав неладное, я отступил на два шага. Дальше идти было некуда – мостик предательски обрывался, отрезая от спасительного берега.

— Чегоо??? И у тебя хватило наглости мне об этом сказать?! Ну я тебе сейчас! – она схватила пустое ведро и с громкими криками побежала в мою сторону. – Проспорил, значит! Пригласить любую девчонку возле стенки!

— Стой-стой-стой, – я нежно взял у неё ведро, поставил его и заключил жену в объятия. – Я же самую красивую пригласил, ну!

Под пристальным взглядом карих глаз я немного смутился, но продолжил:

— И самую добрую, и самую мудрую! Самую-самую лучшую! – видя, что Катерина всё ещё сердится, я совсем стушевался. – Кать, ну сколько лет-то уже прошло. Ну дурак. Я же в новый класс тогда пришёл, ещё и год пропустил по болезни. Надо же мне было как-то с ними дружбу завести...

Она заулыбалась:

— Да сколько бы вам лет ни было, вы всё равно как мальчишки.

— Ну всё, ты меня раскрыла! – мы рассмеялись.

— Ой, смотри, солнце сквозь туман пробивается!

А посмотреть действительно было на что. У самого истока реки, пронзая туман, солнечные лучи заскользили по воде. Но спустя пару мгновений над рекой снова повисло полупрозрачное марево.

— Да-а, не очень-то ноябрь балует нас солнышком. Остаётся только вспоминать былые деньки и мечтать о тепле, – повёл я плечами.

— А помнишь, какое солнце было в то утро, когда с тобой решили от всех сбежать на выпускном?

— М-м. Утро. Лето. Первый попавшийся поезд, который везёт нас в неизвестном направлении...

— Солнце в рассветной дымке казалось таким огромным. Я такого никогда больше не видела. Вокруг необъятные просторы и только мы с тобой несёмся навстречу рассвету под стук колёс.

— Поэтично, ничего не скажешь...

— Я сейчас подумала, а ведь у нас столько всего с поездами связано. Сколько раз мы друг друга встречали-проводжали. Так не хотели расставаться ни на миг.

— Да-а, встречали, проводжали, ждали, на вокзале ночевали. Я же в тот день так боялся опоздать, что приехал зачем-то на пол дня раньше. Увидел тебя тогда и подумал – сейчас или никогда, – он погладил кольцо на безымянном пальце.

Время близилось к полудню. Рваные серые облака с фиолетовым отливом плыли по небу, предвещая первый снег. Последние ноябрьские дни не спасали от холода. Облачка белого пара, едва появившись, медленно растворялись в воздухе. Зябко поёжившись, я отложил удочку и крепче обнял жену.

— Чего это ты, Коль? Какие нежности... Всю рыбу сейчас проворонишь, – несмело сказала Катерина.

— Да не получится сегодня поймать ничего, Катюш. Зима наступает, ничего с этим не поделаешь, – я бросил ещё один пронзительный взгляд на речную гладь, крепче обнял жену, зажмурился и прошептал. – Люблю я тебя, Кать. Милая моя, как же я тебя люблю...

Вдруг где-то неподалёку раздался громкий всплеск. Когда я открыл глаза, ведро у моих ног было наполнено рыбой.

Кати нигде не было. По правде говоря, её совсем нигде не было. Катерина умерла десять лет назад. Прошелестев последними ноябрьскими листьями, пройдя лёгкой рябью по воде, она снова ушла от меня.

А я так и остался стоять на том мосту наедине с пустотой.

ОКСАНА СОСНИНА

г. Можга́, Удмуртия

«ГАРМОНИКА МАЛЕНЬКОЙ ЭВЫ»

(Грустная мелодия, напетая губной гармошка)

В бабушкину комнату я вхожу чуть дыша: вдруг бабушка спит... Подхожу к старому комоду, покрытому белой накрахмаленной салфеткой, которую она связала сама, и начинаю с любопытством разглядывать старинные вещи, стоящие здесь. Оглядываюсь торопливо: бабушка прикрыла глаза, сложила руки на груди и едва слышно дышит. Зеркало в широкой раме, резная коричневая шкатулка из дерева, очки с перебинтованными лейкопластырем дужками, старые фотографии, газеты... Много всего, что интересно и непонятно мне, подростку. Шкатулка давным-давно привлекла моё внимание, а спросить у бабушки, что в ней лежит, стесняюсь... Беру в руки, стараясь не шуметь, небольшую тёмного дерева коробочку, разглядываю...

— Посмотри, что в ней, внученька, – вдруг произносит бабушка, приоткрыв глаза. Оказывается, она уже бог знает сколько времени не спит и внимательно наблюдает за мной. Сон у нее чуткий. А я, очарованная сокровищами на старом комодe, даже не заметила её пробуждения.

Открываю шкатулку, повернув ключик, который торчит тут же в замочной скважине. Старые, потрепанные временем документы, а под ними какой-то непонятный металлический предмет с десятью дырочками...

— Что это? – удивлена я.

— А вот это – моя любимица. Немецкая губная гармошка, я называю её «Эва», по имени маленькой девочки, её бывшей владелицы... И я когда-то была такой как она. Ты знаешь, сколько этому «сокровищу» лет? – спрашивает, загадочно улыбаясь, бабушка. Она не требует от меня никакого ответа. А, выждав минуту, продолжает рассказывать:

— Когда я была совсем юной, как ты сейчас, мне подарил её немецкий солдат, выменял у меня на хлеб и молоко, если можно так сказать. В те годы, внученька, шла война, есть было нечего, а у нас каким-то чудом сохранилась тощая коза, дававшая негустое молоко. Молоко это, больше похожее на забеленную воду, не было ни особенно вкусным, ни тем более полезным, но

без него нам бы совсем худо было. А ещё мы пекли хлеб наполовину из лебеды. Собирали в огороде траву, перемешивали её с зерном, толкли в ступке и из получившейся буро-зелёной массы пекли горький хлеб. Жили мы рядом со школой. А в конце войны прибыл в наш городок эшелон с немецкими военнопленными. Их, сплошь раненых да больных, разместили в госпитале, который открыли тут же, в школе. Мы в те годы почти не учились – учить некому было: все учителя на фронт ушли, кто по призыву, кто добровольцем. Вот школа пустая и стояла. Немцев разместили в классах, в коридорах и даже в спортивном зале... Кого покрепче погнали на работу – пруд городской рыть, кто послабее – в госпитале раны залечивал...

А нам, детям, любопытно было, какие они, фашисты, мы и бегали на них смотреть. С виду некоторые даже симпатичные, и молодые, и среднего возраста были. Хоть немецкий язык мы плохо знали, но общаться общались, где жестами, где глазами да улыбками... Глядели мы на них из-за забора, а подходить боялись: у самих папки на фронте воевали, а некоторым даже похорошки на отцов пришли. Ненавидели мы их, но любопытство верх брало.

Смотрю: солдат один, и не молодой, и не старый, среднего возраста, так мне улыбнулся, поманил пальцем, сам к забору поближе подошёл и говорит мне что-то, улыбается. Я, конечно, ничего не поняла, кроме слова «Mädchen», «девочка» по-нашему значит. Но гляжу на него во все глаза, понять его пытаюсь. А он руку ко рту поднёс, губами причмокнул, дескать кушать хочу... Но что, думаю я ему дам, сами полуголодные бегаем. А у мамки спросить, ещё чего доброго выпорет и к госпиталю больше не подпустит. Небогатые мы были на еду в то время. Помотала в ответ головой: нету, мол, еды, звиняйте. Убежали мы с ребятишками домой. А дома работы много: траву Машке, козе нашей, заготовить, в огороде прополоть, лебеды для хлеба набрать... Да бабушка всё читать меня заставляла: сама-то слаба глазами стала, не видела почти ничего. Вот я и читала ей ещё.

Вобщем, забыла я про немцев на неделю, не ходила больше к школе. Вспомнила только, когда мать отпустила побегать с ребятишками, от работы домашней отдохнуть и от чтения с бабкой. Ну и побежали мы сразу в школу-госпиталь, новости узнать, на немцев посмотреть. Из-за забора выглядываем, к нам нянечка идет, та, что пленных выхаживает.

– Ритка, – кричит она мне, а «твой»-то всё про тебя спрашивал. Звал «Mädchen, Mädchen». А я запомнила тогда, что это он тебя так называл. Не встаёт, совсем занемог. Зайди к нему, пусть посмотрит на тебя хоть, может, в последний раз. Идём, провожу.

И я пошла с ней. Идём длинными школьными коридорами, двери в классах открыты. И вижу: где раньше парты наши стояли – нынче кровати с ранеными. Всюду слышится чужая речь, стоны, плач и даже тихий смех... Поднимаемся на второй этаж, заходим в один из классов. Кровать «моего»

немца у окна стояла. Глянула я, а он лежит такой худой-худой и в потолок смотрит. Словно уже одной ногой на том свете – взгляд отрешенный. На нас он внимания и не обращает вовсе. А мне хотелось, чтобы он посмотрел на меня, узнал и улыбнулся. Я сказала только одно слово – «Mädchen». Услышав мой голос, немец очень медленно перевел взгляд с потолка на меня, узнал. А вот улыбнуться у него уже силы не было. И я подумала, возьму-ка я из дому незаметно лепешку из лебеды да кружку козьего молока, он вылезет и улыбнется мне, а потом уедет домой, в свою Германию.

– Сейчас, миленький, не умирай только! Прошу тебя – не умирай! – крикнула я и понеслась со всех ног домой.

– Чего несешься как оглашенная? Откуда ты такая бешеная? Что случилось-то? – засыпала меня вопросами бабка.

– Некогда, ба, потом расскажу, – успела крикнуть я и бегом на кухню.

Налила из кувшина козьего молока в кружку, схватила лепешку и к воротам... Не расплескать, успеть, успеть, чтобы дядечка немец не помер.

Успела я и в этот день, и на следующий. И ещё неделю к нему ходила, молоком его отпаивала. Домашним говорила, что аппетит у меня хороший от того, что расту. Повеселел даже «мой», хоть и слаб был очень. А в один из дней поманил меня к себе рукой, велел закрыть глаза... А сам что-то положил в мою маленькую ладошку... Так не терпелось скорее посмотреть, что там!

Это был плоский металлический предмет с десятью дырочками. Увидев моё недоуменное лицо, дескать, что мол это такое, немец улыбнулся, взял его с моей ладони и поднёс к губам. Медленно-медленно, очень осторожно передвигая музыкальный инструмент вдоль своих губ, заиграл тихую и грустную мелодию. Вообще-то это была немецкая народная песенка «Ах, мой милый Августин...», веселая и простая, но у «моего» немца она получалась другой – щемяще-госкливой. Губная гармошка. От его игры на ней у меня сжалось сердце и, чтобы не расплакаться, я убежала домой».

И тут бабушка замолчала на какое-то мгновение. Видно в мыслях уносились туда, в свое военное детство.

– А что же было дальше, ну же, бабушка, расскажи! – торопила её я, так хотелось побыстрее узнать, чем же закончилась эта история. – Уехал он к себе домой?

– Нет, не уехал. Поблагодарила я «своего» немца кивком головы и убежала домой, где ещё какое-то время прятала гармошку в чулане, никому про неё не рассказывала, думала, что отберут её у меня и выбросят. И опять какое-то время в госпиталь не ходила. А когда пришла, обнаружила пустую кровать, застеленную чистой белой простыней... На немой вопрос, застывший у меня в глазах, пожилая нянечка ответила:

– Отмучался нынче ночью «твой», упокой его душу, Господи... Плохо ему было, в горячке он всё имя «Эва» повторял, дочка это его видно. Вот,

смотри, карточка у него осталась, на ней девочка, как ты почти, такая же светлая, с косичками. Может и на губной гармошке ей песни играл. И в тебе свою Эву видел. Коли надо, заведи себе карточку эту, а то пропадет, жалко. А так хоть память о человеке у кого останется!

Убежала я тогда домой с полными от слез глазами, наревелась в чулане, пока никто не видел... Только время раны лечит. А фотографию Эвы и губную гармошку храню.

И тут бабушка достала из шкатулки старенькое выцветшее фото. С него озорными глазами бабушки Риты смотрела на меня немецкая девочка.

СТЕПАН РАТНИКОВ

г. Кириши, Ленинградская область

ГОЛУБКА

(рассказ)

— А ну пошли отсюда! – бесновался Колодин, почти по пояс высунувшись в окошко на пятом этаже и яростно размахивая могучими руками, чтобы распугать с десятков голубей. – Всё вокруг загадили! Заколебался уже окна мыть...

Птицы постоянно слетались к изрядно проржавевшему металлическому контейнеру с водой, который на продолговатом козырьке продуктового магазина, занимавшего весь первый этаж типовой кирпичной пятиэтажки, установила – напротив своего кухонного окна – сердобольная пенсионерка. Благодаря ей возле контейнера, прямо на загаженной кровле, изредка появлялось и зерно с хлебными крошками.

Подкрепившись и утолив жажду, а иногда, в солнечные дни, ещё и ванну приняв, голуби не спешили покидать облюбованное местечко и кучковались там же. Нередко взлетали на карниз плоской крыши дома или пристраивались в узких продушинах, блаженно воркуя.

— Дорогой, смотри не вывались, – окликнула Колодина жена, собирая ломкие русые волосы в небольшой хвост.

— Не вывалюсь! А если даже и вывалюсь, то хотя бы поилку на землю сброшу, чтоб эти твари не слетались сюда. Заодно к старой карге в гости загляну – через окно. Прикормила этих крыс летающих, а на соседей чхать хотела. И дверь мне никогда не открывает. Не могу ей никак взбучку устроить – хоть карауль возле квартиры. Только когда караулить? И часа свободного нет, сама знаешь...

Колодин, единственный кормилец в семье, даже стремянку с работы привезти хотел, чтоб забраться на козырёк магазина и избавиться от злополучного контейнера под своими окнами. Но либо забывал это сделать, либо попросту не хотел обращать на себя лишнее внимание соседей. Хотя

те никем и ничем особо не интересовались, не желая отрываться от компьютера, телевизора, постели или бутылки.

Пару раз Колодин пытался разбавить воду в контейнере различными химикатами. Надеялся на то, что птицы начнут игнорировать жидкость сомнительного вкуса и запаха. Чистящие средства выливал прямо из окна. Струи с брызгами, минуя расстояние в три с половиной этажа, лишь частично попадали в цель, больше разукрашивая саму кровлю. Голубей от всего этого не поубавилось.

«Как будто чай ароматизированный им сварганил, – поймал себя на мысли Колодин после очередной неудачной попытки. – Точно крысы: ничем не отпугнёшь – всё проглотят и не подавятся. Лучше бы свой помёт так же жрали».

Вспоминая грызунов, он подумывал, хоть и не всерьёз, даже о крысином яде: высыпать пару пачек на козырёк – и дело с концом. Но побаивался того, что кровля окажется усыпанной трупиками птиц, слухи дойдут до полиции, а наказания за жестокое обращение с животными в последние годы ощутимо ужесточили. Потому и не рисковал, нервничая пуще прежнего и проклиная назойливое воркование с редкими, но слегка пугающими шлепками непонятно чего о подоконники и стёкла.

Спокойствия Колодину не доставляла и сыновья беспомощность. Врачи диагностировали у Вити детский церебральный паралич уже на первом году жизни. За дюжину лет ребёнок перенёс семь операций. Научился самостоятельно сидеть, потихоньку ходить с поддержкой взрослых и даже пересаживаться в инвалидную коляску, на которой ездил по двухкомнатной квартире, правда, тоже с превеликим трудом.

Подростку предстояла ещё пара-другая операций. Нуждался Витя и в кресле-каталке активного типа, но родители пока не могли позволить себе такую роскошь. А просить кого-либо о помощи гордый Колодин наотрез отказывался. Жене тоже строго-настрого запретил кланяться, твердя, что чужие проблемы не нужны никому.

В их новом доме, куда они с год назад переехали из попавшего под снос деревянного барака, лифта не было. Поэтому ежевечерние семейные прогулки начинались со стандартного ритуала. Колодин спускал с пятого этажа по узким и неудобным ступенькам инвалидную коляску, оставлял её в закутке вонючего тамбура, возвращался наверх и помогал Вите аккуратно преодолеть полосу препятствий. Жена же отвечала за открывание и закрывание дверей и за контроль над сыном, которого катала по улице, попутно рассказывая ему познавательные истории.

Сам Колодин в такие минуты мог отлучиться в магазин или по другим делам. Но по ночам почти всегда мысленно укорял себя. Укорял за то, что стесняется собственного ребёнка. За то, что избегает пристальных взглядов

прохожих. За то, что никак не может до конца смириться со своей незавидной участью.

Семью он не оставил из-за навязчивого чувства вины: преждевременные роды жены наверняка стали следствием её неоднократных стрессов на почве супружеской ругани. Колодин даже выпивать бросил – вскоре после появления сына на свет. Но, лишив себя радости опрокинуть бутылочку-другую пенного, стал ещё более вспыльчивым. Несколько раз изменил жене, не получив от этого ни малейшего удовольствия. Та, уже заметно осунувшаяся, всякий раз молча принимала извинения, не заикаясь о разводе и надеясь на то, что муж одумается и осознает: никто не будет любить его так же сильно и слепо, как она...

Праздничный июньский день выдался чуть прохладным. Ветерок колыхал кроны деревьев через дорогу от череды пятиэтажек. Солнце спряталось за неподвижными тучами, не спешившими орошать землю. Сочтя это за тишь перед бурей, вернувшийся с работы Колодин предложил супруге ненадолго выйти на улицу и прогуляться с сыном, пока есть возможность.

Когда вышли из давно никем не мытого подъезда, то первым делом увидели бабушку со второго этажа. Она, чуть сторбившись, сидела на лавочке и как будто безучастно кормила голубей дрожащими руками.

– На ловца, как говорится, и старая овца, – прохрипел Колодин и, подтолкнув жену в плечо, дескать, погуляйте пока без меня, шагнул к пенсионерке.

Для начала громко топнул, спугнув голубей. Те далеко улетать не стали и тёрлись поблизости. Колодин жаждал выдать матерную тираду, но сдержался.

– Давно пытаюсь с вами поговорить, – начал он, враждебно глядя на измождённую соседку по подъезду. – Вы понимаете, что из-за ваших... птич-чек... что ваши голуби всё вокруг загадили. И ладно тут, во дворе: как раз бы и выходили почаще да кормили своих ненаглядных подальше от подъезда. Но поилку-то на козырьке магазина какого лешего поставили? Голуби постоянно туда-сюда летают возле наших окон. Да, возле наших, возле моих! Почему? Да потому что вода и жарка рядом. А мне из-за вас подоконники да окна каждый день мыть. Ну, не каждый, ладно... Но часто, очень часто. С какого, извольте-ка узнать, перепугу я должен это делать? Подъездов в нашем доме – пять! Но голубятня эта плешивая только возле нас пасётся. Вы об этом думали хоть раз? Или птички для вас важнее людей? – Колодин сам не заметил, как перешёл на ор. – Что молчим-то? Не надо на меня смотреть, как на последнего идиота!

Бабушка потупила глаза, полные непонимания. Колодин продолжал отчитывать её, словно нашкодившую малолетку, а она испуганно проглатывала разбавленную оскорблениями критику, не выдавая ни звука в ответ.

Настороженные голуби продолжали патрулировать территорию в ожидании ухода громкоголосого неприятеля. Одна из сизых пташек,

дефилируя перед сыном Колодина и будто приметив любопытный взгляд и протянутую руку подростка, вспорхнула и безбоязненно приземлилась на свободный подлокотник инвалидной коляски. Витя аккуратно поджал плечо, чтоб не задеть голубку, и расплылся в радостной улыбке, начав играть в переглядки со смелой пернатой незнакомкой.

— Она ещё ухмыляться вздумала, – рыкнул Колодин, не догадываясь, куда в тот момент смотрела бабушка, отреагировавшая едва заметным движением сухих губ на зарождающуюся близости дружбу человека и птицы. – Думаете, я шучу?!

Двое щуплых прохожих, синхронно вздрогнув, удивлённо повернулись в сторону Колодина и ускорили шаг.

— Дорогой, всё, хватит, – осторожно произнесла жена, ненадолго оставив сына наедине с птицами, которые окружили излучавшего счастье подростка. – Она поняла тебя.

— Ага, как же, – ерепенился Колодин. – Она, похоже, не бум-бум по-русски! Ни бе, ни ме, ни курлык-курлык!

— Женщина, честное слово, мы с мужем не против того, чтоб вы кормили голубей. Просто сделайте это в другом месте – не под нашими окнами. Пожалуйста, голубушка, прошу вас. Не представляете, как это... В общем, негигиенично. Весь подъезд страдает от вас. От вашей, точнее, любви к птицам. Ну, честно. Мы же с пятого этажа прекрасно видим: голуби всегда только в одном месте собираются. И гадят там же. На наши окна в том числе. А всё из-за контейнера, который вы на козырёк магазина выставили. Поймите же наконец...

Бабушка, выслушивая жалостливую речь жены Колодина, перестала хмуриться. Голову, впрочем, так и не решалась поднять, стреляя глазами влево-вправо. И, обратив взор на мальчика-инвалида, который выглядел самым счастливым ребёнком на свете, вновь улыбнулась.

— Витя, не трогай их! – как можно безобиднее крикнул обернувшийся Колодин и затопал ногами, наводя панику в стане пернатых. – Не хватало ещё что-нибудь подхватить от этих переносчиков заболеваний.

Почувяв опасность, голуби всей стайкой улетели за дом. Витя попытался повернуть голову и проводить своих новых друзей, но не смог, а на его лице возникла гримаса боли.

Колодин снова обратился к пенсионерке и сказал ей, что два раза повторять не станет, а если кое-кто не сделает должных выводов, то он притащит с улицы огромный булыжник и сбросит его прямо на контейнер.

— Случайно разобью окно – ваши проблемы. Ну а что? Вам тоже не жалко наших окошек.

— Дорогой, всё, пошли, – схватила Колодина за руку жена, встревоженно косясь на бабушку, которую чуть потряхивало. – А то ещё заплачет сейчас. И так уже все смотрят.

Никто не смотрел. Кроме соседа с третьего этажа: тучный лысоватый мужик в белой майке-безрукавке с минуту постоял возле окна, потом хихикнул, почесал макушку, отхлебнул из здорового бокала и скрылся из виду.

Дождя в тот день так и не было.

Зато всю следующую неделю простояло неопишное пекло. Колодин каждое утро просыпался за три или четыре часа до рабочей смены, буквально выплывая из кровати и спеша под прохладный душ. Уснуть повторно пробовал лишь раз, да и то на диване, ещё не пропитавшемся – в отличие от супружеского ложа – едим потом насквозь, но через считанные минуты подскочил, устав слушать, как за окном надоедливо урчит голубь.

— Твари, достали! Сколько можно?! – выругался Колодин, разбудив жену.

Он поспешил на кухню и выглянул из окна, сразу же услышав трепет крыльев над головой. Проводив улетающую птицу испепеляющим взглядом, заметил, что контейнер на козырьке магазина заполнен водой почти под завязку.

— Глянь-ка, эта умалишённая снова вздумала крыс летающих поить, – обратился Колодин к жене, услышав её приближающиеся шаги. – Естественно, не умирать же славненьким крысёнышам от жары.

— Дорогой, ты знаешь, мне знакомая из соседнего дома, ну, когда мы с ней сыновей выгуливали, рассказала кое-что... – Жена говорила очень тихо. Но не потому, что боялась разбудить сына, а из-за терзающих душу сомнений. – У этой бабушки... ну, которая голубей поит, кормит... В общем, она ещё в начале семидесятых вдовой осталась. Как я поняла, её мужа балкой пришибло на заводе. А потом, буквально через пару лет, сын в Волхове утонул – единственный ребёнок, между прочим. Вроде как ровесником нашего Вити был. И тоже, кажется, болел чем-то. В общем, с тех пор она так и живёт. Сама по себе. Одна. Ни с кем особо не общается.

— И откуда же твоя знакомая всё это знает?

— От мамы своей. Они, как я поняла, дружили с этой... с любимицей твоей.

— Смотри, худоба бледнолицая, дошутишься у меня – проглочу и не замечу, – сострил Колодин, прищурившись.

Он прижал жену к себе, игриво укусил её за подбородок и, ткнув пальцем в крошечный нос, снова выглянул в окно.

Возле поилки снова два голубя. Один будто бы догонял другого. Сблизившись, птицы сотворили подобие поцелуя. Колодин хмыкнул.

— Что там? — любопытствовала жена и, открыв соседнюю створку, тоже выглянула в окно, одной рукой держась за крепкое плечо мужа.

Голуби ещё разок сыграли в догонялки, симитировали процесс кормления, после чего быстренько спарились.

— Да тут не только столовка, а ещё и публичный дом, — усмехнулся Колодин.

Сизая парочка, словно застуканная на месте преступления, дала дёрну в сторону соседней пятиэтажки, внешне почти ничем не отличавшейся от других в околоте.

— Может, и мы?.. — поиграв бровями, спросил Колодин у жены.

— Прекрати, — немного брезгливо отстранилась она. — Витю разбудим. На работу давай собирайся.

Вечером Колодин снова встретил безмолвную соседку со второго этажа. Вывел сына на прогулку, оставил его под присмотром матери и отправился в ближайший супермаркет за соком и фруктами, а когда вернулся, то увидел хохочущую жену, стоявшую возле подъезда в компании двух подруг. Витя в это время потихонечку катался на инвалидной коляске неподалёку от них. В руках у подростка была большая шоколадная конфета. Колодин подумал: кто-то из подруг жены угостил. Но, приметив сидевшую неподалёку на скамейке любительницу голубей, вмиг завёлся.

— Бабоньки, привет, — сугубо для протокола сказал он и, перенеся пакет с покупками из правой руки в левую, развернул жену в другую от её подружек сторону. — Конфету сыну вы дали?

— Какую конфету? — испуганным голосом произнесла супруга, закашлявшись.

— Я так и думал. Вот карга старая!

Колодин широченными шагами подошёл к сыну, выхватил конфету из его рук и швырнул ещё неразвёрнутое лакомство в кусты. Потом присел на колено и посмотрел ошалевшему ребёнку в глаза.

— Сын, извини, что я так резко. Не сдержался. Но... никогда, чёрт возьми... Слушай, никогда больше не бери ничего вон у той женщины. Так можно сразу подхватить. Ничего не бери. Договорились?

Подросток, хаотично подёргивая плечами, согласился. Об этом свидетельствовали его глаза, захлопавшие от растерянности непривычно быстро.

— Бабоньки, я прошу прощения, но... — недоговорил Колодин, отводя жену в сторонку.

— Дорогой, мне больно.

— Извини. Извини. Но, ч-чёрт меня раздери, куда... куда ты смотрела?

— Да что случилось?

— Надо не клювом щёлкать, а за сыном следить. Чтоб не брал всякую дрянь у всяких... Всё, нагулялись. Пошли домой.

— Но я...

Колодин резко и шумно выдохнул носом. Посмотрев куда-то в небо, а затем пронзив взглядом пенсионерку, он снова повернулся к жене.

— Ладно, извини, погорячился. У меня от этой «сизанутой»... от старухи, в общем... крыша уже едет. Да и на работе вдобавок мозг выносят по всяким пустякам. Вот и чудачу. Можешь ещё пострекотать со своими сороками, а мы с сыном – домой. Груш и бананов пока поедим. Наболтаетесь – поднимайся.

— Хорошо.

— И ещё раз извини. – Колодин пристально и виновато посмотрел жене в глаза. – Честно, не хотел обидеть. Сорвался на ровном месте.

— Ты меня тоже извини. Действительно, надо больше внимания Вите уделять.

— Не злись. Люблю тебя.

— И я тебя, – вмиг расцвела жена.

На следующий день Колодин вкалывал на работе за троих. Коллеги поражались его неуёмной энергии, дескать, пятница чудеса творит. Начальник тоже вниманием не обделил – сказал, что так и до повышенной премии недалеко.

В то же время в Богоявленском храме возле иконы Богоматери стояла скорбленная старушка и истово молилась за здоровье приглянувшегося ей славного мальчишки – сына соседей с пятого этажа.

— Пресвятая Богородица, всеильным заступлением твоим помоги мне умолить Сына твоего, Бога моего, об исцелении раба Божия Виктора. Все Святые и Ангелы Господни, молитесь Бога о больном рабе Его Викторе. Аминь.

Придя с работы домой, Колодин сразу же принял спасительный душ, затем опустошил тарелки с гороховым супом и пловом, ещё раз охладился под живительными струями и, переключив на киношный телеканал, прилёг на кровать. Через двадцать минут уже храпел.

Глаза открыл только утром. От духоты. Аномальная жарница не спешила покидать их края.

На работу не надо было – суббота. Колодин сполоснулся под душем, достал из холодильника упаковку ананасового сока и, наполнив кружку, начал неторопливо, будто смакуя, потягивать содержимое.

Проснувшаяся жена молча присоединилась к мужу. Отхлебнула из его кружки. Вытерла губы миниатюрным запястьем. Посидела рядышком ещё чуть-чуть, сходила в ванную, почистила зубы и вернулась на кухню. Колодин опустошил уже половину упаковки сока.

Жена села напротив мужа, левую ногу положила ему на колени. Тот, ничего не говоря, начал аккуратно массировать ступню. Обоим супругам было хорошо без слов.

Их покой нарушило глухое голубиное урчание, долго не прекращавшееся. Колодин с каждым новым днём всё сильнее ненавидел эти звуки. Разозлённый, он вскочил со стула, высунулся в окно, взглянул наверх и спустя секунду едва увернулся от летевшего прямо в лицо птичьего помёта.

— Вот твари! Ну всё, с меня хватит! Сейчас я этой старой карге...

— Дорогой, – возникла на его пути жена, ненароком опрокинувшая стул, – успокойся! Это же знак!

— Какой ещё знак? Что ты городишь?

— Знак, говорю тебе. К деньгам это.

— Рехнулась совсем?

— Тебе голубь – прямо на голову. Значит, к деньгам, – с милой улыбкой на устах и с разгорающимся огоньком в глазах сказала жена. – Примета такая.

Колодин провёл ладонью по седоватым волосам и, безгладно скорчившись, тут же сунул её под струю воды.

— Если это и примета, то она только одно означает: кто-то со второго этажа нехило огребёт!

— Забудь ты уже про эту... – жена неожиданно осеклась. – Хватит, всё, забудь. Давай лучше несколько билетиков лотерейных купим, а? Ведь голубь же...

— Голубь, голубь... У тебя самой уже кукушка – того!

— Зря ты так. Нам должно повезти. Я чувствую это. Нет, я уверена в этом! На моих глазах ещё никому вот так на голову не прилетало. Точно, говорю тебе, знак! А что, выиграем тысчонок двести – новую каталку Вите купим. Может, и на лечение дорогостоящее хватит.

— Тебе надо – ты и покупай. Сумасшедшая.

Жена и купила. Три билета. Один из них оказался выигрышным. Почти на два миллиона.

Колодин отказывался верить в подобное. С десяток раз лично перепроверил циферки в судьбоносном билете. Все ногти обгрыз, хотя ещё до поступления в техникум избавился от этой вредной привычки.

— Неужели какая-то польза от крылатых тварей? – хохотал он, целуя в губы внешне помолодевшую жену. – Но жить рядом с ними я больше не намерен. Пора подальше от этого ада. И от этой старой чертовки. Вот только получим деньжата...

Решили, что, как только сын перенесёт оставшиеся операции и пересядет в максимально удобное кресло на колёсах, обменяют свою квартиру на более просторную. Обязательно в доме с лифтом. Лучше – с двумя лифтами. Нижние этажи не рассматривали: Колодин ненавидел шум, а его тщедушная жена боялась форточников.

Вечером во дворе она, воркуя с подругами, не преминула похвастать перед ними намечавшимся переездом. Пригласила их к себе в ближайший выходной, чтобы отметить выигрыш в лотерею.

Колодин тоже язык за зубами не удержал. На работе всем всё разболтал. Но пообещал не увольняться.

Гуляли дома всю субботу. Сытно и громко. При открытых окнах – и без того дышать нечем было, пропади пропадом этот бесконечный зной. Гомон в квартире стоял такой, что ни одна птица и близко не подлетала. Хотя Витя нет-нет да и посматривал рассредоточенным взглядом в отполированное матерью окошко, мечтая увидеть там порхающую голубку.

А в Богоявленском храме после воскресной литургии сторбленная старушка, едва держась на ногах, слёзно благодарила Всевышнего за услышанные молитвы и за помощь больному мальчику, напоминавшему ей о собственном сыне.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Друзья Капитана Грэя	3
Алексей Витаков	5
Андрей Тимофеев	13
Нина Ягодинцева	19
Карина Сейдаметова	25
Дмитрий Коржов	33
Илья Виноградов	41
Светлана Чураева	45
Роман Круглов	49
Виктория Татур	52
Оксана Ралкова	58
Анна Харланова	62
Ирина Четвергова	66
Андрей Звягин	70
Ксения Савина	75
Дмитрий Филиппенко	81
Ирина Соляная	84
Стефания Данилова	88
Алёна Белоусенко	93
Михаил Зверев	100
Илья Оленев	104
Игорь Панасенко	109
Денис Домарев	113
Вадимир Трусов	118
Юрий Татаренко	123
Ольга Беспалова	127
Полина Орынская	131
Елизавета Клейн	134
Иван Щитов	137
Григорий Князев	140
Екатерина Огарева	144
Александр Пономарёв	147
Анна Мамаенко	155
Александр Гриневский	159

Олег Сюсюра.	172
Елена Фомина	176
Виталий Коротаяевский	179
Екатерина Гладышевская	183
Юлия Колмогорова	186
Елена Захарова	189
Дарья Высоцкая.	192
Екатерина Яковлева	195
Надежда Комарова.	198

Работы участников фестиваля

Елизавета Гремячевская.	205
Мария Гунер (Мэри Дарк)	208
Артём Горшенин.	210
Светлана Колотушкина.	213
Екатерина Некрасова	216
Диана Лугинина.	218
Кира Османова	221
Мария Смирнова (Эре Тиа)	224
Наталья Тимофеева	227
Екатерина Годвер.	230
Владимир Винецкий	239
Ольга Андреева	244
Наталия Горелова.	248
Оксана Соснина.	251
Степан Ратников	255